

ДАЛЬНИЙ ПОЛЕТ

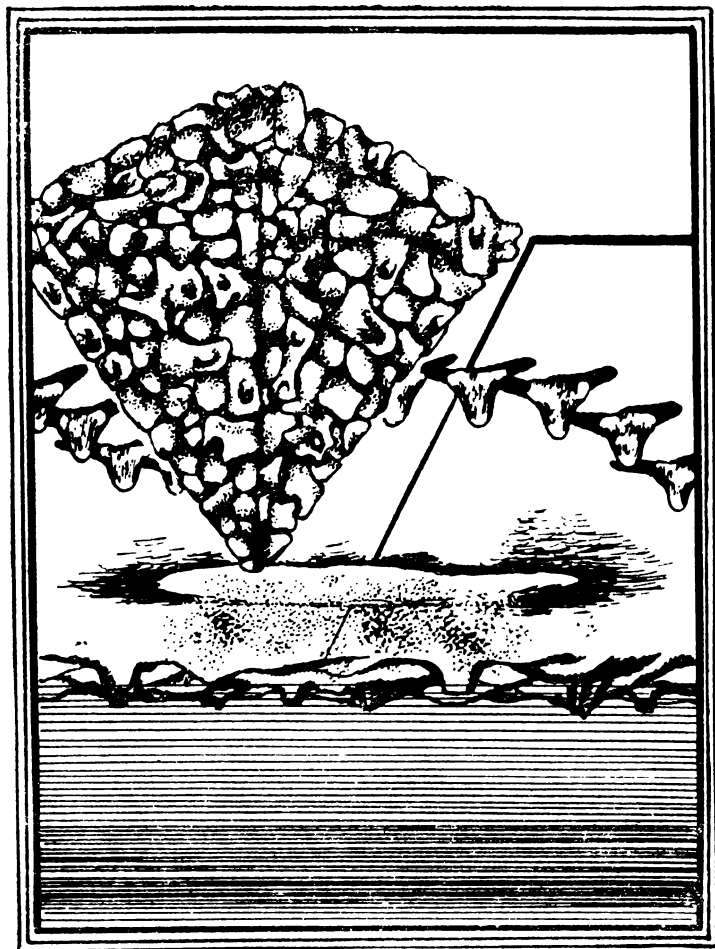
ДАЛЬНИЙ ПОЛЕТ

З
А
Р
У
Б
Е
Ж
Н
А
Я

Ф
А
Н
Т
А
С
Т
И
К
А

Дальний полет

СБОРНИК НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Предисловие Г. Хромова

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
МОСКВА 1972

Сб 3
Д 15

Д 15 Дальний полет. Сборник научн.-фантаст. произв.
Предисл. Г. Хромова. М., «Мир», 1972. 300 стр.
(Зарубежная фантастика.)

Произведения фантастов разных стран, включенные в сборник «Дальний полет», посвящены проблеме гипотетических контактов с внеземными формами разумной жизни.

7-3-4
177-72

Сб 3

*Редакция научно-популярной
и научно-фантастической литературы*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемом вниманию читателя сборнике научно-фантастических рассказов «Дальний полет» представлены произведения, в основе которых лежит та сугубо фантастическая пока ситуация, когда жители Земли сталкиваются с разумными существами, населяющими иные обитаемые миры.

Проблема контакта — так для краткости мы будем называть весь круг вопросов, сопутствующих встрече человека с инопланетными разумными существами — отнюдь не нова. Была поставлена она еще тогда, когда Джордано Бруно впервые сформулировал свой тезис о множественности обитаемых миров. С тех пор идея контакта живет в умах людей, видоизменяясь вместе с изменениями социального, культурного и технологического облика человечества. В эпохи потрясений и разрух она отходила на второй план, а затем опять овладевала умами людей.

Мы едва ли сильно ошибемся, предположив, что каждый грамотный человек в какой-то момент своей жизни задумывался над этой проблемой. Причин к тому, по нашему мнению, несколько. Первая, самая очевидная — простое любопытство. Вторая кроется в общественном характере человеческой психики. Людям свойственно стремиться к общению с себе подобными. Впрочем, как и многие другие побуждения, основанные на неотчетливо осознанных психологических мотивах, это стремление может не выдержать проверки жизнью. Мало надежды на то, что наши гипотетические собратья по разуму будут отвечать привычным стандартам человеческой привлекательности.

Третья причина представляется нам наиболее глубокой, хотя осознается она, по-видимому, реже. Мы имеем в виду стремление к интеллектуальному общению. Желание пополнить свои знания о природе и передать уже накопленные отражает, помимо всего прочего, тягу к самоутверждению и продлению жизни коллективного разума человечества в масштабах времени и пространства, не поддающихся воображению.

До недавнего времени наука мало что могла сказать о проблеме контакта, которую относили к сфере чистой фантастики. Лишь несколько лет назад развитие астрономии, биологии и техники позволило ученым сделать первые шаги в исследовании проблемы внеземной жизни. Появился целый ряд научных работ, выполненных во всеоружии современных астрономических, физических и биологических знаний. В числе авторов этих исследований можно встретить признанных ученых, пользующихся мировой известностью.

Результаты, полученные учеными, могут и обнадежить, и разочаровать. Мы узнали, что вокруг огромного числа звезд в пределах только одной нашей Галактики могут существовать планеты, пригодные для поддержания органической жизни. Правда, расстояния между такими звездами слишком велики и, казалось бы, исключают возможность посылки экспедиций. Зато не так уж трудно обмениваться информацией, посылаемой, скажем, в виде пучка радиоволн непосредственно с поверхности планеты или со специального космического зонда. Строго говоря, мы уже и сейчас могли бы обнаружить космические радиосигналы или даже послать сообщение к некоторым соседним звездам, где можно подозревать существование планеты, пригодной для жизни. Трудности здесь в основном технические и организационные, так как подобная деятельность обошлась бы очень дорого при

минимальных шансах на успех. Но все же такую ситуацию можно назвать обнадеживающей.

Теперь о разочарованиях: мы до сих пор не знаем, сколь вероятно возникновение даже простейших форм жизни на планете с самыми благоприятными условиями. Не знаем мы и того, сколь неизбежно единожды возникшая жизнь достигает уровня разумных форм, способных создать технологическую цивилизацию, подобную нашей. Ответы на эти вопросы можно ждать от биологии будущего.

Однако есть еще несколько проблем, более драматических и настолько сложных, что даже не вполне ясно, какая отрасль науки может заняться их исследованием. Не выяснено, например, сохранит ли высокоразвитая цивилизация стремление к общению с себе подобными, каких именно партнеров она будет выбирать и с какой целью осуществлять контакт.

Еще раз отметим, что обоснованных ответов на эти вопросы пока нет, и маловероятно, чтобы мы получили их в ближайшем будущем. В то же время ясно, что затронутый комплекс биологических, социальных и психологических факторов может радикально изменить наши надежды на осуществление контакта — как в ту, так и в другую сторону.

Нам остается обсудить еще один аспект проблемы контакта, которого неоднократно касались как ученые, так и писатели-фантасты. Назовем его «парадокс преждевременного контакта». Сейчас у нас больше шансов быть обнаруженными, чем самим обнаружить какую-либо цивилизацию. Нетрудно понять, что в этом случае мы столкнемся с цивилизацией, более развитой технологически и, наверное, социально. Такой контакт мог бы дать нам новую, лучшую систему знаний о природе и обществе. Но способен ли принять ее современный мир, раздираемый социальными, национальными и экономическими противоречиями?

Хорошо, если, скажем, новые знания помогут разрешить проблему рака, а что если они будут способствовать углублению этих противоречий?

Парадокс преждевременного контакта наводит на мысль, что до объединения человечества, которое наступит при становлении мировой коммунистической системы, контакт мог бы оказаться даже вредным. Человечество еще не готово выступать в роли космического индивидуума.

И все же проблема контакта не перестает привлекать умы. Возможно, что, когда человечество решит насущные проблемы социального благоустройства нашей планеты, поиски братьев по разуму станут такой же возвышенной целью жизни землян, какой сейчас является идея построения коммунизма.

Как мы попытались показать, современная наука о природе и обществе пока не в состоянии дать исчерпывающую трактовку проблемы контакта. К счастью, ограничения, свойственные научному творчеству, не присущи творчеству литературному. Писатели-фантасты могут моделировать любую ситуацию, нисколько не заботясь при этом о возможности ее реального воплощения. К их услугам, кроме богатого арсенала современной технологии, весь комплекс ее фантастических дополнений — от телепатии и до передвижения со сверхсветовой скоростью. Но людей середины XX века трудно удивить одной техникой: вера во всемогущество науки и техники укоренилась в нас как нечто естественное. Действительно, можно ли всерьез поразить наших современников каким-нибудь «боевым тренажером марсиан» по Г. Уэллсу?

В результате подобных психологических сдвигов изменились и традиционные формы научно-фантастических произведений. Теперь описания техники будущего все больше отходят на задний план, освобождая сцену для человека. Научная и особенно кос-

мическая фантастика в лучших своих образцах достигает уровня фантастики социальной.

Сейчас люди научились в какой-то степени прогнозировать развитие экономики, техники и даже самой науки. Однако поведение отдельного человека прогнозировать трудно. Только писатель со своей интуицией может как-то предсказать, что будут чувствовать, как поведут себя люди, попав в принципиально новую, фантастическую ситуацию. Привлекательная для многих из нас — пускай по разным причинам — перспектива контакта с инопланетным разумом продолжает возбуждать воображение писателей, и мы с интересом следим за игрой их фантазии.

Сборник «Дальний полет» по праву открывается повестью английского писателя Дж. Уиндема «Чокки». Дж. Уиндем уже известен советскому читателю благодаря интересному фантастическому роману «День триффидов». Герой повести «Чокки» — симпатичный английский школьник — стал объектом телепатического контакта с существом из иной планетной системы. Замысел тех, кто установил этот контакт, — помочь людям, ибо разумная жизнь — это самая большая редкость и ценность во Вселенной. Однако уже с первых страниц повести нас не оставляет чувство обреченности. Действительно, ситуация, в которую в роли своего рода медиума попал мальчик, слишком необычна для провинциального английского общества с его обывательским стремлением «быть как все». Как и следовало ожидать, неосторожный шаг неискушенного в житейских делах мальчика делает его объектом внимания со стороны падкой на сенсации буржуазной прессы. Под конец необыкновенным мальчиком начинает интересоваться то ли военно-промышленный комплекс, то ли научно-техническая разведка. Но так или

иначе, их намерения совершенно определены, и прозорливые инициаторы контакта спешат разорвать его, чтобы не принести людям бедствия вместо добра.

Тому же парадоксу преждевременного контакта посвящен рассказ Рышарда Саввы «Дальний полет». Вышедший из-под контроля космический информационный зонд, посланный иной цивилизацией, может передать на Землю не предназначенную для нее научную информацию. По оценкам существ, пославших зонд, эта информация, принятая в разобщенном земном мире, должна вызвать гибельные для него последствия. И более высокоразвитые разумные существа уничтожают зонд, жертвуя для этого жизнью одного из своих собратьев.

Хорошее впечатление оставляет рассказ Т. Старджона «Крошка и чудовище». Пришелец из космоса, по-видимому, совершивший вынужденную посадку на Земле из-за неисправности своего космического аппарата, устанавливает жизненно необходимый для него контакт с группой людей через посредство умного пса — датского дога Крошки. Несмотря на полную несхожесть внешних обликов пришельца и землян, контакт оказывается обоюдно полезным. Все же основное, по-видимому, — это общность разума, а любому высокоразвитому уму, наверное, свойственна определенная доля альтруизма.

В рассказе А. Порджеса «Погоня» мастерски воспроизводится драматическая ситуация встречи современного «джентльмена удачи» с автоматом для сбора зоологических коллекций, забытым некогда пришельцами из космоса. Этот рассказ, как и коротенький рассказ-шутка Э. Шварца «Страшная месть», принадлежит к числу произведений, вызванных к жизни имевшей хождение несколько лет назад гипотезой о посещении Земли пришельцами из космоса в доисто-

рические времена. Гипотеза эта весьма спекулятивна и отнюдь не может считаться вполне обоснованной, что, впрочем, не мешает писателям фантазировать на данную тему.

Идея социальной несправедливости находит свое отражение в рассказе М. Куэвильяса «Пастух и пришелец из космоса». Интеллект человека, находящегося на нижней ступени общественной иерархии, оказывается неизмеримо выше, чем у того, кто вознесен на вершину социальной пирамиды капиталистического общества.

Характерной реакцией на поток научно-фантастической макулатуры является юмористический рассказ К. Буиса «Исповедь Гратса». Прибывший с губительным для землян заданием разведчик-инопланетянин, впоследствии прижившийся на нашей симпатичной планете, предотвращает ее завоевание, передавая в свой штаб устрашающие описания космических баталлий, заимствованные из фантастических комиксов.

В рассказе О. Дерлета «Звезда Макилвейна» описывается грустная, хотя и не столь уж редкая история непризнанного открывателя нового. Незаметный, чудаковатый астроном-любитель устанавливает связь с космическим кораблем инопланетных существ, пролетающим через Солнечную систему. Если бы это событие стало известно людям, оно ознаменовало бы начало новой исторической эпохи. Но одиночка-изобретатель встречает лишь злобные обывательские насмешки и недоверие. И он предпочитает скрыться, омолодившись с помощью пришельцев. А может быть, просто исчезает...

В коротком рассказе А. Моралеса «Взгляд издали» ставится вопрос, вскользь затронутый нами ранее, — о том, как мало шансов, что, встретившись с братьями по разуму, мы понравимся друг другу «с первого взгляда». Мы привыкли рисовать в своем

воображении чудовищные облики инопланетных жителей, но было бы поучительно взглянуть на себя со стороны чужими глазами, представить, как мы сами выглядим.

Любителей научной фантастики, знающих творчество Г. Уэллса, С. Лема, А. Кларка, Ф. Хойла, А. Азимова, трудно чем-либо удивить. Однако любое добросовестно написанное произведение на тему о контакте всегда содержит что-то новое, дополняет картину еще несколькими штрихами. Мы надеемся, что сборник «Дальний полет» не составляет в этом смысле исключения.

Г. Хромов

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я узнал о Чокки весной того года, когда Мэтью исполнилось двенадцать. В конце апреля или в начале мая — во всяком случае весной, потому что в этот субботний день я без особого пыла смазывал косилку в сарае и вдруг услышал под окном голос Мэтью. Я удивился: я и не знал, что он тут, рядом. Он с явным раздражением отвечал кому-то, а вот кому — непонятно.

— Почему я знаю? Так уж оно есть.

Я решил, что он привел в сад приятеля и тот спросил его о чем-то по дороге. Я ждал ответа, но так и не дождался. И тут снова заговорил мой сын, сменив гнев на милость:

— Ну, время, за которое Земля оборачивается вокруг своей оси, — это сутки, и в них двадцать четыре часа, и...

Он замолчал, словно его прервали, — но я ничего не услышал.

— Не знаю я, почему! — снова ответил он. — И ничем тридцать два не лучше! Всем известно, что двадцать четыре часа — это сутки, а семь суток — неделя...

Его прервали опять. Он возразил:

— Нет, не глупо! Семь не глупей восьми. *(Пауза.)* А зачем ее делить на четвертушки? Ну зачем? В неделе семь дней — и все! А четыре недели — это месяц, только в нем тридцать дней или тридцать один... Нет, тридцать два никогда не бывает! Далась тебе эти тридцать два!.. Да, я понял, просто нам такой недели не надо... И вообще Земля делает оборот вокруг

Солнца за триста шестьдесят пять дней. Все равно ты их не разделишь на твои половинки и четвертушки.

Мое любопытство было настолько возбуждено этим односторонним разговором, что я осторожно выглянул из окна. Мэтью сидел под самым окном на перевернутом ведре, привалившись к нагретой солнцем кирпичной стенке, и я увидел сверху его светловолосую макушку. Смотрел он, по-видимому, на кусты, что росли по ту сторону газона. Но в этих кустах, да и вообще нигде вокруг никого не было.

Однако Мэтью продолжал:

— В году двенадцать месяцев... — его снова прервали, и он чуть-чуть склонил голову набок, словно прислушиваясь. Прислушался и я, но не услышал ни словечка, даже шепотом.

— Совсем не глупо! — возразил он. — Одинаковые месяцы в год не втиснешь, хоть ты их...

Он снова оборвал фразу, но на этот раз прервавший его голос был слышен весьма отчетливо. Это крикнул Колин, соседский мальчишка, в саду за стеной. Мэтью мгновенно преобразился — серьезность слетела с него, он вскочил, взревел и помчался по газону к дырке в нашем заборе.

Я же принялся за косилку, и все это не шло у меня из головы, но шум, поднятый мальчишками в соседнем саду, немного успокоил меня.

Я постарался не думать об этом, но позже, когда дети легли, мне снова стало не по себе.

Беспокоил меня не этот разговор — дети, в конце концов, часто говорят сами с собой; я удивился тому, на какую тему говорили, и не понимал, почему Мэтью так упорно и явно верил в присутствие невидимого собеседника. Наконец я спросил:

— Мэри, ты ничего не замечала странного... или... нет, как бы это получше выразиться?.. необычного, что ли... у Мэтью?

Мэри опустила вязанье.

— А, и ты заметил! — она взглянула на меня. — Да, «странное» — не то слово. Он слушал невидимку? Или говорил сам с собой?

— И то, и другое. Это с ним давно?

Она подумала.

— В первый раз я это заметила... Ну, дней двадцать назад...

Я не очень удивился, что так долго ничего не замечал: на неделе я мало вижу детей.

— Беспokoиться не стоит, — говорила Мэри. — Детская блажь... Помнишь, он был машиной, углы огибал, тормозил. Слава богу, это скоро кончилось. Надо думать, и тут недолго протянется...

В голосе ее было больше надежды, чем уверенности.

— Ты не волнуешься за него? — спросил я.

Она улыбнулась.

— Ну, что ты! Он в порядке. Я больше волнуюсь за нас.

— За нас?

— Может, нам грозит новый Пиф...

Мне стало не по себе.

— Ну нет! — вскинулся я. — Только не Пиф!

Мы с Мэри встретились шестнадцать лет назад и через год поженились.

Встречу нашу можно приписать и совершенной случайности, и чрезмерной предусмотрительности судьбы, смотря как взглянуть. Во всяком случае, обычной она не была, и — насколько нам обоим помнится — нас никто никогда не знакомил.

К тому времени я несколько лет работал не за страх, а за совесть в фирме Энсли и Толбой, что на Бедфорд-сквере, и как раз тогда меня сделали младшим компаньоном. Теперь уж я не помню, почему я решил как-то особенно, по-новому провести лето — то ли хотел отпраздновать повышение, то ли просто устал, а может, тут было и то, и другое.

Теоретически я мог поехать куда угодно. В действительности же не все было мне по карману, и времени могло не хватить, и за пределы Европы тогда не очень выезжали. Но, в сущности, и в Европе много хороших мест.

Поначалу я носился с мыслью о круизе по Эгейскому морю. Залитые солнцем острова манили меня, я тосковал по лазури вод, и пенье сирен уже ласкало мой слух. К несчастью, оказалось, что все места, кроме недоступного мне первого класса, проданы до октября.

Потом я решил просто побродить по Европе, беззаботно шагая от деревни к деревне; но, поразмыслив, понял, что моих школьных знаний французского будет маловато.

Тогда, как и тысячи других людей, я стал помышлять о туристической поездке; в конце концов, вам покажут много интересных мест. Я снова подумал о Греции, но, сообразив, что добираться до нее очень долго, даже если и делать по сто миль в день, нехотя отложил это на будущее и сосредоточил внимание на более доступных мне красотах Рима.

Мэри Босворт в эти дни была без работы. Она только что кончила Лондонский университет и не знала, кому нужны — и нужны ли вообще — ее познания в истории. Они с подружкой после экзаменов решили отправиться за границу для расширения кругозора. Правда, у них были разногласия насчет того, куда ехать. Мэри тянуло в Югославию. Подруга ес, Мелис-

са Кэмпли, стремилась в Рим — из припципа, а главное потому, что такую поездку она считала паломничеством. Сомнения Мэри — может ли паломник ехать поездом — она отмела и стояла на том, что путешествие с гидом, снабжающим вас по пути ценными сведениями, ничуть не хуже поездки верхом, сдобренной сомнительными историями *. Спор кончился сам собой: туристическое агентство сообщило, что набирает группу туристов для путешествия в Рим.

За два дня до отъезда Мелисса заболела свинкой. Мэри обзвонила друзей, но никто не смог собраться так быстро, и ей пришлось отправиться одной туда, куда ехать не хотелось.

Так цепочка помех и уступок привела к тому, что мы с Мэри и двадцатью пятью другими туристами сели в розовый с желтым автобус, и, сверкая золотыми буквами, он повез нас к югу Европы.

Но в Рим мы так и не попали.

Кое-как устроившись на ночь в гостинице у озера Комо, где удобства были ниже всякой критики, а еда — и того хуже, мы проснулись в одно лучезарное утро и, глядя на то, как солнце сгоняет туман с ломбардских холмов, поняли, что дело наше плохо. И гид, и шофер, и автобус исчезли.

После бурного совещания мы решили послать срочную телеграмму в агентство; ответа не было.

Время шло, настроение портилось — не только у нас, но и у хозяина. Кажется, он ждал к вечеру новых туристов. Наконец они прибыли, и наступил полный хаос.

Все начали снова совещаться, и вскоре стало ясно, что мы с Мэри — единственные одиночки — не можем

---

* Намек на «Кештерберийские рассказы» Чосера, где описывается паломничество к мощам святого Фомы Бекета. — *Прим. перев.*

рассчитывать на постели; стащив из ресторана стулья полегче, мы расположились на них. Все же лучше, чем на полу.

Наутро ответ от агентства все еще не пришел. Мы снова послали срочную телеграмму. Кое-как нам удалось раздобыть кофе и булочек.

— Так далеко не уедешь, — сказал я Мэри за завтраком.

— Как, по-вашему, — спросила она, — что случилось?

Я пожал плечами.

— Может, агентство обанкротилось. Эти двое — шофер и гид — как-то узнали и поспешили смыться.

— Вы думаете, не стоит тут ждать?

— Конечно. А деньги у вас есть?

— До дому доехать не хватит. Фунтов пять-шесть и лир тысячи четыре. Я думала, мне много не надо.

— И я так думал. У меня фунтов десять, а лир совсем мало. Давайте подумаем, как нам быть.

Она огляделась. Наши спутники раздраженно спорили или мрачно молчали.

— Ладно, — согласилась она.

Мы взяли чемоданы, вышли и сели у дороги ждать автобуса. Он привез нас в городок, где была железнодорожная станция, и оттуда мы поехали в Милап. Консул не очень нам обрадовался, но с облегчением вздохнул, когда узнал, что мы просим лишь денег для проезда домой вторым классом.

Следующей весной мы поженились. Это оказалось не так просто. У Мэри было столько родных, что на свадьбе я чуть не задохнулся.

Мои родители скончались за несколько лет до моей свадьбы; родных у меня мало, так что с моей стороны были только Алан Фрум — мой шафер, дядя с тетей, две кузины, старший партнер по фирме и несколько друзей. Все остальное пространство в церкви зани-

мали Босворты. Там были родители Мэри; ее старшая сестра Дженет с мужем, четырьмя детьми и явными признаками пятого; другая старшая сестра — Пэшенс, с тремя детьми; братья Эдвард (Тэд) и Фрэнсис (Фрэнк), с женами и неисчислимым количеством детей; дяди, тети, кузины, друзья, приятели и просто знакомые — все столь плодовитые, что церковь уподобилась яслям или школе. Выдавая замуж последнюю дочку, мой тесть решил устроить все на славу, и это ему удалось.

Мы немного пришли в себя и решили воплотить в жизнь заветную мечту — провести медовый месяц в Югославии и на греческих островах.

Потом мы купили домик в Чешанте — оттуда было легко доехать почти до всех Босвортов.

Когда мы его покупали, мне, помнится, стало чуть-чуть не по себе, словно я почувствовал, что поступаю не совсем благоразумно; однако я приписал это личному предубеждению. Я не привык к родственным связям, не знал их с детства, а то, что я видел, мне не очень понравилось, но ради Мэри я решил стать настоящим членом клана. Она-то к родным привыкла! К тому же, думал я, ей будет не так одиноко при моих отъездах в город.

Намерения мои были благими, но все вышло не так, как думалось. Я скоро понял, что из меня не сделаешь полноценного представителя клана; боюсь, это поняли и другие. И все же, быть может, со временем я нашел бы себе место в клане, если б не особые обстоятельства.

В первый же год после нашего знакомства Дженет родила пятого и поговаривала о том, что шесть — более круглое число. Другая сестра, Пэшенс, поспешила создать квартет. Фрэнк тоже подарил Мэри племянника, и ее то и дело приглашали в крестные

матери. У нас же не было надежд на появление ребенка.

Прошло два года с тех пор, как мы поженились, а ребенка все не было. Мэри сменила старого доктора на нового и, не поверив ему, отправилась к третьему. Третий тоже сказал, что беспокоиться не о чем... но Мэри беспокоилась.

Я, надо сказать, не знал, к чему такая спешка. Мы были молоды, и времени у нас хватало — все впереди! Мне даже хотелось пожить свободно еще несколько лет, и я говорил об этом Мэри.

Она соглашалась, но только для проформы. Создавалось впечатление, что она благодарна мне за притворство, но уверена, что сам я страдаю так же, как она.

Я не понимаю женщин. Никто их не понимает. А сами они понимают себя хуже всех. Например, ни я, ни они не могли бы сказать, почему им так хочется поскорее родить: биологическая ли это потребность или тут играют роль и другие факторы — желание оправдать надежды близких, доказать свою нормальность, укрепить семью, утвердить себя, убедиться, что ты совсем взрослая, не отстать от людей, выдержать соревнование. Не знаю, какой из этих факторов весомее и есть ли иные, но все вместе оказывают мощное воздействие. Стоит ли говорить, что замечательнейшие из женщин — скажем, Елизавета I или Флоренс Найтингейл* — не утвердили, а потеряли бы себя, роди они ребенка. В мире, где и так хватает детей, все еще мечтают о детях.

Я начал сильно беспокоиться.

— Она с ума сходит, — говорил я Алану. — И совершенно зря. Доктора уверяют ее, что все в по-

---

* Флоренс Найтингейл (1820—1910) — одна из первых женщин — медицинских сестер, организатор фронтовой службы милосердия. — *Прим. перек.*

рядке, и я уверяю — но тут все горе в том, что очень уж давит среда. Весь ее клан помешан на детях, они больше ни о чем не говорят. Сестры рожают и рожают, и невестки, и подруги, и с каждым новорожденным она чувствует себя все более неполноценной. Я теперь не знаю — да и она не знает, — хочет она ребенка для себя или это что-то вроде соревнования.

Алан ответил так:

— Думаешь, ты прав? Вряд ли. Очень ли важно, в инстинкте дело или в среде? Она хочет ребенка, вот что главное, очень хочет. Мне кажется, выход тут один.

— Да, господа, мы столько советовались...

— Я хочу сказать — надо бы найти замену. Как ты считаешь?

И мы усыновили Мэтью.

Какое-то время казалось, что все улажено. Мэри очень его полюбила, и дел у нее прибавилось. А кроме того, теперь она могла толковать о детях, как все.

Как все? Нет, не совсем... Когда прошел первый восторг, Мэри поняла, что все же она не совсем полноценная мать.

— Мы переезжаем, — сказал я Алану месяцев через шесть.

— Куда? — спросил он.

— Да я нашел тут местечко в Хиндмере. Хороший дом, побольше этого, и стоит повыше. Меньше похоже на город. Воздух, говорят, лучше.

Он кивнул.

— Так, так, — сказал он и снова кивнул. — Правильно.

— Ты о чем?

— Далеко отсюда. На другом конце Лондона. А Мэри что думает?

— Она очень рада. Вообще она теперь редко радуется, — но попробовать ей хочется. — Я помолчал. —

Иного выхода нет. Я очень боялся, что она вот-вот сорвется. Увезу ее от этих влияний. Пусть ее родные услаждаются своей плодовитостью, а ей лучше пожить самостоятельно. В новом месте никто не будет знать, что Мэтью — не ее сын, если она сама не скажет. Кажется, это и до нее дошло.

— Да, лучше не придумаешь, — отвечал Алан.

Так оно и было. Мэри ожила. Через несколько недель она совсем оправилась, завела друзей и нашла себе место в жизни.

А через год мы сами стали ждать ребенка.

Я сказал двухлетнему Мэтью, что у него появилась сестричка. К моему удивлению, он заплакал. Не без труда я допытался, что он ждал овечку. Но он быстро смирился и отнесся к Полли с большой ответственностью.

Так мы стали хорошей и правильной семьей из четырех человек — правда, одно время нас было пятеро. К нам присоединился Пиф.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Пиф был невидимый маленький друг. Полли завела его лет в пять, и, пока он был с нами, он нам очень мешал.

Вот ты садишься на пустой стул, и вдруг тоскливый вопль удерживает тебя в самой неустойчивой позе — ты чуть не задавил Пифа. Любое твоё движение могло обеспокоить неприкосновенную тварь, и Полли кидалась утешать ее, samozабвенно бормоча что-то о неосторожных злых папах. Часто в самый разгар телеспектакля или бокса из детской, сверху, раздавался зов; в большинстве случаев Пифу хотелось попить. Когда, зайдя в кафе, мы вчетвером сади-

лись за столик, Полли отчаянно молила изумленную официантку принести пятый стул. Или в машине включишь сцепление, а дети тут же взвоят — оказывается, Пиф еще не сел, надо открыть дверцу. Как-то раз я отказался взять Пифа на прогулку и зря — моя жестокость омрачила весь день.

Для существа своей породы Пиф был не слишком долговечен. Он пробыл с нами добрую часть года, которая показалась нам длинней, чем была, а летом его обидели. Увлечшись более осязаемыми друзьями, Полли бессердечно покинула его, и в город мы вернулись вчетвером.

Я был рад его исчезновению, но пожалел беднягу, обреченного навеки бродить по пустынным пляжам Сассекса. И все-таки без него стало легче — кажется, и самой Полли. И вот теперь Мэри намекнула, что нам грозит еще один такой друг; но об этом страшно было и подумать.

— Да, — печально ответил я. — К счастью, этого быть не может. Пиф годится для маленькой девочки. Если одиннадцатилетний парень хочет кем-нибудь командовать, у него всегда найдутся мальчишки поменьше.

— Ох, надеюсь, ты прав, — неуверенно сказала Мэри. — Хватит с нас одного Пифа.

— Тут совсем другое, — продолжал я. — Если помнишь, Пифа вечно бранили, и он кротко терпел. А этот все ругает, обо всем судит...

Мэри удивилась.

— Как это? Я не понимаю...

Я повторил, как мог, все, что слышал.

Мэри нахмурилась.

— Ничего не пойму, — сказала она.

— Очень просто. В конце концов, календарь — условность...

— Нет, Дэвид! Для детей — нет! Для мальчика это закон природы, как день и ночь или зима и лето. В неделе семь дней, иначе быть не может.

— Мэтью примерно так и отвечал. Понимаешь, казалось, будто он спорит с кем-то... или с самим собой. В любом случае — дело темное.

— Наверное, он спорил с тем, что ему в школе сказали — учитель или кто еще.

— Да, наверное, — согласился я. — И все равно неясно. Кажется, теперь кое-кто хочет, чтобы в каждом месяце было по двадцать восемь дней. Но чтобы в неделе — восемь, а в месяце — тридцать два... нет, такого я не слышал. — Я подумал немного. — Ничего не выйдет. Куда-то надо деть еще девятнадцать дней. — Я покачал головой. — Во всяком случае, я не хотел бы раздувать из этого историю. Просто мне это показалось необычным и все. А ты ничего не замечала?

Мэри снова опустила вязанье и пристально изучала узор.

— Нет... не то чтобы очень. Иногда он что-то бормочет, но бормочут все дети. Боюсь, я не очень прислушивалась... Понимаешь, не хотела помогать рождению нового Пифа. Но вот что важно: он теперь все время спрашивает...

— Теперь! — повторил я. — А раньше он не спрашивал?

— Сейчас — по-другому. Понимаешь, раньше он спрашивал, как все... А теперь...

— Я не заметил никаких перемен.

— Да, он и по-старому спрашивает, но еще и по-новому, иначе.

— Как же это?

— Ну, вот хотя бы: «почему у людей два пола?» Он говорит, зачем нужны два человека, чтобы сделать одного? И еще — «где Земля?» Нет, подумай — как

это «где»? По отношению к чему? Он знает, что она вращается вокруг Солнца, но где само Солнце? И еще много другого — совсем не те вопросы, что прежде.

Я ее понимал. Раньше Мэтью спрашивал много и о разном, но интересы его были ближнего прицела, скажем, «почему тут гайка?» или «почему лошади едят одну траву, а мы так не можем?»

— Взрослеет? — предположил я. — Кругозор расширяется?

Мэри поглядела на меня с упреком.

— Милый, я о том и твержу. Ты мне другое скажи: *почему* он расширяется, *почему* так вот, сразу, изменились у Мэтью интересы?

— А что? Ты как думала? Для того и ходят в школу, чтоб интересы стали шире.

— Да, да, — сказала она и снова нахмурилась. — Но это не то, Дэвид. Он не просто развивается. Он как будто перепрыгнул на другую дорожку... Он стал другим, иначе на все смотрит. — Она помолчала, все еще хмурясь, и прибавила: — Надо бы знать побольше о его родителях. В Полли я вижу и тебя, и себя. Смотришь — и чувствуешь: *что-то* развивается. А с Мэтью не за что ухватиться. Не знаешь, чего ждать.

Я понял ее — хотя не очень уж верю, что в ребенке видны родители. И еще я понял, куда идет наш разговор. Через два-три раунда мы уткнемся в проблему среды и наследственности. Чтобы этого избежать, я сказал:

— Надо слушать и наблюдать — так, незаметно, — пока впечатления не станут отчетливой. Зачем зря беспокоиться? **Может**, это скоро пройдет.

И мы решили положиться на время.

Однако следующий же день принес новые впечатления.

Для воскресной прогулки мы с Мэтью выбрали берег реки.

Я не сказал ему о подслушанном разговоре и говорить не собирался, но присматривался к нему — правда, без особых успехов. Вроде бы он был как всегда. Быть может, думал я, он стал чуть-чуть внимательней? Немножко лучше понимает нас? Иногда мне так казалось, но я не был уверен и подозревал, что это я стал внимательней к нему. Примерно с пол часа он задавал свои обычные вопросы, пока мы не добрались до фермы «У пяти вязов».

Дорога шла через луг, и штук двадцать коров тупо глядели на нас. И тут с Мэтью что-то случилось. Когда мы почти пересекли поле и подошли к перелазу через плетень, он замедлил шаг, остановился и стал смотреть на ближнюю корову. Она тоже глядела на него не без тревоги. Когда они насмотрелись друг на друга, Мэтью спросил:

— Папа, почему коровы не идут дальше?

Сперва вопрос показался мне одним из ста тысяч почему, но Мэтью очень уж вдумчиво смотрел на свою корову. Ей это, по-видимому, не нравилось. Она замотала головой, не сводя с него стеклянного взгляда. Я решил ответить серьезно.

— Ты о чем? — спросил я. — Как это «дальше»?

— Понимаешь, она идет-идет и остановится, как будто ей дальше не пройти. А почему?

Я все еще не понял.

— Куда идет? — спросил я.

Корова потеряла интерес к Мэтью и ушла. Он пристально глядел ей вслед.

— Ну, подумай, — снова начал он. — Когда Альберт подходит к воротам, коровы знают, что их сейчас начнут доить. Они знают, в какое стойло идти, и ждут его там. А когда он всех передоит, он снова отпирает ворота, и они знают, что надо идти обратно.

Дойдут до поля и станут. А зачем? Шли бы и шли.

Я понемногу начал понимать.

— Ты думаешь, они вдруг глупеют? — спросил я.

— Да, — кивнул Мэтью. — Они ведь *не хотят* тут пасть — увидят дыру в плетне и сразу уходят. Так почему бы им просто не открыть ворота и не выйти? Они бы могли.

— Ну... не умеют, наверное, — предположил я.

— Вот именно, папа. А почему? Они сто раз видели, как Альберт открывал. У них хватает ума запомнить свое стойло. Почему бы им не запомнить, как он открывает ворота? Они ведь кое-что понимают, а такое простое не поймут. Что у них в голове, интересно?

Я стал говорить об ограниченных умственных способностях животных, но это совсем сбило его с толку. Он мог понять, что у многих ума нет. Нет и нет. Но если уж он есть, почему он ограничен? Как же это могут быть границы у разума?

Мы проговорили весь остаток пути, и, входя в дом, я уже хорошо понял, что Мэри имела в виду. Раньше наш Мэтью и спрашивал, и спорил иначе. Я сказал ей об этом, и она согласилась, что пример убедительный.

Впервые мы услышали о Чокки дней через десять. Быть может, это случилось бы позже, если б Мэтью не простудился в школе. У него поднялась температура, мы его уложили, и, когда начинался сильный жар, Мэтью бредил. Иногда он не знал, с кем говорит — со мной, с Мэри или с Чокки. Этот Чокки явно тревожил его, и Мэтью несколько раз принимался с ним спорить.

На второй вечер температура сильно подскочила. Мэри позвала меня наверх. Бедняга Мэтью был совсем плох. Он пылал, лоб его покрылся потом, а голова металась по подушке, словно он хотел из нее что-то вытряхнуть. Устало и отчаянно он твердил: «Нет, Чокки, нет! Не сейчас! Я не пойму. Мне спать хочется. Ой, не надо... замолчи-и. Уйди!.. Не могу я тебе сказать». Он снова заметался и вынул руки из-под одеяла, чтобы заткнуть уши. «Чокки, перестань! Заткнись!»

Мэри подошла и положила ему руку на лоб. Он открыл глаза и узнал ее.

— Ой, мама, я так устал! Прогони ее. Она не понимает. Пристала ко мне...

Мэри вопросительно взглянула на меня. Я пожал плечами. Она присела на кровать, приподняла Мэтью и поднесла к его губам стакан апельсинового сока.

— Ну, вот, — сказала она, когда он выпил сок. — А теперь ложись и постарайся заснуть.

Мэтью лег.

— Я *хочу* заснуть, мама. А Чокки не понимает. Он говорит и говорит. Пожалуйста, скажи, чтоб он замолчал.

Мэри снова положила руку ему на лоб.

— Ну, ну, — успокаивала она, — поспи, сразу легче станет.

— Нет, ты скажи ей, мама. Она меня не слушает. Прогони ее!

Мэри нерешительно посмотрела на меня. Теперь она пожалала плечами, но тут же нашлась. Глядя куда-то поверх его головы, она заговорила, и я узнал старый прием времен Пифа.

— Чокки, — ласково, но твердо сказала она, — пожалуйста, дайте ему отдохнуть. Ему нехорошо, Чокки, он должен поспать. Я вас очень прошу, не

трогайте его сейчас. Если завтра ему станет лучше, вы приходите.

— Видишь? — сказал Мэтью. — Ты должен уйти, Чокки, а то мне будет хуже. — Он прислушался, а потом решительно ответил: — Да.

Кажется, игра удалась. Даже точно — удалась. Он лег и явно успокоился.

— Ушла, — сказал он.

— Вот и ладно, — сказала Мэри. — Теперь лежи тихо.

Он послушался, устроился поудобней и затих. Почти сразу глаза его закрылись, и через несколько минут он заснул. Мы с Мэри поглядели друг на друга. Мэри укрыла его получше и приспособила поближе звонок. Мы на цыпочках пошли к двери, погасили свет и спустились вниз.

— Ну, — сказал я, — что нам со всем этим делать?

— Как странно, правда? — сказала Мэри. — Господи, милый, в нашей семье поселился еще один Пиф!

Я налил нам обоим ликеру, протянул Мэри рюмку и поднял свою.

— Будем надеяться, этот окажется полегче, — я поставил рюмку и посмотрел на нее. — Знаешь, тут что-то не то. Я тебе уже говорил, Пифов выдумывают маленькие девочки. Но чтобы парень одиннадцати лет... Так не бывает. Надо бы кого-нибудь спросить...

Мэри кивнула.

— Да, — сказала она. — А самое странное — вот что. Он как будто сам не знает, какого Чокки рода. Дети всегда знают точно, «он» или «она». Это очень важно для них.

— Это и для взрослых важно, — ответил я, — но я тебя понимаю. Ты права. Да, очень странно... Все тут странно.

Наутро температура у Мэтью упала. Он быстро выздоровел. Очевидно, оправился и его друг и простил, что его на время выгнали.

Чокки перестал быть тайной — по-моему, тут очень помогло то, что ни я, ни Мэри не проявили недоверия; и Мэтью нам кое-что поведал.

Начнем с того, что Чокки был (или была) много лучше Пифа. Он(а) не занимал(а) пустых стульев и не чувствовал(а) себя плохо в кафе. Вообще у Чокки явно не было тела. Он(а) как бы только присутствовал(а), а слышал его (ее) один Мэтью, и то не всегда. Бывали дни, когда Мэтью совсем о нем (о ней) забывал. В отличие от Пифа Чокки не совался(лась) повсюду и не просился(лась) в уборную во время гроупеда. Из двух невидимок я предпочитал Чокки.

Мэри была не столь уверена в своем выборе.

— Как ты думаешь, — спросила она однажды вечером, поглядывая искоса на петли своего вязанья, — правы ли мы, что ему подыгрываем? Ты не хочешь разрушить то, что создано его воображением и так далее, но пойми, никто ведь не знает, где тут остановиться. Получается какой-то замкнутый круг. Если каждый будет притворяться, что верит во всякую чушь, как же дети научатся отличать правду от вымысла?

— Осторожней! — сказал я. — Ты коснулась опасной темы. Это во многом зависит от того, сколько народу верит в вымысел.

Она не приняла шуточного тона и продолжала.

— Грустно будет, если мы потом обнаружим, что эту фантазию надо было не укреплять, а развенчивать. Может, спросить психиатра? Он хоть скажет, нормально это или нет.

— Я бы не стал раздувать из этого историю, — возразил я. — Лучше оставить все как есть. Пиф исчез сам по себе, и вреда от него не было.

— Я не хочу посылать Мэтью к доктору. Я думала сама пойти посоветоваться, нормально это или нет. Мне будет легче, когда я узнаю.

— Если хочешь, я займусь расспросами, — сказал я. — Но, по-моему, это несерьезно. Вроде книг, понимаешь? Мы читаем книгу, а дети ее выдумывают, живут ею. Меня другое волнует: возраст у него не тот. Наверное, скоро это кончится. А не кончится — спросим врача.

Признаюсь, я говорил не слишком искренне. Кое-какие вопросы Мэтью меня здорово озадачили — они были вроде бы «не его», а главное — теперь, когда мы признали Чокки, он и не пытался выдать их за свои. Он часто начинал так: «Чокки не знает...», «Чокки хочет знать...», «Чокки говорит, ей интересно...»

Я отвечал, хотя мне казалось, что Мэтью ведст себя очень уж по-детски. Еще больше меня беспокоило, что он упорно считает себя посредником, переводчиком.

Во всяком случае, я решил выяснить хотя бы одно.

— Вот что, — сказал я, — не могу понять, какого Чокки пола. «Он» это или «она»? А то мне очень трудно отвечать тебе.

Мэтью не спорил.

— Да, нелегко, — сказал он. — Я тоже так думал и спросил, но Чокки не знает.

— Вон оно что! — сказал я. — Странно. Обычно это знает всякий.

Мэтью не спорил и тут.

— Понимаешь, Чокки не такой, — серьезно поведал он. — Я объяснил все как есть, а он не понял. Это очень редко бывает — по-моему, он ведь очень умный. Он сказал, что у нас все нелепо, и спросил, почему мы так устроились. А я не знаю. И никто не знает, я спрашивал. И ты не знаешь, папа?

— М-м-м... Как тебе сказать... Не совсем... — признался я. — Так уж оно есть... Природа такая...

Он кивнул.

— И я то же самое сказал — ну, примерно то же самое. Наверное, я плохо объяснил, потому что он говорит — если это на самом деле так глупо, все-таки должно быть какое-то объяснение. — Он помолчал немного, и, когда начал снова, в голосе его трогательно сочетались обида и сожаленье: — У него выходит, что все самое обыкновенное глупо. Мне даже немножко надоело. Например, он животных ругает. Не пойму, за что — разве они виноваты, что у них не очень много ума?

Мы поговорили еще. Я не скрывал заинтересованности, но не хотел быть навязчивым. По истории с Пифом я помнил, что лучше не слишком давить на воображение. То, что я узнал на этот раз, уменьшило мое расположение к Чокки. Он (или она) не отличался (лась) покладистостью. Кроме того, очень уж серьезны были эти разговоры. Вспоминая нашу беседу, я понял: Мэтью даже и не помышлял, что Чокки менее реален, чем мы, и тоже начал склоняться к тому, что надо побывать у психиатра...

Одно мы, во всяком случае, выяснили, в каком роде употреблять связанные с Чокки слова. Мэтью объяснил так:

— Чокки говорит совсем как мальчик, но, понимаешь, не о том, о чем мальчики разговаривают. А иногда он бывает такой вредный, как старшие сестры... Ты понимаешь?

Я сказал, что понимаю, и, поговорив еще немного, мы решили, что лучше все-таки отнести Чокки к мужскому роду.

Когда я рассказывал Мэри об этом разговоре, она задумчиво смотрела на меня.

— Все же как-то яснее, когда это «он», а не «оно», — объяснял я. — Легче его представить, и общаться легче, чем с каким-то бестелесным, расплывчатым существом. Мэтью кажется, что Чокки не очень похож на его приятелей...

— Вы решили, что Чокки — «он», потому что так вам легче с ним общаться, — сказала Мэри.

— Ну, знаешь, такой чепухи... — начал я, но махнул рукой. По ее отсутствующему взгляду я понял, что зря потрачу время. Она помолчала, подумала и медленно заговорила:

— Если это у него не пройдет, мы недели через две почувствуем, что и мораль, и медицина, и общество требуют от нас каких-то действий.

— Я бы держал его подальше от психиатров, — сказал я. — Когда ребенок знает, что он — «интересный случай», возникает куча новых бед.

Она помолчала — наверное, перебирала в уме знакомых детей. Потом кивнула. И мы решили посмотреть, что будет дальше.

Однако все вышло не так, как мы думали.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Тише! — заорал я, — тише вы, оба!

Мэтью удивленно воззрился на меня, Полли — тоже. Потом и Мэтью, и Полли повернулись к матери. Мэри изо всех сил сохраняла безучастный вид. Губы ее чуть-чуть поджались, и, не говоря ни слова, она покачала головой. Мэтью молча доел пудинг, встал и вышел; от обиды он держался очень прямо. Полли прожевала последний кусок и громко всхлинула. Я не растрогался.

— Чего ты плачешь? — спросил я. — Сама начала.

— Иди-ка сюда, — сказала Мэри, высула платок, вытерла ей мокрые щеки и поцеловала. — Ну, вот. Понимаешь, папа не хотел тебя обидеть. Он тысячу раз говорил, чтобы ты не задирала Мэтью. Особенно за столом. Говорил ведь, а?

Полли засопела. Она смотрела вниз и крутила пуговицу.

— Нет, правда, — сказала Мэри, — не ссорься ты с ним. Он же с тобой не ссорится. Когда вы ругаетесь, нам очень худо, да и тебе не сладко. Ну, попробуй, всем лучше будет.

Полли оторвала взгляд от пуговицы.

— Я пробую, мама! — заревела она. — Ничего не выходит.

Мэри дала ей платок.

— А ты еще попробуй, хорошо? — сказала она.

Полли постояла тихо, кинулась к выходу и выбежала, хлопнув дверью.

Я встал и закрыл дверь.

— Мне очень жаль, — сказал я, возвращаясь. — Мне даже стыдно, но сама посуди... За две недели мы ни разу не пообедали без скандала. И всегда начинается Полли. Она его мучает и пилит, пока не доведет. Прямо не знаю, что это с ней — они всегда так ладили...

— Да, ладили, — кивнула Мэри. — До недавних пор.

— Новый этап? — предположил я. — У детей все какие-то этапы. Пока они через это перевалют, совсем измотаешься. Каждый этап плох на свой лад.

— Может, и так, — задумчиво сказала Мэри. — Только... У детей такого не бывает.

Удивившись ее интонации, я взглянул на нее. Она спросила:

— Разве ты не видишь, что ее мучает?

Я тупо глядел на нее. Она объяснила:

— Самая обычная ревность. Хотя... для того, кто ревнует, ревность всегда необычна.

— Ревнует? — переспросил я.

— Да, ревнует.

— К кому же? К чему? Не понимаю!

— Чего ж тут не понять? К Чокки, ясное дело.

Я воззрился на нее.

— Какой бред! Чокки просто... ну, не знаю, кто он такой... то есть — она... оно... Его нет, просто нету.

— Что с того? Для Мэтью он есть — значит, есть и для Полли. Ты сам сказал, они всегда ладили. Полли восхищается Мэтью. Он все ей говорил, она ему помогала и очень этим гордилась. А теперь у него новый друг. Она не нужна. Как тут не взревнуешь?

Я растерялся.

— Вот теперь ты говоришь так, словно Чокки на самом деле есть.

Мэри взяла сигарету.

— Что значит — «есть»? Бесы и ведьмы есть для тех, кто в них верит. И бог тоже. Для тех, кто живет верой, неважно, что есть, чего нет. Вот я и думаю — правы ли мы? Мы ему подыгрываем, он все больше верит, Чокки все больше есть... Теперь и для Полли он есть — она ведь к *нему* ревнует. Это уже не игра... Знаешь, мне это не нравится. Надо бы посоветоваться...

Я понял, что на сей раз она говорит серьезно.

— Ладно, — сказал я, — может быть... — Но тут раздался звонок.

Я открыл дверь и увидел человека, которого несомненно знал, но никак не мог припомнить. Я уж было подумал, что он связан с родительским комитетом, как тот представился сам.

— Здравствуйте, мистер Гор. Вы, наверное, меня не помните. Моя фамилия Тримбл, я преподаю математику вашему Мэтью.

Когда мы вошли в гостиную, Мэри его узнала.

— Здравствуйте, мистер Тримбл. Мэтью наверху, готовит уроки. Позвать его?

— Нет, миссис Гор. Я хотел видеть именно вас. Конечно, из-за него.

Я предложил ему сесть и вынул бутылку виски. Он не возражал.

— Вы чем-то недовольны, да? — спросил я.

— Что вы, что вы! — поспешил заверить он. — Со всем нет. Надеюсь, ничего, что я зашел? Я не по делу, скорей из любопытства. — Он снова помолчал, глядя то на меня, то на Мэри. — Это вы математик, да? — спросил он меня.

Я покачал головой.

— Не пошел дальше арифметики.

— Значит, вы, миссис Гор? — спросил он.

Теперь головой покачала она.

— Что вы, мистер Тримбл! Я и арифметики-то не знаю.

Тримбл удивился, даже как будто огорчился.

— Странно, — сказал он, — а я думал... Может, у вас есть такой родственник или друг?..

Головой покачали мы оба. Мистер Тримбл удивился еще больше.

— Странно... — повторил он. — Кто-нибудь ему да помогал... верней, подавал мысли... как бы тут сказать... — он заторопился. — Я всей душой за новые мысли! Но, понимаете, две системы сразу — это скорей собьет ребенка, запутает... Скажу откровенно, ваш Мэтью не из вундеркиндов. До недавних пор он учился как все — ну, чуть лучше. А теперь... Как будто его кто подталкивает, дает материал, но слишком сложный... — Он снова помолчал и прибавил смущен-

но. — Для математического гения это бы ничего... он бы даже удовольствие получал... а для вашего Мэтью трудновато. Он сбивается, отстает.

— Я тоже буду с вами откровенным, — отвечал я. — Ничего не понимаю. Он что, рвется вперед, перепрыгивает через ступеньки?

— Нет, нет! Тут просто столкнулись разные системы... Ну, словно думаешь на двух языках сразу. Сперва я не понимал, в чем дело, а потом нашел обрывки черновика... Вот, взгляните.

Он склонился над бумагой и писал не меньше полчаса. Мы явно разочаровали его, но кое-что я понял и перестал удивляться путанице в голове у Мэтью.

Тримбл касался недоступных мне областей математики, и я простился с ним не без облегчения. Однако нас тронуло, что он ради Мэтью тратит собственное время, и мы обещали разобраться в этой истории.

— Прямо не пойму, кто бы это мог быть, — сказала Мэри, когда мы вернулись в гостиную. — Вроде бы он мало кого видит...

— Наверное, у них в школе есть вундеркинд, — предположил я. — Заинтересовал его вещами, которые ему еще не осилить. Правда, я никого такого не припомню. Ну, да ладно — попробую доискаться, в чем тут дело.

Я отложил это до субботы. Когда Мэри убрала со стола и увела Полли, мы с Мэтью вышли на веранду. Я вынул карандаш и нацарапал на полях газеты:

Д Н Д Д Н Н Д Д

— Что это? — спросил я.

— Сто семьдесят девять, — сказал Мэтью.

Почему бы просто не написать 179? — сказал я.

Мэтью объяснил мне двоичную систему — примерно как Тримбл.

— Что же это, легче, по-твоему? — спросил я.

— Не всегда, — сказал Мэтью, — делить трудно.

— Зачем же идти кружным путем? Разве по-обычному не проще?

— Понимаешь, так ведет счет Чокки. Он не умеет по-нашему. Он говорит, очень глупо возиться с десятью дурацкими цифрами потому, что у нас десять пальцев на руке. Тут и двух пальцев хватит.

Я смотрел на бумажку и думал, как быть. Значит, Чокки... Мог бы и сам догадаться.

— Что ж, когда Чокки считает, он так и говорит Д и Н?

— Ну, вроде того... Не совсем... Это я их зову Д и Н — вместо «да» и «нет», чтоб легче было.

Я раздумывал, как справиться с новым вторжением Чокки; надо полагать, вид у меня был растерянный — и Мэтью снова стал терпеливо объяснять.

— Понимаешь, папа, сто — это ДДННДНН. Начиная справа. 1 — нет, 2 — нет, 4 — да, 8 — нет, 16 — нет, 32 — да, 64 — да. Сложи все Д, получишь сотню. Так все числа можно написать.

Я кивнул.

— Ясно, Мэтью. А теперь вот что скажи — как ты это узнал?

— Я же говорил, папа! Так Чокки считает.

Мне снова захотелось усомниться в существовании Чокки, но я рассудительно сказал:

— Ну, а он откуда взял? Вычитал где-нибудь?

— Не знаю, папа. Кто-нибудь его научил, — уверенно отвечал Мэтью.

Я вспомнил кое-какие математические загадки, которые задал мне Тримбл, выложил Мэтью и не удивился, что для Чокки и это — дело привычное.

Вдруг Мэтью как-то встряхнулся и пристально взглянул на меня.

— Папа, ты ведь не думаешь, что я сумасшедший?

Я смутился; мне казалось, что я сумел это скрыть.

— Ну что ты! Кто тебе это сказал?

— Колин.

— Ты не говорил ему про Чокки?

— Нет! Я никому не говорил, только тебе и маме... И Полли, — печально прибавил он.

— Молодец, — похвалил я его. — Я бы тоже никому не сказал. А что же Колин?

— Я его спросил, может, он слышал — есть люди, у которых внутри кто-то разговаривает? — серьезно объяснил Мэтью. — А он говорит, не слышал, и вообще это первый признак у сумасшедших. Этих, которые слушают голоса, сажают в сумасшедший дом или жгут, как Жанну д'Арк. Ну, я и хотел узнать...

— А, вон оно что! — сказал я уверенным тоном, который не соответствовал моим чувствам. — Это совсем другое дело. — Я лихорадочно и тщетно искал мало-мальски убедительную разницу. — Он имел в виду голоса, которые пророчат или, скажем, подбивают людей на всякие глупости. Те голоса ни о чем не спрашивают и не учаг бинарной системе. Наверное, он читал про такие голоса, а тебя не совсем понял. Ты не беспокойся, не стоит.

Кажется, я говорил убедительней, чем думал. Мэтью радостно кивнул.

— Я бы очень не хотел сойти с ума, — сказал он. — Понимаешь, я совсем не сумасшедший.

Мэри я рассказал только о первой части нашей беседы — я чувствовал, что вторая ничего не даст, а ее растревожит.

— Все сложнее и сложнее, — говорил я. — Считается, что дети часто делают открытия, но они им

рады, они гордятся собой. Что-то тут не то... Зачем приписывать другому свои успехи? В этом есть что-то ненормальное. А все-таки его интересы стали шире. Он теперь больше замечает. И потом, у него появилась какая-то ответственность. Тут вот что важно: может ли повредить такой кружной подход? Этот твой Тримбл вроде бы не очень доволен?

— Ах, да! — перебила меня Мэри. — Я получила записку от мисс Тоуч, их географички. Я не все поняла, но в общем, кажется, она благодарит нас за то, что мы поощряем интерес к ее предмету, и тактично намекает, что слишком подталкивать его не надо.

— Опять Чокки? — спросил я.

— Не знаю. Боюсь, Мэтью задавал ей такие же странные вопросы, как мне — где Земля и все в этом роде.

Я подумал.

— Может, изменим тактику? — предложил я. — Перейдем в наступление?

— Нет, — сказала Мэри. — Чокки спрячется. То есть Мэтью перестанет нам доверять и замолчит, а это ведь хуже.

Я потер лоб.

— Трудно это все... И поощрять глупо, и мешать... что же нам делать?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Во вторник мы все еще думали и гадали, как нам быть.

В тот день по пути домой я забрал новую машину — автомобиль с прицепом, о котором я давно мечтал. Прицеп был большой, просторный, и багажник немалый. Мы все уселись в машину и проехали немножко для пробы. Машина меня хорошо слушалась, и я понял, что привяжусь к ней. Мои были про-

сто в восторге и, подъезжая к дому, решили держать теперь голову выше. Потом я оставил машину у гаража (мы собирались с Мэри в гости) и прошел к себе, с тем чтобы написать до ужина письмо.

Примерно через четверть часа я услышал громкий голос Мэтью. Слов я не разобрал, но понял, что он с кем-то сердито спорит. Выглянув в окно, я увидел, что прохожие останавливаются и не без удовольствия смотрят через забор. Я пошел разобраться, что к чему. Мэтью, весь красный, стоял неподалеку от машины и что-то кричал. Я направился туда.

— Что случилось, Мэтью? — спросил я.

Он обернулся. Сердитые детские слезы текли по его красным щекам. Пытаясь что-то выговорить, он схватил мою руку обеими руками. Я посмотрел на машину, подозревая, что все дело в ней. Она была вроде бы в порядке. Тогда я увел Мэтью подальше от зрителей, сел в кресло на веранде и посадил его к себе на колени. Еще никогда в жизни я не видел его в таком состоянии. Он трясся от гнева, задышался, плакал. Я обнял его.

— Ну, ну, старина! Успокойся! — говорил я.

Мало-помалу он затих и стал дышать чуть ровнее. Наконец он глубоко вздохнул. Я дал ему платок.

— Прости меня, папа, — сказал он сквозь платок, громко сопя.

— Да ладно. Не торопись.

Он опустил платок и сжал его в кулаке; дышал он еще тяжело. Потом поплакал снова, но уже иначе. Снова утерся, снова вздохнул и стал приходить в себя.

— Прости меня, папа, — повторил он. — Кажется, прошло.

— Молодец, — отвечал я, — кто же тебя обидел?

Он ответил не сразу.

— Машина...

Я удивился.

— Машина? Господи помилуй! Она как будто в порядке. Что она тебе сделала?

— Ну, не сама машина, — пояснил Мэтью. — Она очень хорошая, я думал — она прямо люкс, и Чокки понравится. Я ее показал и стал объяснять, как и что.

— А ему не понравилась? — догадался я.

Что-то ёкнуло у Мэтью в горле, но он взял себя в руки и твердо продолжал:

— Он сказал, она дурацкая... и страшная... и нелепая. Он... над ней смеялся!

Воспоминание об этой чудовишной несправедливости снова вывело его из себя, но он победил свой гнев. Я всерьез обеспокоился. Мне совсем не понравилось, что мнимое существо вызвало такую истерику. Я пожалел, что мало знаю о симптомах шизофрении. Ясно было одно: развенчивать Чокки — не время, а сказать что-то надо.

— Что ж в ней смешного? — спросил я.

Мэтью засопел, помолчал и снова засопел.

— Да все! — мрачно сказал он. — Мотор дурацкий, и устарел, и неэкономно... и вообще глупо. Что за машина, если ей нужны тормоза! Должна сама останавливаться. И почему нужны рессоры — потому что едешь по земле на колесах, а на них еще какие-то сошки? Я говорю, машины все такие, а наша — новая и очень хорошая. А он говорит, чепуха, наша машина дурацкая, и опасная, и только дурак может выдумать такую громышку, и дурак на ней поедет. А потом... я не все помню, я очень рассердился. И плевать мне на этого Чокки! Наша машина — первый класс.

Тяжелый случай... Сердился он искренне; было ясно, что мальчик перенес настоящую яростную схватку. Я больше не сомневался, что надо посоветоваться с психиатром, а то сделаешь неверный шаг. Однако я не сдался.

— Какой же должна быть машина, по его мнению? — спросил я.

— Вот и я так спросил! — сказал Мэтью. — А он говорит — там, у них, машины без колес. Они едут немножко над землей и совсем бесшумно. Он сказал, для наших машин нужны дороги, и скоро все они друг друга передавят. А хорошие машины просто не могут врезаться друг в друга.

— Да, это было бы неплохо, если удастся сделать, — согласился я. — Только где это — «у них»?

Мэтью нахмурился.

— Мы никак не разберемся. Понимаешь, когда не известно, где все остальное, не поймешь, где ты сам.

— Ты хочешь сказать, у вас нет точки отсчета? — предположил я.

— Да, наверное, так, — неуверенно отвечал Мэтью. — Я думаю, он живет очень далеко. Там все другое.

Я хмыкнул и пошел другим путем.

— А сколько ему лет?

— Да хватает, — сказал Мэтью. — У них там другое время. Мы подсчитали, что по-нашему ему лет двадцать. Только он говорит, что проживет века два, так что двадцать — это еще немного. Он считает, что очень глупо жить лет по семьдесят.

— Он многое считает глупым, — заметил я.

Мэтью пылко закивал.

— Ой, много! — согласился он. — Чуть не все.

— Прискорбно... — сказал я.

— Иногда надоедает, — признал он.

Тут Мэри позвала нас ужинать.

Я совершенно не знал, что делать. По-видимому, у Мэтью хватило осторожности, и он не рассказал приятелям про Чокки. Наверное, он решил поделиться

с Полли новым другом — и зря. Но говорить ему с кем-то надо, а после истории с машиной надо было и выплакаться, для чего я очень подходил.

Когда я рассказал Мэри про машину, она предложила спросить нашего домашнего врача, к кому же нам обратиться. Я был против. Эйкот — приличный лекарь, но мне казалось, что для этого дела у него кишка тонка. И потом Мэтью его не любил и ему бы не доверился. Скорей, он обиделся бы, что мы его выдали, и замкнулся бы в себе.

Мэри подумала и согласилась со мной.

— А все-таки, — сказала она, — дело зашло так далеко, что пускать на самотек уже нельзя. Надо что-то делать. К случайному психиатру не будешь обращаться. Нужен хороший, подходящий, чтоб кто-нибудь его знал...

— Кажется, я знаю, — сказал я. — Алан недавно вспоминал одного нашего парня из Кембриджа, некоего Лендиса. Рой Лендис. Алан с ним дружил, и сейчас они видятся. Этот Лендис как раз занялся психиатрией. Он бы нам подсказал, с кем посоветоваться. А может, это по его специальности. Попробуем, а?

— Хорошо, — согласилась Мэри. — Замани его сюда. Все лучше, чем сидеть сложа руки.

Время и профессиональный навык творят чудеса. В элегантном человеке с бородкой, который пришел в клуб, чтоб с нами пообедать, я с трудом узнал не-ряху-студента и подумал, что его внешний вид внушает доверие и немножко пугает. Мне стало чуть-чуть не по себе.

Тем не менее я прыгнул в воду. Я подчеркнул, что нам срочно нужен совет, и рассказал про Мэтью. Слушая меня, Лендис становился все проще и вниматель-

ней. История с машиной очень заинтересовала его. Он задал несколько вопросов; я ответил, как мог, и во мне родилась надежда. Потом он согласился приехать к нам через неделю и объяснил, как подготовить почву. И я со спокойной совестью доложил Мэри, что дело, наконец, сдвинулось с места.

Назавтра я сказал Мэтью:

— Знаешь, вчера я обедал с моим старым другом. Наверное, он тебе понравится.

— У-гу, — сказал Мэтью, не слишком интересовавшийся моими старыми друзьями.

— Мы говорили о машинах, — продолжал я, — и он думает примерно как твой Чокки. Он говорит, что теперешние машины — очень топорные.

— У-гу, — повторил Мэтью и прямо взглянул на меня. — А ты ему сказал?

— Ну, кое-что. Понимаешь, не мог же я соврать, что это твои мысли. Он и не удивился — не то, что я. Вероятно, он такое слышал.

Мэтью чуть-чуть оживился, но был еще настороже.

— С ним тоже говорят? — спросил он.

— Нет, — сказал я, — не с ним. Наверное, с его знакомым. В общем он не очень удивился. Боюсь, мы не слишком глубоко обсудили вопрос, но я думал, тебе будет интересно.

Начало вышло хорошее. Мэтью возвращался к этой теме раза два. Ему понравилось, что кто-то не удивился его Чокки.

В субботу мы на новой машине отправились к морю. Мы выкупались, поели, а потом взрослые легли позагорать, а дети гуляли.

В половине шестого мы собрались домой. Полли быстро нашли и оторвали от новых подружек, а Мэтью нигде не было. Не было его и в шесть. Я решил про-

ехать по берегу, а женщины остались на случай, если он вернется.

Нашел я его в порту, где он вел серьезную беседу с полисменом. Я подъехал ближе, и он увидел меня.

— Ой, папа! — крикнул он, поднял глаза на собеседника и пошел ко мне. Полисмен последовал за ним и поднес руку к шлему.

— Добрый день, сэр, — сказал он. — Я тут толкую вашему пареньку, что это не дело. — Он покачал головой. — Разве можно в лодки лазать? Все равно что в чужой дом.

— Конечно, нельзя, констебль, — согласился я. — Ты лазал в лодки, Мэтью?

— Я просто смотрел. Я думал, можно. Я ничего не делал.

— Но в лодку ты лез?

— Да, папа.

Тут я покачал головой.

— Нехорошо! Констебль совершенно прав. Ты попросил прощенья? — Я взглянул на полисмена и увидел, что тот чуть заметно подмигнул мне. Мэтью тоже взглянул на него снизу вверх.

— Простите, сэр, — сказал он. — Я не думал, что лодка — как дом. Теперь буду знать, — и протянул руку.

Полисмен серьезно пожал ее.

— Ну, поехали, и так опаздываем, — сказал я. — Спасибо, констебль.

Полисмен улыбнулся и снова козырнул мне.

— Что ты такое натворил? — спросил я.

— Я же сказал! Смотрел и все.

— Ну, тебе повезло. Хороший полисмен попался.

— Да, — сказал Мэтью.

Мы помолчали.

— Папа, — начал он снова, — прости, что я опоздал. Понимаешь, Чокки никогда не видел лодки,

то есть — вблизи не видел. Я ему показывал. А там один заметил, рассердился и потащил меня к полисмену.

— Ясно. Значит, Чокки виноват?

— Не совсем, — признался честный Мэтью, — я думал, ему понравится.

— Гм, — усмехнулся я, — по-моему, это вполне в его духе: заявить, что лодки — дурацкие.

— Он так и сказал. Он говорит, надо очень много сил, чтоб разрезать всю эту воду. Разве не умней скользнуть над водой и разрезать воздух?

— Ну, здесь он опоздал. Передай, что это у нас есть, — отвечал я, и тут мы подъехали к тому месту, где нас ждали женщины.

Неделя шла к концу, и я все больше радовался, что скоро приедет Лендис. Начнем с того, что Мэтью принес дневник, и, хотя все, казалось, было в порядке, кое-что поставило меня в тупик.

Мистер Тримбл, признавая успехи Мэтью, считал, что они возросли бы, если бы он ограничился традиционной школьной программой.

Мисс Тоуч с удовольствием отмечала внезапный интерес к ее предмету, но советовала отложить астрономию и ограничиться пока географией.

Мистер Кефер, учитель физики, был не совсем доволен. «Рекомендую, — писал он, — задавать меньше вопросов и прочнее усваивать материал».

— Что у тебя там с мистером Кефером? — спросил я.

— Он сердится, — ответил Мэтью. — Как-то я спросил про световое давление, а другой раз я сказал, что понимаю, что такое тяготение, только не понимаю, почему оно такое. Кажется, он и сам не знает, да и про многое другое тоже. Он хотел узнать, кто меня

научил так спрашивать. Не могу ж я ему сказать про Чокки! А он сердится. Но сейчас все в порядке. Я вижу, что спрашивать не стоит, и сижу тихо.

— Мисс Блейд тоже как будто недовольна.

— А, это я спросил, как размножаться, если у тебя один пол. Она говорит — «конечно, у каждого один пол», а я говорю — «нет, если у всех один пол, все одинаковые». Она стала объяснять, что так бывает у растений, а я сказал — «нет, не только у них», а она сказала — «чепуха!» Ну, я и ответил, что это не чепуха, потому что я сам такого знаю. А она спросила особенным голосом, что я имею в виду. Тут я увидел, что не надо было лезть — не говорить же ей про Чокки! Я и заткнулся, а она не отстает. Теперь все время на меня вот так смотрит. А больше ничего не было.

Удивлялась не одна мисс Блейд. Я сам недавно спросил:

— А дом у него есть? Ну, мама, папа, семья — он тебе не говорил?

— Да не очень, — сказал Мэтью. — Я никак не разберусь. Понимаешь, он говорит много слов, которые ничего не значат.

Я признался, что не совсем понял. Мэтью нахмурился.

— Вот если б я был глухой, — начал он наконец, — а ты бы мне говорил про музыку, я бы не понял, верно? Так и тут, вроде этого. Он говорит про кого-то... папу или маму... но у него это все вместе, как-то одно выходит.

Я заметил только, что все это очень странно. Мэтью не спорил.

— И ему нас трудно понять, — поведал он. — Он говорит, очень неудобно, когда у тебя двое родителей. Легко любить одного, но как же можно любить двоих одинаково?

Изложение этих идей загадочного Чокки расположило меня к биологичке. Кроме того, я порадовался, что приедет Лендис, хотя и боялся приговора.

Вскоре позвонила Дженет и сообщила — как всегда, кратко, — что собирается к нам на уикэнд. Мэри, не вдаваясь в подробности, сказала, что мы будем заняты.

— Жаль, — ответила Дженет. — Ну, ничего. Мы погостим у вас в пятницу и субботу.

— А, черт! — сказала Мэри, вешая трубку. — Надо было позвать ее на *то* воскресенье. Ладно уж, теперь поздно.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В пятницу вечером приехала Дженет с мужем и двумя младшими детьми. Верные себе, они опоздали на полтора часа, а потом целые сутки вели привычные беседы. Мэри и Дженет говорили о детях Дженет, о детях третьей сестры, Пэшенс, и брата Теда, и брата Фрэнка, и многих общих друзей. Я и Кеннет придерживались более безопасной темы и говорили о машинах. Все шло прилично, пока к субботнему вечеру Дженет не заметила, что в беседах еще не коснулась наших детей.

— Конечно, это не мое дело, — начала она, — но, по-моему, свежим глазом иногда увидишь больше. Ты согласна?

Я посмотрел на Мэри. Она усердно разглядывала вязанье.

— Может быть, да... А может, и нет, — ответила она.

Но Дженет задала чисто риторический вопрос и не собиралась пускаться в обобщения.

— Мэтью как-то осунулся, — продолжала она, — он вроде бы бледноват.

— Да? — сказала Мэри.

— Ты не замечала? Вот это я и имела в виду! Наверное, устал... В этом возрасте им часто не по силам нагрузка...

— Правда? — спросила Мэри.

— А может, он просто хилый, — продолжала Дженет. Мэри кончила ряд, положила работу на колени и разгладила ее рукой.

— Да нет, он крепкий, — сказала она. — Верно, Дэвид?

— Еще бы! — сказал я. — Ничем не болел, кроме насморка, а уж от этого не убережешь.

— Как я рада! — сказала Дженет. — А все-таки надо бы присмотреться. В конце концов, мы не так много знаем о его наследственности. Вы не обращали внимания? Он иногда как-то отсутствует... погружен в себя.

— Не обращали, — ответила Мэри.

— Потому я и сказала о свежем глазе. А я заметила. И еще, Тим говорит, что Мэтью разговаривает сам с собой.

— Дети часто думают вслух.

— Да, но Тим слышал кое-что странное. Понимаешь, у некоторых детей слишком развита фантазия. Мэри оставила вязанье.

— Что же именно слышал Тим? — спросила она.

— Он точно не помнит, но что-то странное.

Я почувствовал, что время вмешаться.

— Понятно, — сказал я. — Мэтью чересчур чувствителен. Твой Тим настолько не умеет погружаться в себя...

Дженет услышала только то, что хотела.

— Вот именно! — вскричала она. — Сразу видно, что они совсем разные.

— Твой Тим на удивление нормален, — согласился я. — Трудно представить, чтобы он сказал что-нибудь

странное. Правда, иногда мне жаль, что идеальную нормальность обретаешь только за счет индивидуальности. Что ж, ничего не поделаешь! Нормальность — это посредственность.

— Я бы не сказала, что Тим посредственный, — возмутилась Дженет и принялась объяснять, чем он хорош. Во всяком случае, о Мэтью она забыла.

— Хорошо, что ты перевел разговор, — сказала Мэри, когда мы ушли к себе. — А вообще ты зря так про Тима. Он совсем не дурак.

— Конечно, не дурак, а вот твоя сестра — особа настырная и, боюсь, не слишком умная. Как все родители, она хочет, чтоб ее ребенок был и нормален, и гениален. Она намекнула, что Мэтью не совсем нормален, и пошла в атаку. Мне пришлось обороняться, и я намекнул, что Тим не гениален. Тут обороняться пришлось ей. Дело простое.

Конечно, Дженет со всей оравой уехала позже, чем думала, но все же мы выставили их минут за двадцать до прибытия Лендиса. Прибыл он, как и положено преуспевающему врачу, в большом сверкающем «ягуаре».

Я познакомил его со своими. Мэри была немного сдержанна, а Мэтью, к счастью, очень приветлив. После завтрака мы посидели на веранде, а потом Мэри увела Полли, я сослался на какое-то дело, и Мэтью с Лендисом остались одни.

Когда пришло время пить чай, я увидел, что Мэтью еще говорит. Лендис взглядом попросил меня уйти.

Мы с женщинами решили пить чай без них и были правы — беседа кончилась часам к шести. Мэтью и Лендис вышли к нам. Они вроде бы очень подружались. Мэтью был много веселей, чем обычно, Лендис о чем-то думал.

Дети поели первыми и легли. Теперь можно было поговорить. Мы сели к столу; беседу начала Мэри:

— Надеюсь, Мэтью вас не слишком замучил, — сказала она.

Лендис покачал головой.

— Замучил! — повторил он. — Куда там... — Он обернулся ко мне. — Вы мне и половины не рассказывали, — прибавил он не без упрека.

— А я и не знаю половины, — отвечал я. — Не хотел на него давить. Я еще не забыл, как трудно, когда родители на тебя давят. Потому я вас и позвал. Конечно, вы — врач, но я надеялся, что с чужим ему легче. Кажется, так и есть.

— Да, — кивнул Лендис. — Я и не думал, что ему так нужен советчик. Ну, сейчас он облегчил душу, и ему, наверное, станет легче.

Он помолчал, потом обратился к Мэри.

— Скажите, миссис Гор, а раньше, до этого Чокки, он много фантазировал?

Мэри подумала.

— Да нет, — сказала она. — В раннем детстве он был очень впечатлительным. Его приходилось уводить раньше, чем включишь радио. Но это ведь другое, правда? А фантазером... нет, не был.

Лендис кивнул..

— Признаюсь, после разговора с вашим мужем я было решил, что Мэтью начитался фантастики. Я пошел по ложному пути.

— Вообще-то он много читал, — вставил я. — Как они все. Но он больше любит старые приключенческие книги.

— Да, я это быстро выяснил. И передумал... а потом передумал снова.

Он долго молчал, и Мэри не выдержала.

— Что ж вы думаете теперь?

Лендис ответил не сразу. Отвечая, он почему-то глядел в стену странным, отсутствующим взглядом.

— В конце концов, — сказал он, — вы не мои пациенты. Пациентам я бы сказал, что случай сложный и сразу не разберешься. Я бы уклонился от ответа. Но у вас я неофициально, и вот я признаюсь: это мне не по силам.

Он замолчал, Мэри посмотрела мне в глаза. Мы ничего не сказали.

— Просто не понимаю, — продолжал Лендис. — Вижу, на что это похоже, но получается какая-то чушь..

Он снова замолчал.

— На что же это похоже? — немного резко спросил я.

Он подумал, потом вздохнул.

— Больше всего это похоже на то, что наши темные предки называли одержимостью. Они бы сказали, что некий дух, быть может злой, вселился в Мэтью.

Мы помолчали. Я заговорил первым.

— Вы сами сказали, что это чушь..

— Не знаю... Нам нельзя превращаться в таких же догматиков, как наши предки. Легко все упростить — сам Мэтью именно упрощает, когда рассказывает нам, что Чокки с ним говорит, а он его слушает. Предки сказали бы, что он «слышит голоса», но это все — слова, способ выражения. У Мэтью нет иного слова, кроме «говорить». На самом деле он не слушает Чокки, он ничего не слышит. И, отвечая, он не нуждается в словах — иногда, правда, он их произносит, по привычке. И «слушать» здесь — в переносном смысле. Но беседы эти — не выдумка. Они реальны.

Мэри хмурилась.

— Объясните лучше, — сказала она.

— Несомненно одно: тут вмешалось еще чье-то сознание, — сказал Лендис. — Вспомните, что он

спрашивал и что рассказывал вам обоим. Все мы согласны, что ему такого не придумать, и потому я здесь. Но не удивляло ли вас, что все это выражено очень просто, по-детски?

— Ему еще нет двенадцати, — заметила Мэри.

— Вот именно. И для его лет у него на редкость богатый словарь. Но для этих тем у него слов не хватает. Он знает, что хочет спросить или сказать, но подобрать подходящие слова ему трудно.

Так вот, если б он повторял то, что слышал, он бы не столкнулся с этой трудностью, он бы просто повторил те же самые слова, даже если бы их не понял. Если б он прочел все это в книге, он бы запомнил. В общем он бы не мучился муками слова. Значит, он не слышал и не читал. Однако он понимает то, о чем спрашивает. Как же эти мысли попали в его голову? Вот что неясно...

— Так ли уж неясно? — спросила Мэри. — Слова — это воплощение мыслей. Мысли есть у всех. Они могут прийти в голову раньше слов.

Этот ее тон был мне знаком. Что-то рассердило ее — быть может, словечко «одержимость».

— Возьмем бинарную систему, — продолжал Лендис. — Если б ему объяснили ее или если б он о ней прочитал, он бы знал о нуле и единице, или о плюсе и минусе, или хотя бы об иксе и игреке. Он же знает только отрицание и утверждение и сам назвал их Д и Н.

— Ну, хорошо, — вмешалась Мэри. — Слов он не слышит, но что же тогда происходит? Откуда он взял, что с ним говорит этот Чокки?

— Чокки на самом деле есть. Конечно, я сперва подумал, что Мэтью подсознательно создал его, и быстро убедился, что неправ. А вот где он и кто он, я не знаю, как и Мэтью.

Мэри ждала не этого.

— Я понимаю, что Чокки существует для Мэтью, — сказала она. — Он реален для Мэтью, потому мы и подыгрываем, но...

Лендис прервал ее:

— Нет, он куда реальней! Кто бы он ни был, он — не плод воображения.

— *Сознательного* воображения, — уточнил я. — Быть может, он плод комплекса?

Лендис покачал головой.

— Не думаю. Возьмем этот случай с машиной. Ни один мальчик его лет не назовет последнюю модель нелепой. Она для него — чудо. Мэтью гордился ей, хотел ею похвастаться. А вышло то самое, что вышло бы, если бы другой мальчик или другой взрослый над ней посмеялся. Только ни мальчик, ни взрослый не смогли бы объяснить, какой же ей следует быть на самом деле.

А сегодня он рассказал мне еще одно. По его словам, он объяснял Чокки, что такое ступенчатые ракеты. И Чокки снова посмеялся. Он считает их дурацкими и устарелыми, в общем — примитивными. Он сказал, что тяготение — это сила, то есть вид энергии, а очень глупо и накладно перешибать одну энергию другой. Надо сперва изучить природу препятствующей силы. Когда ее изучишь как следует, то поймешь, как ее преодолеть и даже заставить ее работать на нас, а не против нас. Чтобы запустить космический корабль, надо не выстреливать им в небо, преодолевая тяготение, а научиться защите от тяготения, создать преграду. Тогда, уравнивая силу притяжения и центробежную силу, можно добиться плавного старта и ровного ускорения. При разумной степени ускорения лишь в два или три g вскоре совершенно спокойно достигается скорость, которой нашим ракетам не развить. Управляя антигравита-

ционными экранами, вы установите направление, а скорость сможете уменьшать или увеличивать.

Наши ракеты, сказал Чокки, просты (он имел в виду примитивны), как автомобиль на часовом механизме или на бензиновой горелке. Исчерпаете горючее, и вам конец — но тут мы застряли. Мэтью не понял. Какая-то сила — и все. Вроде бы она похожа на электричество, но он знает, что она совсем другая. Во всяком случае, берут ее из космической радиации, и она может двигать машины и защищать от тяготения, и она никогда не кончится. Предел скорости для нас — скорость света. Нашему космоплаванию мешают два обстоятельства. Во-первых, на ускорение и замедление уходит много времени; мы боремся с этим, увеличивая g , но эффект невелик, — а какой ценой дается! Во-вторых, — и это важнее — скорость света мала, и так не достигнешь звезд. Как-то надо все это преодолеть, а пока что — и тут Мэтью снова ничего не понял. Он сказал мне: «Чокки еще говорил, но это ничего не значило. Это не влезает в слова».

Лендис помолчал.

— Такие мысли — тоже не из книг. Он мог читать об этом, но не читал. Тогда бы он хоть что-то понял и не искал бы слов.

— А я не поняла ничего, — сказала Мэри. — Причем тут вообще космические полеты?

— Это просто пример. Ему каким-то образом дали понять, что наши ракеты плохи, как и наши машины.

— И вам кажется, что все это верно, то есть мало-мальски связно?

— То, что он говорит, не выходит за пределы логики. Уж лучше бы выходило!

— Почему?

— Можно было бы решить, что он сам пытается что-то склеить из прочитанного. А тут он честно при-

знается, что многого не понимает, и очень старается верно передать все, что понял. И еще одно: по мнению этого Чокки, нашу цивилизацию очень тормозит упование на колесо. Мы когда-то набрали на вращательное движение и всюду его суем. Только совсем недавно мы начали немного от него освобождаться. Откуда мальчику взять такую мысль?

— Ну, что ж, — сказал я, — предположим, мы решили, что дело тут не в подсознании. Как же нам быть?

Лендис снова покачал головой.

— Честно говоря, сейчас я не знаю. Без всякой науки, просто так, я могу только повторить в самом буквальном смысле слова: «Не знаю, что с ним». Я не знаю, что или кто с ним беседует. Хотел бы я знать!

Мэри быстро и решительно встала. Мы сложили тарелки на столик, и она покатила его к дверям. Через несколько минут она принесла кофе, разлила его и сказала Лендису:

— Значит, вы не можете ему помочь, да? Больше вам сказать нечего?

Лендис нахмурился.

— Помочь — повторил он. — Не знаю. Я вообще не уверен, что ему нужна помощь. Сейчас ему надо с кем-нибудь говорить о Чокки. Он не особенно привязан к Чокки, часто на него сердится, но узнает от него много интересного. В сущности, его беспокоит не столько сам Чокки — есть он или нет; его беспокоит, как бы сохранить тайну, и тут он прав. Пока что он доверил ее только вам. Мог доверить и сестре, но она, кажется, его подвела.

Мэри помешивала кофе, растерянно глядя на крошечную воронку в чашке, потом сказала:

— Теперь вы говорите так, будто Чокки существует. Не надо путать. Чокки — выдумка Мэтью, друг для игры, вроде Пифа. Я понимаю, это бывает, и

беспокоиться нечего — до какой-то грани, а когда он переступит эту грань, беспокоиться нужно, это уже ненормально. Какое-то время нам казалось, что Мэтью переступил эту грань и с ним творится что-то неладное. Потому Дэвид и обратился к вам.

Лендис пристально взглянул на нее и ответил:

— Боюсь, я неточно выразился. Чокки совсем не похож на Пифа. Я хотел бы думать, как вы — да меня и учили этому. Я рад бы счесть это выдумкой. Ребячья выдумка, вроде Пифа, вышла из-под власти Мэтью — и все. Но я не могу спорить с очевидностью. Я не фанатик и не стану искажать факты в угоду университетским догмам. Чокки объективно существует — сам не пойму, что это значит. Он не внутри, а снаружи. Однако и я не так прост, чтоб вновь под-нять на щит старую идею одержимости.

Он помолчал, покачал головой и продолжал:

— Нет. Разгадка не в этом. «Одержимость» означала «владычество», «власть»... А здесь скорей со-трудничество.

— Господи, о чем это вы? — спросила Мэри.

Голос ее был резок, и я понял, что она потеряла последнее доверие к Лендису. Сам он, кажется, этого не заметил и отвечал ей спокойно:

— Помните, когда он болел, он просил Чокки замолчать и прогнал его с вашей помощью. Кажется, Чокки исчез и после истории с машиной. Мэтью прогнал Чокки. Чокки не властвует над ним. Я его об этом спрашивал. Он сказал, что вначале Чокки говорил с ним, когда хотел — и в классе, и за обедом, и за письменным столом, и даже ночью, во сне. Мэтью не нравилось, что ему мешают, когда он работает в одиночку или на людях — на него тогда странно поглядывают, потому что он не может слушать сразу и Чокки, и других. А еще больше он не любит, чтоб его будили ночью. И вот он мне расска-

зал, что просто отказывался отвечать, если Чокки являлся не вовремя. Приспособиться было нелегко, у Чокки время другое, Мэтью пришлось завести у вас на кухне хронометр и продемонстрировать ему, что же такое час. Тогда они составили расписание, и Чокки стал приходить в удобное время — удобное для Мэтью, а не для него. И заметьте, как все это разумно. Никаких фантазий. Просто мальчик велит приятелю приходить в такое-то время, и приятель соглашается.

На Мэри все это не произвело никакого впечатления. Я даже не знаю, слушала она или нет.

— Не понимаю, — нетерпеливо сказала она. — Когда это началось, мы с Дэвидом думали, что вмешиваться глупо. Мы решили, что это ненадолго, — и ошиблись. Мне стало не по себе. Не надо быть психологом, чтобы знать, к чему приводит смешение выдумки и яви. Я думала, вы осторожно поможете Мэтью освободиться от этой блажи. А вы, кажется, укрепляли ее весь день и сами в нее поверили. Я не могу согласиться, что это полезно ему или кому бы то ни было.

Лендис взглянул на нее так, словно с языка у него была готова сорваться резкость, но сдержался.

— Прежде всего, — сказал он, — надо все понять. А для этого необходимо завоевать доверие.

— Тут спорить не о чем, — сказала Мэри. — Я прекрасно понимаю, что с Мэтью вы должны были верить в Чокки — мы и сами так делали. А вот почему вы верите без Мэтью, я не пойму.

Лендис терпеливо ответил:

— Прошу вас, миссис Гор, вспомните, что он спрашивал. Вопросы ведь странные, верно? Умные, странные и совсем не в его духе.

— Конечно, — сердито сказала она. — Но мальчики много читают. Начитаются — и спрашивают. Мы

беспокоимся потому, что вся его естественная пытливость преобразуется в фантазии, связанные с Чокки. Это какое-то наваждение, неужели вы не видите? Я хочу знать одно: как это лучше всего пресечь?

Лендис снова пустился в объяснения, но Мэри уперлась и не принимала ни одного из его доводов. Я очень жалел, что он употребил это несчастное слово — «одержимость». Такой ошибки я не ждал от психиатра, а поправить ее теперь было уже нельзя. Мне оставалось сидеть и смотреть, как укрепляется их враждебное отношение друг к другу. Всем стало легче, когда Лендис уехал.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Положение казалось мне сложным. Я понимал ход мыслей Лендиса, хотя и представить себе не мог, куда он его заведет; понимал я и Мэри. Что ни говори, а Лендис допустил грубую профессиональную ошибку. На мой взгляд, ему бы лучше не касаться старых верований. Мы все честно считаем, что переросли суеверные страхи, но они притаились в нас, и порою их очень легко разбудить неосторожным словом. Теперь Мэри тревожилась еще больше — вот к чему привел визит психиатра. К тому же ее рассердил его аналитический, неторопливый подход к делу. К Лендису она обратилась за советом, а вместо совета выслушала рассуждение об интересном случае, особенно неутешительное потому, что врач сам признал себя побежденным. В конце концов она пришла к заключению, что Лендис чуть ли не шарлатан, а это очень плохо для начала.

Когда на следующий вечер я пришел с работы домой, у нее был какой-то отсутствующий вид. Когда мы убрали со стола и отправили детей наверх, я уже

понял: Мэри что-то собиралась сказать мне и не знала, как я это приму. Она села немножко прямой обычного и не без вызова обратилась скорее к камину, чем ко мне:

— Я ходила к Эйкоту.

— Да? — сказал я. — А в чем дело?

— Насчет Мэтью, — прибавила она.

Я посмотрел на нее.

— А Мэтью не взяла?

— Нет, — она покачала головой. — Хотела взять, а потом раздумала.

— И то хорошо, — сказал я. — Мэтью решил бы, что мы его предали. Лучше ему не знать.

— Да, — довольно уверенно согласилась она.

— Я уже говорил, — продолжал я, — для чирьев или там кори Эйкот годится, но *это* не по его части.

— Верно, — сказала Мэри. — Не думай, я ничего и не ждала. Я постаралась рассказать как можно лучше. Он терпеливо слушал и, кажется, немного обиделся, что я не привела Мэтью. Я все пыталась втолковать ему, дураку, что мне нужно не его мнение, а рекомендация -- к кому обратиться.

— Надо полагать, он все-таки высказал свое мнение?

— Вот именно. Побольше ходить, холодные обтирания по утрам, простая пища, салаты всякие, открывать на ночь окно...

— И никаких психиатров?

— Да. Созревание сложнее, чем мы думаем, но природа — великий целитель, и здоровый режим устранит временные расстройства.

— М-да, — сказал я. Мы помолчали. Потом Мэри сказала:

— Дэвид, надо ему помочь!

— Мэри, милая, — ответил я, — тебе не понравился Лендис, но он хороший психиатр, признанный. Он

бы не сказал так, зря, что Мэтью вряд ли нужна помощь. Мы с тобой тревожимся, потому что ничего не понимаем. Это нечто необычное, но у нас нет оснований считать, что это опасно. Будь у нас причины для тревоги, Лендис так бы и сказал.

— Ему-то тревожиться нечего! Мэтью ему чужой. Трудный случай; сейчас интересно, а вылечится — и не нужен.

— Милая, не приписывай ему таких помыслов. И потом, Мэтью не больной. Он совершенно нормален, но в нем есть еще что-то. Это совсем другое дело.

Мэри выразительно взглянула на меня — так она глядит, когда хочет придраться.

— А мне что с того? Я хочу, чтоб он был просто нормальный, без всяких «что-то». Я хочу, чтоб ему было хорошо.

Я решил не спорить. У Мэтью бывали срывы — у какого ребенка их нет? — но мне совсем не казалось, что ему плохо. Однако скажи я это Мэри, мы бы втянулись в спор о том, что такое счастье, а мне его не вытянуть.

Так мы и не решили, что делать. Я не хотел терять контакта с Лендисом: Мэтью явно доверял ему, он явно интересовался Мэтью. Но пойти против Мэри можно было только в крайнем случае. А срочности пока не было, до кризиса дело не дошло...

И вот мы снова утешились воспоминаниями о том, что кончилась же история с Пифом. Однако я намекнул Мэтью, что мама не очень любит Чокки и лучше пока о нем помалкивать.

Недели две мы слышали о нем совсем немного. Я надеялся было, что он нас покидает — не то чтоб его уволили, а скорей он сам понемногу расплывается и блекнет. Увы, надежды мои скоро рухнули.

Как-то вечером, когда я собрался включить телевизор, Мэри меня остановила. «Постой минутку», — сказала она, пошла к своему бюро, принесла несколько листов бумаги (самый большой — дюймов шестнадцать на двенадцать), молча вручила их мне и села на место.

Я посмотрел на листы. Те, что поменьше, оказались карандашными рисунками; те, что побольше, — акварелями. Все они были странные. Сначала шли два пейзажа. Места я смутно узнал, хотя не мог понять, откуда же смотрел художник. Поразили меня фигуры: и коровы, и овцы были какие-то узкие, прямоугольные, люди — не то живые, не то деревянные, тощие, угловатые, словно куклы из палочек. Но движение он схватил хорошо.

Рисунок был уверенный, точный, краски — немного мрачные; по-видимому, художник слишком увлекся тончайшими оттенками зеленого. Я ничего не понимаю в живописи, но мне показалось, что уверенная линия и скупость изобразительных средств говорят о немалом мастерстве.

Были и два натюрморта — ваза с цветами, в которых нетрудно было узнать розы, хотя ботаник увидел бы их иначе; и миска с красными ягодами — несомненно, клубникой, только уж очень пупырчатой.

Еще там был вид из окна — кусок школьной площадки, по которой бегают очень живые, хотя и слишком голенастые фигурки.

И наконец два портрета. На первом был изображен мужчина с длинным, резко очерченным лицом. Не скажу, чтоб я его узнал, но что-то в линии волос подсказало мне, что это я — хотя глаза у меня, по моему, ничуть не похожи на фонари. Другой портрет был женский, и этого лица я никогда не видел. Я рассмотрел рисунки, положил их себе на колени и взглянул на Мэри. Она кивнула.

— Ты в этом лучше разбираешься, — сказал я. — Это и вправду хорошо?

— Да. Они странные, но какие-то живые, простые, точные... Я их случайно нашла. Упали за комод.

Я посмотрел на верхний рисунок — на тощих коров, на овец и на бестелесного мужчину с вилами в руках.

— Может, кто-нибудь из его класса? — предположил я. — Или учительница...

Мэри покачала головой.

— Нет, ее рисунки я видела. Они выписаны очень уж тщательно. Вот последний — ее, а ты на него посмотри!

— Можно положить их обратно и ничего ему не говорить, — сказал я.

— Можно... только мне от них не по себе. Лучше б он сам нам объяснил...

Я посмотрел на второй рисунок и вдруг узнал это место, излучину реки.

— Мэри, милая, — сказал я. — Боюсь, ты сама была бы не рада.

— С чего мне радоваться? Я не радовалась даже тогда, когда твой Лендис еще не болтал про одержимых. Но я хочу знать, а не гадать. В конце концов, ему могли их подарить...

Я понял по ее лицу, что она и впрямь так думает, и не стал откладывать, хотя и знал, что таким образом мы вступим в новую фазу. Я взял Мэри за руку.

— Ладно, — сказал я. — Вряд ли он уже спит. — И, выглянув в холл, позвал Мэтью, а тем временем разложил рисунки на полу.

Мэтью явился прямо из ванной — розовый, лохматый, в пижаме. Увидев рисунки, он замер и тревожно посмотрел на Мэри.

— Понимаешь, Мэтью, — сказал я как можно беспечней. — Мама тут убирала и нашла их. Они упали за комод.

— А! — сказал он. — Вот они где.

— Они очень интересные. Нам они понравились. Это твои?

Мэтью подумал.

— Да, — не без вызова ответил он.

— Я спрашиваю, — уточнил я, — это ты нарисовал?

На сей раз его «да» звучало немного иначе — словно он защищался.

— Гм... Раньше ты рисовал по-другому. Наверное, за них тебе поставили хорошие отметки.

Мэтью попытался схитрить.

— Это не в школе, — сказал он. — Это я так.

— Ты стал по-другому видеть, — заметил я.

Мэтью согласился.

— Наверное, — с надеждой предположил он, — я просто расту.

Он умоляюще смотрел на меня. В конце концов, я сам посоветовал ему молчать.

— Ладно, Мэтью. Нам только хочется узнать, кто же это все нарисовал.

Мэтью бросил страдальческий взгляд на Мэри, посмотрел на ковер и стал водить погой по узору.

— Я, — сказал он, и тут его решимость ослабла. — То есть, — уточнил он, — ну... я *рисовал*...

У него был такой несчастный и растерянный вид, что я не решался давить на него. Мэри пришла к нему на помощь.

— Бог с ними! — сказала она и обняла его. — Нам они очень понравились, вот мы и спросили. — Она наклонилась и подняла один рисунок. — Например, этот пейзаж. Он очень умный, хороший, но какой-то странный. Ты, правда, так видишь?

Мэтью не сразу смог ответить, потом выпалил:
— Честное слово, мама, это я сам! Они такие смешные, потому что Чокки так видит.

Он испуганно покосился на нее, но увидел только внимание, облегченно вздохнул и стал объяснять.

— Это было после урока. У меня с рисованием не особенно, — печально признался он. — Вот мисс Сомс и сказала, что мое дело плохо. И Чокки тоже не понравилось. Я ему говорю — я стараюсь, а ничего не выходит. А Чокки говорит, я просто не умею смотреть. Я говорю — причем тут «умею»? Или ты смотришь, или нет. А он говорит, можно смотреть и не видеть, и мы немножко поспорили. А потом он сказал: «Давай поставим опыт — ты рисуй, а смотреть буду я». Сперва ничего не получалось, я не мог. Ужасно трудно совсем не думать. Ты думаешь, что не надо думать, а это не то, не годится. А Чокки сказал: «Сиди себе, держи карандаш и ни о чем не думай». Мне уже надоело, а он не отстает. Ну, на четвертый раз кое-что вышло, а потом пошло легче и легче. Теперь я сажусь, беру краски, что-то у меня, ну, как будто включается, и пожалуйста — картинка. Только это — Чокки так видит, не я.

Я заметил, что Мэри барабанит по столу, но лицо ее не менялось.

— Кажется, я понял, — сказал я. — Это чудно, а?

— Первый раз было чудно! Тогда было как... ну, как будто тормоза убрали. А теперь дело идет скорей... — он нахмурился в поисках сравнения, потом улыбнулся, — вроде как едешь без рук на велосипеде. — Он нахмурился снова. — Нет, не совсем... Чокки держит руль... трудно объяснить, — виновато кончил он.

Не для себя, а для Мэри я спросил:

— Это не бывает насильно, против твоей воли?

Мэтью быстро закачал головой.

— Что ты! Если я хочу рисовать, я ни о чем не думаю, и все выходит. А теперь даже и того не нужно. Последние раза три я видел свою руку, и, знаешь, — я совсем сам рисовал. Он только смотрел за меня.

— Да, милый, — сказала Мэри, — мы понимаем, но... — она заколебалась, пытаясь найти слова помягче, — как по-твоему, хорошо так делать?

Мэтью посмотрел на рисунки.

— Наверное, хорошо, мама. Они куда лучше тех, моих... хотя немножко чудные... — честно признал он.

— Я не совсем о том... — начала Мэри, но передумала и взглянула на часы. — Поздно уже, — сказала она мне.

— Да, поздно, — поддержал я. — Только вот что скажи, Мэтью: ты никому их не показывал?

— Показывать я не показывал... — ответил он. — Правда, мисс Сомс один раз ко мне подошла, когда я вот этот сделал. — Он показал на вид из школьного окна. — Она спросила, чей это, а я не мог сказать, что чужой, и сказал «мой», а она стала на меня смотреть, как будто я вру. «Ладно, — говорит, — нарисуй... ну, как машина мчится». А я говорю, я не могу рисовать, чего не вижу. Я хотел сказать, «чего он не видит», но ведь ей так не ответишь. Она опять посмотрела на меня пристально-пристально и говорит: «Ладно. Нарисуй-ка мне вид из другого окна». Я повернул мольберт к другому окну и нарисовал. Она взяла мою картинку, смотрела на нее, смотрела, долго-долго, потом на меня и спрашивает — можно ее забрать? Не мог же я сказать, что нельзя, и говорю — берите, а можно мне идти? Она кивает, а сама все смотрит на картинку.

— Странно, что она не сделала запись в дневнике, — сказал я.

— Это было в самом конце, — объяснил он, — все уже было записано.

Мне стало не по себе, но я ничего не мог поделать. А кроме того, и впрямь было поздно.

— Тебе давно пора спать, — заметил я. — Спасибо, что рассказал про рисунки. Можно, мы их оставим тут, еще посмотрим?

— Ладно, только не потеряйте, — сказал он. Взгляд его упал на портрет изможденного мужчины. — Это совсем не ты, папа. Правда, не ты, — заверил он, кивнул нам и побежал наверх.

Мы сидели и смотрели друг на друга. Глаза у Мэри медленно наполнялись слезами.

— Дэвид, Дэвид! Он был такой хороший!..

Позже, немного успокоившись, она сказала:

— Я боюсь за него, Дэвид. Этот... как его там... все реальней для него. Мэтью начинает плясать под его дудку. Я боюсь...

Я покачал головой.

— Ты не поняла. Он очень настаивал на том, что сам решает, когда рисовать и рисовать ли вообще.

— Конечно, он так думает, — возразила она.

Я старался успокоить ее, как мог. Я напомнил, что это не приносит Мэтью несчастья. У него хватило ума не рассказать ничего приятелям, так что никто его не дразнит. Полли ему просто не верит и предпочитает видеть в Чокки нового Пифа. Мэтью действительно самый нормальный мальчик — плюс что-то еще, какой-то Чокки, который, по всей видимости, ни капли ему не вредит... Но все было впустую.

На пути в спальню я заглянул к Мэтью. Он спал, не потушив света. У него на груди обложкой кверху лежала книга. Я глянул на заглавие и наклонился ближе, убедиться, что правильно прочитал. Это была «Жизнь в городах» Льюиса Мэмфорда. Я взял ее; Мэтью проснулся.

— Не удивляюсь, что ты заснул! — сказал я. — Скучновато, а?

— Ужас какая тоска, — согласился он. — А Чокки думает, она интересная — то есть те куски, которые я для него понимаю.

— А! — сказал я. — Ну, что ж, пора спать. Спокойной ночи, старик.

— Спокойной ночи, папа.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

На лето мы с Аланом Фрумом и его женой Фил сняли домик в Северном Уэльсе. Они поженились года на два позже нас, и дети их, Эмма и Пол, были примерно такие же, как наши. Выбрали мы Бонтгоч — деревушку в широком устье реки, где я не раз отдыхал в детстве. Тогда она была маленькая, серенькая, только на краю ее стояло несколько домов побольше. Летом туда приезжали большей частью дети и внуки местных жителей и было довольно тихо. Но потом ее открыли, и с тех пор модные бунгало усеяли берег и подножие склонов. Живут в них люди приезжие, временные, и теплую часть года почти все они возятся с лодками. Бонтгоч для лодок не подходит — в устье мощные приливы, плавать опасно; но там, где плавать полегче, лодочники так расплодилось, что места у причала приходится ждать годами. Однако теперь и Бонтгоч стал хорош; тут даже построили яркий навес и назвали его яхт-клубом.

Может, и было странно, что мы умудрялись обойтись без лодки, но нам это нравилось. Песку тут хватало — дети могли плескаться у берега и ловить креветок. К тому же с обеих сторон устье сжимают некрутые холмы; можно лазать по ним и исследовать заброшенные россыпи, где, по преданию, когда-то добывали золото. Нам нравилось уезжать на денек-

другой, оставив детей под присмотром Фрумов, и нравилось оставаться, когда уезжали Алан с Фил. Все шло прекрасно целую неделю, до понедельника...

В тот день свободны были мы с Мэри. Мы прочесали чуть не все тропки, а потом, оставив машину, погуляли по холму и поели у ручья, глядя с холма на море. Позже, под вечер, мы закусили в придорожной гостинице и часам к десяти не спеша вернулись в деревню. У ворот мы остановились полюбоваться на закат и пошли по дорожке к дому.

Переступив порог, мы поняли: что-то произошло. Мэри сразу почувствовала это и впилась глазами в Фил.

— В чем дело? — спросила она. — Что случилось?

— Все в порядке, Мэри. Все хорошо, — сказала Фил. — Оба спят. Ты не волнуйся.

— Что случилось? — повторила Мэри.

— Они в реку упали. Но все обошлось.

Женщины поспешили наверх. Алан налил нам виски. Я посмотрел на него и на бутылку. Утром она была полна, сейчас — пуста на три четверти.

— Что тут у вас произошло? — спросил я.

Он поставил стакан и тряхнул головой.

— Случайность, старик. Они играли вчетвером на причале. Знаешь, какой он шаткий. Прилив уже начался, и вода прибывала быстро. Эта дурацкая моторка Билла Уэстона стояла ярдов на пятьдесят выше. Старый Ивенс говорит — он все видел, — что там, наверное, канат оборвался. По его словам, она понеслась так быстро, что остановить нельзя было. Во всяком случае, она врезалась в мостки и снесла у них, черт ее дери, конец. Мои стояли чуть подальше, их только стукнуло, а твоих потащило прямо в воду...

Он остановился и снова отхлебнул из стакана.

— Ну, ты же знаешь, как быстро несется вода... Их сразу отнесло на несколько ярдов. Ивенс поду-

мал — все, конец, и вдруг видит: Мэтью пробивается к Полли. Больше он ничего не видел, потому что поднял тревогу, побежал в яхт-клуб. За ним кинулся полковник Саммерс, но даже на моторке они догнали ребят только в миле от берега. Мэтью все еще держал Полли. Полковник очень растрогался. Говорит: «Кто-кто, а Мэтью заслужил медалы!» Он будет о ней хлопотать. Мы были дома. Мои двое ничего не сказали, пока не увидели, что моторка отчалила. Мы и сделать ничего не могли! О господи, как мы извелись, пока ждали!.. Не хотел бы я провести еще такой час. Ну, обошлось, слава богу, — и слава Мэтью, конечно. Если б не он, Полли погибла бы, это уж точно. Молодец! Если полковника нужно поддержать насчет медали, я готов. Мэтью ее заслужил.

Алан залпом прикончил виски и снова потянулся к бутылке.

Я тоже приложился. Мне это было очень нужно. Последние два года я часто думал: как жаль, что на воде Мэтью не может продержаться и минуты...

Меня выгнали из комнаты, где жили Полли с Эммой.

— Она спит, — сказала Мэри. — Знаешь, она сильно расшибла правое плечо. Наверное, об лодку. А так все в порядке, только очень устала. Дэвид, Дэвид!..

— Все обошлось, Мэри. Все прошло.

— Да, слава богу. Фил мне все рассказала. Дэвид, как же он ее спас?

Я зашел к Мэтью. Свет у него еще горел. Мэтью лежал на спине и смотрел на лампу. Я успел уловить его озабоченный взгляд прежде, чем он меня заметил.

— Привет, папа, — сказал он.

На секунду ему как будто стало легче, потом он опять погрузился в мрачное раздумье.

— Привет, — сказал я. — Ну, как ты?

— Ничего. Озябли мы здорово. Тетя Фил сделала нам горячую ванну.

Я кивнул. С виду он и правда был ничего.

— Слышал про твои подвиги, Мэтью.

Взгляд его стал еще озабоченней. Он опустил глаза и стал вертеть в пальцах простыню. Потом снова взглянул на меня.

— Это все неправда, — сказал он очень серьезно.

— Я и то удивился, — вставил я. — Еще на днях ты и плавать не умел.

— Да, папа... только... — он снова принялся закатывать уголок простыни, — только... Чокки умеет, — закончил он, неуверенно глядя на меня.

Я постарался изобразить на своем лице только внимание.

— Расскажи-ка мне все, — сказал я.

Мэтью стало как будто полегче.

— Это случилось очень быстро. Я увидел, что лодка сейчас врежется, и сразу же оказался в воде. Попробовал плыть и очень испугался — я же знал, что не выйду и я все равно утону. Тут Чокки сказал: «Не дури! Без паники». Знаешь, он рассердился. У него был голос, как у мистера Кефера, когда он орет в классе, даже еще хуже. Я никогда его такого не слышал, удивился, и страх прошел. Тогда он сказал: «Теперь ни о чем не думай, как тогда с рисованием». Я попробовал и вижу — плыву! — Мэтью нахмурился. — Не знаю уж, как я плыл — Чокки показывал, что делать ногами и руками... ну, вроде наших рисунков. Так что, видишь, это правда он, а не я. Понимаешь, папа?

— Да, — сказал я не совсем честно.

— И ты меня плавать учил, и другие, и я сам пробовал, а до Чокки ничего не выходило.

— Да... — я снова притворился, что понял. — Значит, ты увидел, что плывешь, и повернул к берегу?

Внимательный взгляд Мэтью стал настороженным.

— Как же я мог? А Полли? Она ведь тоже в воду упала.

Я кивнул.

— Да, — в третий раз сказал я, — Полли тоже упала... в том-то и дело...

Мэтью подумал минутку и вздрогнул — наверное, вспомнил первые, страшные секунды. Потом лицо его стало твердым.

— Ее Чокки спас, — упрямо повторил он.

Наутро Алан смотрел на меня смущенно.

— Наверное, это от волнения... Ждал чертову лодку... Не знал, спасли их или нет — и помочь не мог... Сорвался, понимаешь...

— Ладно, — сказал я, — оставь. Мне было не лучше.

Мы присели на солнышке, пока не позовут завтракать.

— Нет, — сказал Алан, — не пойму, как это он. Полковник говорит, когда они подплыли, он ее еще держал. Больше мили продержал, а течение быстрое. Устал, говорит, но не сдавался. Два дня назад Мэтью мне сам жаловался, как ему стыдно — все плавают, а он нет. Я пробовал его учить, но дело не пошло.

— Да, он никак не мог научиться, — сказал я и — поскольку он знал про Чокки, сам привел Лендиса — поведал ему версию Мэтью. Он недоверчиво смотрел на меня.

— А, черт... Не хочу обидеть Мэтью, но ты-то ему веришь?

— Я верю, что он в это верит. Как же объяснить иначе? И потом...—я рассказал про рисунки.— После этого мне не так трудно поверить хоть наполовину.

Алан задумался. Он закурил и молчал, глядя на реку. Наконец он сказал:

— Если это то, что нам кажется... а иначе никак не объяснить, если это так, на вашего Чокки надо смотреть по-новому...

— И я так думал,—согласился я.— Мэри, бедняга, совсем не рада. Она боится за Мэтью.

Алан покачал головой.

— И зря. Существует Чокки или нет — а Лендис вроде бы думает, что он в каком-то смысле существует, — дети живы только потому, что Мэтью в него верит. Разве Мэри не понимает? Это бы ей помогло.

— Помогло бы,—согласился я.— Только — ох, не знаю! Почему это в злых духов верят чаще, чем в добрых?

— Из осторожности? — предположил он.— Как-то верней считать неизвестное враждебным, пока его лучше не узнаешь. Может, Чокки только начал проявлять себя. Что ж, начало неплохое.

Я кивнул.

— Хотел бы я, чтоб Мэри посмотрела на это так... но ей очень не по себе...

К завтраку Мэтью опоздал. Я отправился искать его и нашел на развалинах старой дамбы. Он разговаривал с неизвестным мне, приятным на вид блондином. Завидев меня, Мэтью поднял голову.

— Здравствуй, папа, — сказал он, — Неужели завтракать пора?

— Да, — ответил я.

Молодой человек вежливо встал.

— Простите, сэр. Это я виноват. Я расспрашивал вашего сына о его подвиге. Он ведь наш герой со вчерашнего дня.

— Возможно, — сказал я, — но ему пора завтракать. Пошли, Мэтью.

— До свиданья, — сказал Мэтью блондину, и мы пошли домой.

— Кто это? — спросил я.

— Так, один, — отвечал Мэтью. — Хотел узнать, как Полли. Говорит, у него такая же дочка, вот он и волнуется.

Мне показалось, что незнакомец для этого слишком молод; но теперь всякое бывает, и к концу завтрака я о нем забыл.

Следующие дни Мэтью плавал так много, что его едва удавалось оттащить от воды.

Но вот отпуск мой кончился. На прощанье полковник Саммерс зашел к нам выпить и заверил нас, что он уже написал в Королевское общество насчет медали.

— Хороший у вас парень. Есть чем гордиться. И подумать — говорит, что плавать не умел! Не поймешь их, мальчишек. Ну, ладно. Да, здорово он это, дай ему бог!

В понедельник я пришел поздно. Работы было много, я устал и не придавал особого значения тому, что Мэри несколько рассеянна. Пока я ужинал, она тактично молчала, а потом вынула газету и протянула мне.

— Сегодняшняя, — сказала она. — На первой странице. Ниже,

Я посмотрел на подвал первой полосы и увидел Мэтью. Фото было вполне приличное. Я поискал шапку. Она гласила:

«Юный герой говорит, что ему помог ангел-хранитель». Сердце у меня ёкнуло. Я стал читать:

«Двенадцатилетний Мэтью Гор из Хиндмера, Суррей, получит медаль за отвагу. Он спас свою сестру, десятилетнюю Полли, когда она тонула в устье реки у деревни Бонтгоч.

Мэтью и Полли играли на деревянных мостках неподалеку от местного яхт-клуба, когда течением оторвало от причала моторную лодку мистера Уильяма Уэстона. Лодка врезалась в мостки, снесла десять футов досок, и дети оказались в стремительном потоке.

Мэтью немедленно сориентировался, схватил сестру и, пока поток относил их от берега, держал ее голову над водой. Тревогу поднял мистер Ивен Ивенс, хорошо известный в Бонтгоче, а полковник Саммерс, тоже почтенный местный житель, поспешил отправиться на помощь на своей моторной лодке.

Полковник Саммерс почти две мили гнался за детьми по предательским водам устья и наконец сумел подплыть к ним и взять их на борт.

Полковник сказал: «Мэтью спас сестру, рискуя жизнью. Побольше бы нам, англичанам, таких мальчиков!»

Самое удивительное: *Мэтью не знал, что умеет плавать.*

Беседуя с нашим репортером, он скромно отрицал, что совершил подвиг. «Полли не плавает, — сказал он, — а я понял, что плыву, и, конечно, стал ее спасать». На вопрос репортера он ответил, что учился плаванью, но научиться не мог. «Когда я упал в воду, я очень испугался, —

признает он, — но тут я услышал голос. Он мне говорил, чтоб я не трусил, и учил, что делать руками и ногами. Я послушался и поплыл». Без сомненья, Мэтью говорит правду. Прежде никто не видел, чтоб он плавал, и все считали, что плавать он не умеет.

Когда репортер спросил, не удивился ли он голосу, он ответил, что часто его слышит, так что не очень удивился.

Когда репортер предположил, что это — ангел-хранитель, он отвечал, что все может быть.

Как ни удивительно, что человек внезапно поплыл, повинувшись невидимому наставнику, несомненно одно: Мэтью совершил подвиг — рискуя жизнью, спас сестру, и мы надеемся, что его отвага будет вознаграждена».

Я взглянул на Мэри. Она медленно покачала головой.

— Он давно заснул. Да и к чему? Дело сделано.

— Это местная газетка, — сказал я. — Господи, как же?.. — и вспомнил молодого человека, который беседовал с Мэтью на берегу.

— Газета пришла на здешний адрес, — напомнила Мэри. — Наверное, они нашли в телефонной книжке...

Я решил не сдавать своих позиций.

— На что им это нужно? Сразу видно: дешевая местная сенсация, выдумка репортера.

Ни я, ни Мэри не знали, должно быть, как следует, кого мы имеем в виду, когда говорим «они». Но вскоре я убедился, что недооценил прыти современной информации.

У меня появилась дурная привычка: бреясь, я крутил радио — наверное, чтобы не думать, и вообще теперь так многие делают. И вот на следующее утро я терпеливо слушал новости. Профессор из какого-то свеженспекенного университета рассказывал, что его

раскопки доказали принадлежность местечка Монтгомери к древнему королевству Мерсия. Когда он кончил, диктор сказал: «Сейчас ровно двадцать пять с половиной минут девятого... тьфу, восьмого! Ну, перейдем от древних англо-в к современным ангелам. Юный Мэтью Гор из Хиндмера, отдыхая летом в деревне, как истинный рыцарь спас свою тонущую сестру, не умея — как это ни странно — плавать. Денис Клаттербак сообщает...»

Передача стала глуше. Чей-то голос произнес:

— Мне сказали, что, когда вас унесло течением, ты тотчас поплыл к сестре и держал ее, пока вас не подобрали. Это верно?

— Да, — сказал Мэтью. Его голос звучал не совсем уверенно.

— И еще мне сказали, что раньше ты не плавал.

— Да... ну, то есть да, не плавал, — сказал Мэтью довольно растерянно.

— Никогда не плавал?

— Да, — твердо ответил Мэтью. — У меня не получалось... — прибавил он.

— А сейчас получилось?

— Да.

— Говорят, ты слышал голос?

Мэтью помолчал.

— Ну... вроде того... — ответил он.

— Ты думаешь, это твой ангел?

— Нет! — сердито сказал Мэтью. — Еще чего!

— Ты же сам говорил репортеру...

Мэтью не дал кончить фразу.

— Ничего я не говорил! Это он говорил. И вообще я не знал, что он репортер.

— Но голос ты слышал?

Мэтью снова помолчал и не нашел ничего лучше, чем сказать: «Вроде того...»

— А когда ты его услышал, ты понял, что умеешь плавать?

Мэтью хрюкнул.

— И ты не думаешь, что тебе помог твой ангел-хранитель?

— Я не говорил ни про каких ангелов! — возопил Мэтью. — Это он говорил. Просто я влип, а Чо... — он внезапно остановился, и я почти услышал, как он прикусил язык. — Ну, понял, что умею, — неловко закончил он.

Репортер что-то начал говорить, но его оборвали на первом слове.

Диктор сказал:

— Мэтью научился плавать *за один раз*. Замешан тут ангел или не замешан, а Мэтью умело воспользовался преподанным ему уроком, и мы за него рады.

Мэтью спустился к столу, когда я кончал завтракать.

— Сейчас слушал тебя по радио, — сказал я ему.

— А! — сказал Мэтью и, не вдаваясь в объяснения, занялся корнфлексом.

— Когда это ты успел? — спросил я.

— Тут один звонил, когда мама ушла. Спрашивает: «Ты не Мэтью?», а я говорю: «Мэтью», а он говорит: «Я из Би-Би-Си. Можно к вам зайти?» Я говорю: «Можно», а то ведь невежливо отказать, если он оттуда. Ну, он пришел и показал мне газету. А потом включил запись и стал меня спрашивать. А потом ушел.

— И ты не сказал про него маме?

Мэтью возил ложкой по тарелке.

— Понимаешь, я думал, она испугается, что я ему говорил про Чокки. А я не говорил. Наверное, им это неинтересно.

Слабый довод, подумал я. Кажется, он чувствует себя виноватым, что пустил этого типа.

— М-да... Что ж, теперь поздно, — сказал я. — Только если еще заявятся, не говори с ними, а отсылай их к маме или ко мне. Ладно?

— Ладно, папа, — ответил он, помолчал и прибавил хмуро: — Да нет, это трудно. Понимаешь, я ведь не знал, что там, на берегу, был репортер. И этот тоже... Я не думал, что это интервью...

— А ты подозревай каждого незнакомца, — посоветовал я. — Мы ведь не хотим, чтоб они узнали про Чокки?

Мэтью жевал и ответить не мог, но кивнул очень решительно.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Под вечер зашел молодой человек, отрекомендовавшийся местным репортером. Мэри говорила с ним сухо. Да, эту чушь про ангелов она читала и удивилась, почему такое печатают. Мэтью учился плавать, но ему не хватало уверенности. Он знал, что надо делать, а в миг опасности сделал то, чему его учили, и увидел, что плывет. Да, это очень смело и очень хорошо, но чуда тут нет. К сожалению, видеть его нельзя — он ушел на весь день. И вообще лучше его не трогать. Она билась долго, и в конце концов расстроенный репортер ушел.

В тот же день мне на работу позвонил Лендис. Он сказал, что думал о Мэтью и хочет о многом меня порасспросить. Я было решил, что он снова собрался к нам — а Мэри бы это не понравилось; к счастью, вместо этого он предложил мне как-нибудь пообедать с ним. Я чуть не спросил, слышал ли он Мэтью в новостях, но дел было много и мне не хотелось

пускаться в объяснения. Мы условились встретиться в его клубе в четверг.

Когда я пришел домой, Мэри стряпала с мрачной решимостью, как всегда, когда ей не по себе. Я спросил, что случилось.

— Он опять говорил с репортерами, — сказала она, безжалостно двигая кастрюльку.

— Я ж его просил...

— Знаю, — горько сказала она. — Он, бедняга, не виноват... Я прямо взбесилась.

Оказалось, что множественное число она употребила для выразительности. Репортер был один. Мэтью встретил его, когда возвращался домой. Тот спросил, не Мэтью ли Гор ему повстречался, и назвал себя местным репортером. Мэтью посоветовал ему сперва поговорить с мамой. Репортер ответил, что был у нее и просил разрешения. Он надеялся побеседовать с Мэтью, но того не было дома. До чего же удачно, что они встретились! Однако не беседовать же тут, на углу. Как насчет чая с пирожными? И они пошли в кафе.

— Немедленно напиши редактору, — сказала Мэри. — Это черт знает что!

Я написал с должным негодованием и без малейшей надежды, но хоть немного успокоил Мэри. Чтобы не заводить ее снова, я не сказал о Лендисе.

Среда прошла тихо — правда, утром принесли письмо для Мэтью, и в левом углу конверта виднелась надпись «Общество телепатических явлений». Я прочитал его в вагоне. Автор слышал по радио о необычных подвигах Мэтью и решил, что все это будет интересно членам его кружка. Если Мэтью не возражает, и т. п.

Да, в среду было тихо, но четверг возместил это с лихвой.

Я пытался читать «Таймс» — что непросто в переполненном вагоне, — когда случайно увидел фотографию в «Дейли телеграф», которую держал пассажир напротив, и она сразу чем-то привлекла мое внимание. Я подался вперед, чтоб лучше видеть. У тех, кто ежедневно ездит в поезде, вырабатывается особый рефлекс на такую нескромность. Мой визави опустил газету, взглянул на меня так, словно я браконьер или убийца, и развернул ее на другой странице.

Все же то, что я успел заметить, взволновало меня, и на вокзале Ватерлоо я стал искать этот номер, чтобы посмотреть как следует. Однако «Дейли телеграф» распродали. Утвердившись еще сильнее в своих подозрениях, я добрался до Блумсбери-сквер и тут же послал искать по всему учреждению свежий «Телеграф». К счастью, один нашли и принесли мне. Я развернул его, исполненный предчувствий, — и не зря...

Полстраницы занимали фотографии рисунков с выставки школьников. Тот, который привлек мое внимание еще в вагоне, снова встревожил меня и затмил все другие. Это был вид из окна; внизу, на улице, несколько мальчиков с ранцами толкались у каких-то ворот. Мальчики были угловатые, длинные, и многих бы это удивило — но не меня. Мне не нужна была подпись, и все же я прочитал: «Рисунок „Домой“ двенадцатилетнего Мэтью Гора из Хинтона, в Хиндмере, говорит о таланте и наблюдательности, редких для таких лет».

Я все еще смотрел на рисунок, когда вошел Томми Перселл и заглянул через мое плечо.

— А! — сказал он. — Видел, видел. Поздравляю. Так и думал, что это ваш. А я и не знал, что у него такие таланты. Очень тонко... хотя довольно странно, а?

— Да, — ответил я, и мне показалось, что газета скользит у меня из рук, — довольно странно.

Лендис залпом выпил полрюмки шерри.

— Видели газеты? — спросил он.

Я не стал притворяться, что не понимаю.

— Видел сегодняшний «Телеграф», — ответил я.

— А «Стандард»? Они тоже напечатали и дали целый абзац о даровитом ребенке. Вы мне об этом не говорили, — с упреком прибавил он.

— Я сам тогда не знал.

— И про плаванье тоже?

— Это все потом случилось.

— Конечно, и там, и тут — Чокки?

— Кто ж еще! — сказал я.

Он подумал немного.

— Довольно опрометчиво, а? Не надо было выставлять эту картинку.

— Мы ее не выставляли.

— Вот досада! — бросил он и заказал еще два шерри.

— Да, картинка, — снова начал он. — Фигуры какие-то странные, вытянутые... тощие, что ли. Они у него всегда такие?

Я кивнул.

— Как он их рисует?

Я рассказал ему все, о чем Мэтью поведал нам. Он не удивился, только задумался. Потом начал так:

— И не одни фигуры. Все вертикальные линии длинней, чем надо. Как будто их видит существо, привыкшее к другим пропорциям... как будто там у них все шире, приземистей. — Он оборвал фразу, бессмысленно глядя на рюмку. Потом лицо его осветилось. — Нет, не то! Как будто смотришь сквозь особые очки и рисуешь, что видишь, без поправки.

Наденьте другие стекла, сокращающие вертикальные линии, — и все станет на место. Должно быть, зрение Чокки не совсем совпадает со зрением Мэтью...

— Нет, не пойму... — сказал я. — Ведь глаз, который видит натуру, видит и картинку.

— Это просто аналогия... — уступил он, — я говорил приблизительно... а может, упростил. Но что-то в этих линиях да есть. Пойдем-ка пообедаем.

За обедом он подробно спрашивал о происшествии в Бонтгоче. Я рассказал, как мог, и он решил, что это чуть ли не важнее рисунков. И тогда, и потом, дома, меня поражало, что он совсем не удивился. Мне даже порой казалось, что он разыгрывает меня — хочет проверить, как далеко я зайду. Но нет, в его речах не было и намека на недоверие; он принимал самые поразительные вещи.

Я все больше ощущал, что он зашел дальше меня — я волей-неволей соглашаюсь принять Чокки как гипотезу, а он просто верит в него. Словно, думал я, он следует правилу Шерлока Холмса: «Когда все невозможное исключено, считайте правдой то, что остается — как бы невероятно оно ни было». Почему-то мое беспокойство от этого усиливалось.

После обеда, за кофе и бренди, Лендис сказал:

— Надеюсь, вы заметили, что я много думал о вашем деле, и теперь, мне кажется, вам нужен Торби. Сэр Уильям Торби. Он очень умен, и опытен, и гибок — а это у нас нечасто бывает. Я хочу сказать, что он не фанатик психоанализа. К каждому случаю он подходит особо: решит, что нужен анализ, — применит, а решит, что нужны лекарства, — даст лекарства. На его счету много поразительных исцелений. Да, если кто-то вам поможет, то именно Торби.

Я не стал обращать внимание на «если» и сказал:

— Вроде бы в тот раз вы говорили, что помощь не нужна.

— Я и сейчас скажу! Это вашей жене нужна помощь. Да и вам не помешает.

Он был прав. Мы с Мэри куда больше тревожились за Мэтью, чем он сам. И я согласился, чтобы Лендис свел нас с сэром Уильямом Торби.

— Хорошо, — сказал Лендис, — я с ним поговорю и через несколько дней дам вам знать.

Дома я застал kloкочущую от гнева Мэри и понял, что она видела «Ивнинг стандарт».

— Какой-то кошмар! — взорвалась она. — Как она смела посылать рисунок без спроса? Прямо... ну, как это называют?.. прямо присвоение чужой собственности!.. Даже у Мэтью не спросила. Послала и никому не сказала. Нет, она бы не посмела — хоть с кем-то она да советовалась. Не знаю, до чего дойдут учителя! Им кажется — у них все права, а у нас никаких. Хоть бы из вежливости спросили родителей!.. Какое хамство! Ну, чему научится ребенок, если его учат невежи? Завтра же напиши им, пусть она хоть прощенья попросит... Нет, сейчас пиши. Утром тебе будет некогда.

Я очень устал за день.

— Не станет она просить прощенья. С какой стати? — сказал я.

Мэри прямо взглянула на меня, набрала воздуха и начала снова. Я прервал ее.

— Такая у нее работа. Ее ученик нарисовал картинку, и ей показалось, что ее можно выставить. Она хотела, чтоб ему воздали должное. Конечно, она думала, что мы будем в восторге. Да мы и были бы, если б не этот Чокки.

— Хоть бы спросила...

— А ты бы ей сказала про Чокки? И потом, это было перед самыми каникулами, она еле успела послать. Держу пари, сейчас она ждет благодарности.

Мэри сердито фыркнула.

— Ладно, — сказал я, — пиши сама. Извинений ты не дождешься. Что ж тогда? Поднимешь скандал? Местные газеты любят перепалку родителей и учителей. Можешь прогrometerь на всю страну. И картинке сделаешь рекламу. А кто-нибудь догадается, что Мэтью Гор с картинкой и Мэтью Гор с ангелом — один и тот же мальчик. Вообще-то и так догадаются, не стоит самим звонить на всю Англию.

Мэри так испуганно взглянула на меня, что я пожалел о своем тоне, и смотрела долго-долго, а потом лицо ее скривилось... Я помог ей встать и почти отнес в кресло...

Наконец она вынула платок у меня из кармана и стала понемногу затихать. Рука ее нашла мою руку.

— Прости, что я такая глупая, — сказала она.

Я обнял ее.

— Ничего! Ты не глупая, ты просто боишься, что ж тут странного.

Она помолчала, комкая платок.

— Я так за него боюсь, — нетвердо сказала она, привстала и взглянула на меня. — Дэвид, скажи мне честно!.. Они... они не решат, что он сумасшедший? А?

— Конечно, не решат. С чего бы? Ты ведь знаешь, он совсем нормальный.

— А если пронюхают про Чокки? Что он слышит голос и... и... договорить она не смогла.

— Ты не того боишься, — начал я. — Посмотри на это иначе. С Мэтью, с самим Мэтью — все в порядке. Редко встретишь такого разумного, здорового мальчика. Прошу тебя, очень тебя прошу, пойми: этот Чокки — не выдумка. Не Мэтью его создает, а он приходит к Мэтью, кто б он ни был. Трудно поверить, я знаю, и невозможно понять. Но я убежден в этом, и Лендис тоже. Он психиатр, и он доволен

Мэтью, не считает его больным. Прошу тебя, поверь!

— Я стараюсь... но я не понимаю! Кто такой Чокки? Плавание... картинки... все эти вопросы...

— Этого-то мы и не знаем... пока. Мне кажется, Мэтью сейчас и впрямь похож на одержимого. Да, слово неудачное, оно связано с безумием, страхом, злой волей, но я его употребил не в том смысле. Другого слова не найдешь! Как будто кто-то в него вселился... Очевидно, Чокки ему не вредит. Мы пугаемся его, потому что не понимаем. Я хочу судить объективно, и, знаешь, мне кажется, мы неблагодарны. Вспомни, ведь Мэтью считает, что Чокки их обоих спас... А если не он — то кто же? Нет, он не опасен. Он надоедлив, навязчив, но расположен к Мэтью как... скажем, как добрый дух.

— Ах, вон что! — сказала Мэри. — Ты хочешь сказать, что он и есть ангел-хранитель.

— Ну, нет... не то... я хотел сказать... а вообще-то в некотором роде — да.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

На следующее утро в станционном киоске я купил нашу местную газету. Как я и ожидал, там было про Мэтью — на четвертой колонке первой полосы под шапкой «„Ангел-хранитель” спасает детей». Мне не понравились кавычки — видимо, редактор хотел подстраховаться, — но я стал читать и немного успокоился. Пришлось признать, что статья неплохая и объективная, хотя автор явно не договаривал, и даже какая-то растерянная, словно он решил судить непредвзято и вдруг перестал понимать, что же все это означает. Ангел-хранитель присутствовал чуть ли не только в заголовке; по статье же скорее выходило, что когда Мэтью упал в воду, с ним случилось что-то

странное, но никто не знает, что же именно. Сомнений не было в одном: Мэтью спас Полли.

Как ни печально, люди прежде всего замечают заголовки; в конце концов, для того они и покупают газеты.

Алан в то утро позвонил, пригласил позавтракать, и я согласился.

— Видел вчера в газете его рисунок, — сказал Алан. — После твоих рассказов я решил сходить на выставку. Она чуть не рядом с нами. Почти все — ерунда, как обычно. Не удивляюсь, что им так понравился Мэтью. Все-таки чудной у него ракурс, все какое-то длинное — а что-то есть, есть... — Он помолчал, с интересом глядя на меня. — Странно, что вы их послали. Ведь вы так говорили про Чокки...

— Мы не посылали, — ответил я и рассказал ему о последних событиях.

— Ах, вон оно что! Да, неудачно, все так совпало. Кстати, в среду ко мне заходили из Общества любителей плавания. Насчет медали. Они там прослышали, что Мэтью раньше не умел плавать, и, конечно, усомнились во всей этой истории. Ну, я им рассказал, что мог. Подтвердил, что он не плавал. Черт, я же сам его учил дня за два до того! Кажется, поверили, но я их еще больше сбил с толку. — Он снова помолчал. — Знаешь, Дэвид, теперь твой Чокки — именинник. Что ты будешь с ним делать?

— Что ж мне с ним делать? А вот насчет Мэтью — Лендис кое-что посоветовал.

И я пересказал ему нашу беседу.

— Торби... Торби... да еще сэр?.. — пробормотал Алан. — Что-то недавно слышал... Ах, да! Его пригласили консультантом в какую-то фирму. Не помню, куда именно — во всяком случае, дело там большое. Тот, кто мне рассказывал, интересовался, вошел ли он в долю. И практики там — хоть отбавляй.

— И денег тоже? — спросил я.

Алан покачал головой.

— Не скажу, не знаю. Да уж платят, наверное! Я бы поговорил сперва с Лендисом...

— Спасибо, я поговорю. Не так уж приятно платить кучу денег, если лечение затянется.

— Не думаю, что оно затянется. В конце концов, никто не считает, что Мэтью нездоров... что его надо лечить. Ты просто хочешь понять... и посоветоваться, правда?

— Не знаю, — ответил я. — Конечно, Чокки не принес ему никакого вреда...

— И спас их обоих, не забудь.

— Да. Я, собственно, за Мэри волнуюсь. Она не успокоится, пока Чокки не изгонят... не уничтожат, не развеют — ну, словом, не покончат с ним.

— Покоя хочет... Нормальность — прежде всего... Инстинкт побеждает логику... Что ж, все мы думаем по-разному, особенно мужчины и женщины. Постарайся, чтоб она дала Торби возможность высказаться. Что-то мне кажется, хуже будет, если она сама начнет выкуривать Чокки.

— Этого не бойся. Она знает, что Мэтью тогда рассердится. Она ведь вроде Полли — им обоим кажется, что Мэтью им изменил.

Когда я пришел домой, там было невесело, но меня никто не ругал, и я прибодрился. Я решил, что Мэри читала газету и отнеслась к ней, как я, и спросил ее, как прошел день.

— Я думала, в город лучше не ездить, — отвечала она, — и заказала все по телефону. Часов в одиннадцать пришел очень милый, немножко чокнутый священник. Он огорчился, что Мэтью нет, хотел, понимаешь, растолковать ему, что он ошибается, и

растолковал мне. Видишь ли, он с огорчением прочитал, что Мэтью принял версию об ангеле-хранителе. Дело в том, что это не христианское понятие. Ранняя церковь просто заимствовала его вместе с другими языческими верованиями. С тех пор много неверных идей вытеснено истинным учением, а эта все держится. Говорит, христиане должны бороться с ересью, так что вот, не соглашусь ли я передать Мэтью, что Творец не передоверяет своих дел секретарям. Он сам, и только Он, мог поддержать тогда Мэтью и дать ему смелость и силу. Священник же считает своим долгом разъяснить недоразумение. Ну, я сказала, что передам, а сразу после него позвонила Дженет...

— О господи!

— Да, позвонила. Она потрясена успехами Мэтью в рисовании.

— И приедет завтра их обсудить?

— Нет, в воскресенье. Завтра приедет Пэшенс, она позже звонила.

— Надеюсь, — сказал я без особой надежды, — что ты им бесповоротно отказала.

Она ответила не сразу.

— Ты же знаешь, Дженет такая настырная...

— А... — сказал я и снял трубку.

— Подожди минутку! — попросила Мэри.

— Что ж, мне сидеть и смотреть, как твои сестрицы потрошат Мэтью? Сама знаешь, будут тарыхтеть, ломаться, выпытывать и жалеть тебя, беднягу, которой попался такой необычный ребенок. К черту!

Я коснулся диска.

— Нет, — сказала Мэри, — лучше я.

— Ладно, — согласился я. — Скажи, чтоб не приходили. Скажи, что я обещал друзьям приехать на уикэнд... и на следующей неделе тоже, а то им дай только волю!

Она все сделала как надо и, кладя трубку, взглянула на меня. Ей явно полегчало, и я очень обрадовался.

— Спасибо, Дэвид... — начала она. Тут раздался звонок; я взял трубку.

— Нет, — сказал я. — Он спит... Нет, завтра не будет целый день.

— Кто? — спросила Мэри.

— «Санди Даун». Хочет взять у него интервью. Знаешь, кажется, они поняли, что Мэтью-герой и Мэтью-художник — одно и то же лицо. Скоро многие поймут.

Я не ошибся. Позвонили из «Рипорт», потом — из «Санди Войс».

— Ну, решено, — сказал я. — Завтра придется уйти на целый день. И пораньше, пока они еще не расположились в саду. Да, и на ночь останемся. Пойдем собирать вещи.

Мы пошли наверх, и телефон затрезвонил снова. Я поколебался.

— Да ну его, — сказала Мэри.

И мы не подошли к телефону ни в этот, ни в следующий раз.

Нам удалось уехать в семь, опередив репортеров. Мы направились к берегу.

— Надеюсь, они без нас не вломятся, — сказала Мэри. — Мне кажется, что я — беженка.

Всем нам так казалось часа два, пока мы ехали до берега. Машин на шоссе было полно, и мы еле ползли. То и дело что-то случалось и образовывалась пробка на целые мили. Дети стали скучать.

— Это все он, — плакалась Полли.

— Нет, не я, — возражал Мэтью. — Я ничего такого не хотел. Само случилось.

— Значит, это Чокки.

— Тебе бы его благодарить, — напомнил Мэтью.

— Сама знаю, а не могу. Он все портит, — ответила Полли.

— Последний раз, когда мы тут ехали, с нами был Пиф, — заметил я. — Он немножко мешал.

— Пиф был глупый, он мне ничего не говорил, это я ему говорила. А этот Чокки вечно болтает или спрашивает всякую ерунду.

— Нет, — сказал Мэтью, — сейчас он уже не спрашивает. Его не было со вторника. Я думаю, он отправился домой.

— А где его дом? — спросила Полли.

— Не знаю. Он был какой-то расстроенный. Наверное, отправился к себе, спросить, как и что.

— Что спросить? — настаивала Полли.

Я заметил, что Мэри в беседу не вступает.

— Если его нет, — предложил я, — давайте про него забудем.

Полли высунула голову и стала разглядывать неподвижные вереницы машин.

— Мы, наверно, нескоро поедем, — заявила она. — Я лучше почитаю. — Она выудила книгу откуда-то сзади и открыла ее. Мэтью посмотрел на картинку.

— Это что, цирк? — поинтересовался он.

— Скажешь тоже! — презрительно воскликнула Полли. — Это очень интересная книжка про одного пони. Его звали Золотое Копытце. Раньше он выступал в цирке, а сейчас учится в балете.

— Вон что! — сказал Мэтью с достойной уважением сдержанностью.

Мы доехали до большой стоянки, где брали по пять шиллингов с машины, взяли вещи и отправились искать море. Каменистый берег у самой стоянки заполнили люди с транзисторами. Мы пошли дальше по камушкам и добрались до места, где от сверкающей

воды нас отделяла только широкая лента нефти и мусора, да кромка пены.

— О господи! — сказала Мэри. — Надеюсь, ты не будешь тут купаться?

Присмотревшись получше, Мэтью заколебался, но все же возроптал:

— А я хочу плавать, раз я умею.

— Не здесь, — сказала Мэри. — Какой был хороший пляж несколько лет назад! А сейчас это... это...

— Самый краешек британской клоаки? — подсказал я. — Ну, пойдём ещё куда-нибудь. Иди сюда, мы уходим! — крикнул я Мэтью, который все ещё, словно во сне, смотрел на грязную пену. Полли и Мэри пошли по берегу, а я подождал его.

— Что, Чокки вернулся? — спросил я.

— Как ты узнал? — удивился он.

— Да уж узнал. Вот что, окажи-ка мне услугу. Молчи про него, если можешь. Не надо портить маме поездку. И так ей здесь не понравилось.

— Ладно, — согласился он.

Мы отошли от берега и обнаружили деревню в ущелье, у подножия холмов. Там было тихо, а в кабачке мы очень прилично позавтракали. Я спросил, можно ли остаться на ночь, и, на наше счастье, у них оказалась комната. Мы с Мэри расположились в садике, в шезлонгах; Мэтью исчез, туманно намекнув, что идет побродить; Полли улеглась под деревом, и ей почудилось, что она — Золотое Копытце. Примерно через час я предложил прогуляться перед чаем.

Мы лениво побрели по тропинке, опоясывающей холм, и через полмили, по ту сторону, увидели, что кто-то стоит на коленях и рисует в большом альбоме.

— Это Мэтью, — сказала Мэри.

— Да, — ответил я и повернул обратно.

— Нет, пошли, — сказала она. — Я хочу посмотреть.

Я без особой охоты отправился за ней. Мэтью нас не заметил, даже когда мы подошли вплотную. Он выбирал карандаш решительно и точно, а линию вел уверенно — ничего похожего на прежнюю неопределенность. Потом и твердо, и нежно он растирал ее, растушевывал рукой, или большим пальцем, или углом платка, а после, вытерев платком руки, наносил новую линию и опять растушевывал ее.

Я всегда дивлюсь художникам, как чуду, но сейчас сассекский ландшафт так явственно оживал на бумаге, материал был так прост, а техника — так необычна, что я стоял, словно зачарованный, и Мэри тоже. Так мы простояли больше получаса; наконец Мэтью распрямился, тяжело вздохнул и поднял готовый рисунок, чтобы его рассмотреть. Тут он заметил, что мы стоим сзади, и обернулся.

— Ох, это вы! — сказал он, не совсем уверенно глядя на Мэри.

— Мэтью, какая красота! — воскликнула она.

Мэтью явно стало легче. Он снова воззрился на рисунок.

— Наверное, сейчас он видит правильной... — серьезно, как судья, сказал он, — хотя еще немного чудно.

Мэри спросила:

— Ты мне дашь этот рисунок? Я буду его очень беречь.

Мэтью с улыбкой посмотрел на нее. Он понял, что наступил мир.

— Хорошо, мама, если хочешь, — сказал он и попросил на всякий случай: — Только ты с ним поосторожней.

— Я буду очень осторожна, он такой красивый, — заверила она.

— Да, ничего, — согласился Мэтью. — Чокки считает, что это красивая планета, если б мы ее не портили.

Домой мы вернулись в воскресенье вечером. В эти дни нам стало легче, но Мэри все же боялась думать о понедельнике.

— Эти газетчики такие наглые. Гонишь их, гонишь, а они все лезут, — жаловалась она.

— Не думаю, что они тебя будут сильно мучить. Во всяком случае, не в воскресенье. А к концу недели все уляжется. Знаешь, лучше всего убрать Мэтью куда-нибудь. На один день, конечно, — в школу ему со вторника. Сделай ему побольше бутербродов и скажи, чтоб не возвращался до вечера. И денег дай: соскучится — пойдет в кино.

— Как-то жестоко его выгонять...

— Да. Только вряд ли он предпочтет репортеров с ангелами.

Наутро Мэри выставила его — и не зря. За день к нему наведались шестеро: наш собственный викарий; еще какой-то священник, дама средних лет, отрекомендовавшаяся духовидицей; дама из местного кружка художников, в который, по ее мнению, будет счастлив вступить и Мэтью; дама, полагавшая, что грезы детей мало изучены; и, наконец, инструктор плавания, надеявшийся, что Мэтью выступит на следующем водном празднестве.

Когда я вернулся, Мэри еле дышала.

— Если я когда-нибудь сомневалась в могуществе печати, беру свои слова обратно. Жаль только, что его тратят на такую чепуху.

Вообще же понедельник прошел неплохо. Мэтью вроде бы хорошо провел день. Он нарисовал два раза один и тот же ландшафт. Первый рисунок был явно в манере Чокки; второй — похуже, но Мэтью гордился им.

— Это я сам, — поведал он. — Чокки много мне говорил, как надо смотреть, и я начинаю понимать, чего он хочет.

Во вторник, с утра, Мэтью ушел в школу. Домой он вернулся с подбитым глазом.

— Мэтью! — вскрикнула Мэри. — Ты дрался!

— Нет, — гневно ответил Мэтью. — Меня побили.

По его словам, он стоял на переменке во дворе, а мальчик постарше, Саймон Леддер, подошел к нему с тремя приспешниками и стал остричь насчет ангелов. Саймон заявил, что, если ангел спасет Мэтью от его кулака, он в ангелов поверит, а не спасет — значит, Мэтью трепло. Затем он претворил свое заявление в жизнь, ударив Мэтью так, что тот упал. Может быть, минуты на две он даже потерял сознание. Во всяком случае, он помнит только, что, встав, увидел не Саймона, а мистера Слетсона, директора школы.

Мистер Слетсон был так мил, что зашел к нам попозже справиться о здоровье Мэтью. Я сказал, что Мэтью лучше, хоть вид у него и неважный.

— Мне так жаль, — сказал мистер Слетсон. — Винаваг только Леддер. Надеюсь, это больше не повторится. Странное происшествие! Я был далеко, помочь не мог, но все видел. Он ударил Мэтью и ждал, пока тот встанет — явно хотел ударить снова. Но когда Мэтью встал, они все вдруг отступили, уставились на него, а потом бросились бежать. Я спросил зачинщика, Леддера, что случилось. Он отвечал, что «Мэтью был очень уж злоющий». Странно... но это значит, что больше они не пристанут. Кстати... — и, понизив голос, он принялся немного растерянно поздравлять нас с успехами сына в плавании и рисовании.

Полли очень заинтересовалась подбитым глазом.

— А ты им видишь? — спросила она.

— Да, — сухо отвечал Мэтью.

— Он смешной, — сообщила она и прибавила, подумав: — а Копытцу тоже чуть не выбили глаз.

— Балерина заехала ногой? — предположил Мэтью.

— Нет, это еще в той книжке, где про охоту, — объяснила Полли и, помолчав немного, невинно спросила: — Это Чокки?

— Ну, хватит! — сказал я. — Мэтью, а твоей учительнице понравилось, что «Домой» напечатали в газетах?

Мэтью покачал головой.

— Я ее еще не видел. Сегодня рисованья не было.

— Наша мисс Пинксер видела, — вмешалась Полли. — Она считает, что это просто дрянь.

— Господи, Полли! — взволновалась Мэри. — Не может быть, чтобы она так выразилась.

— Она не выразилась. Она подумала. Сразу видно... Она сказала, у Мэтью стиг... стигматы, что ли, и наверняка он носит очки. А я ей сказала, на что ему очки, ведь это не он рисовал.

Мы с Мэри переглянулись.

— Ой, что ты натворила! — охнула Мэри.

— Так это ж правда, — возроптала Полли.

— Нет, — сказал Мэтью. — Это я рисовал. Учительница сама видела.

Полли фыркнула.

Когда они, наконец, ушли, я рассказал Мэри свои новости. Утром звонил Лендис. Он видел сэра Уильяма. Тот заинтересовался Мэтью. Время у него распределено по минутам, но все же он сказал, чтобы я договорился с его секретаршей.

Я позвонил, и секретарша тоже упомянула о времени, но обещала посмотреть, зашуршала бумагой и, наконец, любезно сообщила, что мне повезло — в пятницу в два есть просвет, можно прийти, иначе придется ждать неделями.

Мэри колебалась. Кажется, за последние дни ее нелюбовь к Чокки ослабела; и еще, я думаю, ей не

хотелось делить с кем-то Мэтью — как прежде, когда он пошел в школу. Однако присущий ей здравый смысл победил, и мы решили, что в пятницу я повезу Мэтью на Харли-стрит.

В среду было тихо. Мэри отказала только двоим посетителям и еще двоим — по телефону, а в школе прогнали предполагаемого репортера. Правда, сам Мэтью не поладил с Кефером.

Началось, по-видимому, с того, что Кефер на уроке физики сказал, что скорость света — предел, и ничто не может двигаться быстрее света.

Мэтью поднял руку. Кефер посмотрел на него.

— О, — сказал он. — Так я и думал. Ну, молодой человек, что вы знаете такого, чего не знал Эйнштейн?

Мэтью уже жалел, что выскочил, и буркнул:

— Это я так... Неважно.

— Нет, важно, — настаивал учитель. — Всякое возражение Эйнштейну чрезвычайно важно. Возражайте!

— Простите, сэр, скорость света — предел только *физической* скорости.

— Конечно. А что, по-вашему, движется быстрее?

— Мысль, — сказал Мэтью.

Кефер снова посмотрел на него.

— Мысль, милый мой Гор, тоже физический процесс. В нем участвуют нейроны, в клетках происходят химические изменения. Все это занимает время. Его можно измерить в микросекундах. Поверьте, скорость мысли окажется много меньше скорости света. Иначе мы могли бы предотвратить немало несчастных случаев.

— Простите...

— Что такое, Гор?

— Понимаете, сэр... Я, наверное, хотел сказать не «мысль», а «разум».

— Ах, вон что? Психология — не моя область. Не объясните ли нам?

— Если вы, сэр, как-нибудь... ну, метнете ваш ум...

— Метну? Быть может, pošлю сообщение?

— Да, сэр. Если вы его pošлете, пространство и время... ну, исчезнут.

— Так, так. Чрезвычайно занятная гипотеза. Вероятно, вы можете это продемонстрировать?

— Нет, сэр, я не могу... — и Мэтью остановился.

— Однако знаете того, кто может? Я уверен, что будет чрезвычайно поучительно, если вы его нам покажете. — Он печально взглянул на Мэтью и покачал головой. Мэтью уставился в парту.

— Итак, — обратился учитель к классу, — ничто в мире (за исключением ума Мэтью Гора) не превышает скорости света. Продолжим урок...

В пятницу я встретил Мэтью на вокзале Ватерлоо. Мы позавтракали и пришли к сэру Уильяму без пяти два.

Сэр Уильям оказался высоким, чисто выбритым, горбоносым, полуседым человеком с темными, зоркими глазами и густыми бровями. На улице я бы принял его за юриста, а не за врача. Сначала мне показалось, что я его где-то видел — быть может, потому, что он был похож на герцога Веллингтона.

Я представил ему Мэтью, мы поговорили немного, и он попросил меня подождать.

— Сколько мне ждать? — спросил я у секретарши.

— Не меньше двух часов: пациент новый, — сказала она. — Приходите после четырех. Мы присмотрим за мальчиком, если он выйдет раньше.

Я пошел к себе на службу, а в пятом часу вернулся. Мэтью вышел в шестом и взглянул на часы.

— Ой! — удивился он. — А я-то думал, что пробыл там всего полчаса.

Тут вмешалась секретарша.

— Сэр Уильям просит прощения, что не может повидаться с вами. У него срочная консультация. Он вам напишет дня через два, — сказала она, и мы ушли.

— Ну, как? — спросил я Мэтью в вагоне.

— Он очень много спрашивал. Насчет Чокки он совсем не удивился. И еще мы слушали пластинки, — прибавил он.

— А он собирает пластинки? — спросил я.

— Нет, не такие. Это спокойная музыка... добрая... ну, музыкальная. Он спрашивал, а она играла. А когда одна пластинка кончилась, он вынул из шкафа другую и спросил, видел я такую или нет. Я сказал — «нет», потому что она была странная, в черных и белых узорах. Он подвинул стул и говорит: «Сиди здесь, увидишь», — и поставил ее. Она зажужжала, а музыки не было. Потом зажужжала громче. То тише, то громче, то тише, то громче, жужжит и жужжит. Я смотрел, как она крутится, а узоры так завихряются, как вода, когда из ванны уходит, только не вниз — просто уходят сами в себя, исчезают. Мне понравилось — как будто вся комната кружится, а я падаю со стула. А потом вдруг все остановилось, и смотрю — играет обыкновенная пластинка. Сэр Уильям дал мне оранжаду и еще поспрашивал и говорит — на сегодня хватит, я и вышел.

Я передал все это Мэри.

— А, гипноз! — сказала она. — Мне это не очень нравится.

— Да, — согласился я. — Но ему видней, что тут нужно.

Мэтью мог заёртачиться. Лендису он легко все рассказал, но то случай особый. Чтобы не биться за каждый ответ, сэр Уильям, наверное, решил облегчить им обоим дело.

— М-м... — сказала Мэри. — Что ж, будем ждать его письма.

На следующее утро Мэтью вышел к завтраку усталый, вялый и рассеянный. Попытки Полли завязать беседу он отверг так решительно, что Мэри велела ей замолчать.

— Тебе нехорошо? — спросила она Мэтью,ковырившегося в корнфлексе.

— Нет, — Мэтью покачал головой. — Мне хорошо, — и он демонстративно набросился на корнфлекс. Ел он так, словно хлопья душили его.

Я пристально смотрел на него и видел, что он вот-вот расплачется.

— Эй, Мэтью! Мне сегодня надо в Чичестер. Хочешь со мной?

Он снова покачал головой.

— Нет, папа, спасибо... Я бы лучше... Мама, можно мне взять бутербродов?

Мэри вопросительно взглянула на меня. Я кивнул.

— Можно. Я после завтрака тебе сделаю.

Мэтью поел еще и ушел наверх.

— Золотое Копытце тоже не ел, когда погиб его друг Глазастик. Очень печально было, — заметила Полли.

— Иди-ка причешись, — сказала Мэри. — Смотреть противно.

Когда она ушла, Мэри сказала:

— Честное слово, это из-за вчерашнего типа.

— Может быть, — согласился я. — А скорее — нет. Он вчера был веселый. И вообще, если он хочет куда-то идти, мы не должны его удерживать.

Когда я вышел, то увидел, что Мэтью кладет альбом, краски и бутерброды в багажник велосипеда. Я надеялся, что бутерброды выдержат путешествие.

— Ты поосторожней. Помни, что сегодня суббота, — сказал я.

— Помню, — ответил он и уехал.

Вернулся он в шесть и ушел к себе. К обеду он не спустился. Я спросил Мэри, в чем дело.

— Говорит, что есть не хочется, — сказала она. — Лежит и глядит в потолок. Его что-то мучает.

Я пошел к нему. Он и впрямь лежал, вид у него был измученный.

— Устал, старик? — спросил я. — Ложись совсем. Я тебе принесу поесть.

Он покачал головой.

— Спасибо, папа. Не хочу.

Я оглядел комнату и увидел четыре новые картинки. Все ландшафты. Два стояли на камине, два на комод.

— Это сегодня? — спросил я. — Можно посмотреть?

Я подошел поближе. На одном я сразу узнал докшемский пруд, на другом был угол пруда, на третьем — вид на деревню и холмы с более высокой точки, а на четвертом — что-то, мне незнакомое.

Я увидел равнину. На заднем плане, на фоне ярко-синего неба, тянулась цепь древних на вид холмов, прерывавшаяся какими-то приземистыми, округленными башнями. Посередине, чуть вправо, высилась пирамида — огромная и не совсем правильная, потому что камни (если это вообще были камни) не были пригнаны друг к другу, а, если верить рисунку, громоздились кучей. Я не назвал бы ее сооружением, но и не сказал бы, что это природная формация. За ней извилистой линией располагались какие-то сгустки

материи, иначе я их не назову, потому что таких не видел; быть может, это были мясистые растения, быть может, — стога, быть может, — хижины, и дело осложнялось тем, что каждый из них отбрасывал по две тени. От левого края рисунка к пирамиде шла ровная, как по линейке, полоска и резко сворачивала к дымке у подножия холмов. Вид был мрачный и цвета невеселые, кроме яркой лазури неба: охряный, тускло-красный, серый. Сразу чувствовалось, что «там» сухо и ужасно жарко.

Я все еще смотрел и дивился, когда услышал сзади всхлипывания. Мэтью с трудом произнес:

— Это последние. Больше не будет.

Я обернулся. Он шурился, но слезы все же текли. Я присел на кровать и взял его руку.

— Мэтью, милый, скажи! Ну, скажи, что с тобой такое?!

Мэтью втянул носом воздух, откашлялся и выговорил:

— Это из-за Чокки, папа. Он уходит. Навсегда.

Я услышал шаги на лестнице, быстро вышел и плотно закрыл дверь.

— Что с ним? — спросила Мэри. — Болен?

Я взял ее за руку и увел подальше.

— Нет, — сказал я. — Все будет хорошо. — Я повел ее по лестнице вниз.

— Да в чем же дело? — настаивала она.

Здесь, в холле, Мэтью не мог нас услышать.

— Понимаешь, Чокки уходит... освобождает нас, — сказал я.

— Ох, как я рада, — сказала Мэри.

— Радуйся, только смотри, чтоб он не заметил. Мэри подумала.

— Я отнесу ему поесть.

— Нет. Не трогай его.

— Что ж ему голодать, бедняге?

— Он... Я думаю, они там прощаются... а это не легко.

Она, недоверчиво хмурясь, глядела на меня.

— Что ты, Дэвид! Ты говоришь так, как будто Чокки и вправду есть.

— Для Мэтью он есть, и прощаться с ним трудно.

— Все равно, голодать нельзя.

Я всегда удивлялся, почему это самые милые женщины не могут понять, как серьезны и тяжелы детские огорчения.

— Позже поест, — сказал я. — Не сейчас.

За столом Полли безудержно и невыносимо болтала о своих пони. Когда она ушла, Мэри спросила:

— Я думала... Как по-твоему, это тот тип подстроил?

— Какой?

— Твой сэр Уильям. Он ведь Мэтью загипнотизировал. А под гипнозом можно внушить что угодно. Предположим, он ему сказал: «Завтра твой друг уйдет навсегда. Тебе будет нелегко с ним прощаться, но ты простишься, а он уйдет, и ты его со временем забудешь». Я в этом плохо разбираюсь, но ведь внушение может вылечить, правда?

— Вылечить? — переспросил я.

— Я хотела сказать...

— Ты хотела сказать, что, как прежде, считаешь Чокки выдумкой.

— Не то чтоб выдумкой..

— А плавание? И потом — ты же видела, как он рисовал на днях... Неужели ты еще считаешь...

— Я еще надеюсь. Все же это лучше, чем одержимость, о которой толковал твой Лендис. А сейчас как будто про нее и речи быть не может. Смотри: он идет

к этому сэру, а на следующий день говорит тебе, что Чокки уходит...

Мне пришлось признать, что кое в чем она права; и я пожалел, что мало знаю о гипнозе вообще, а о вчерашнем — в частности. Кроме того, я пожалел, что, изгоняя Чокки, сэр Уильям не сумел провести это как можно менее болезненно.

Вообще я сердился на Торби. Я повел к нему Мэтью для диагноза, которого не услышал, а мне подсунули лечение, о котором я не просил. Чем больше я думал об этом, тем больше мне казалось, что он действовал не так, как надо, а, точнее говоря, своевольно.

Перед сном мы зашли к Мэтью — вдруг ему захотелось есть? У него было тихо, он мерно дышал, и, осторожно прикрыв дверь, мы ушли.

Наутро, в воскресенье, мы не стали его будить. Он выполз очень заспанный часам к десяти, глаза у него порозовели, вид стал совсем рассеянный, но аппетит к нему вернулся.

Примерно в половине двенадцатого к дому подъехала большая американская машина, похожая спереди на пианолу. Мэтью, грохоча, скатился по ступенькам.

— Папа, это тетя Дженет! Я бегу, — задыхаясь крикнул он и ринулся к черному ходу.

День выдался трудный. Это было похоже на прием без почетного гостя или на выставку курьезов без главного экспоната. Мэтью знал, что делает. Весь день шла болтовня об ангелах-хранителях (с примерами «за» и «против»), а также о том, что все знакомые художники были весьма неприятными, если не опасными людьми.

Не знаю, когда Мэтью вернулся. Должно быть, он пробрался в дом (и, кстати, в кладовую), а после пролез к себе, пока мы болтали. Когда все ушли, я

поднялся к нему. Он сидел у открытого окна и смотрел на заходящее солнце.

— Рано или поздно придется ее увидеть, — сказал я, — но сегодня и впрямь не стоило. Они ужасно расстроились, что тебя нет.

Мэтью с трудом улыбнулся.

Я оглядел комнату и опять увидел те четыре рисунка. Пруд я похвалил, но не знал, говорить или нет о четвертой картинке.

— Это что, по-твоему? — все же спросил я.

Мэтью обернулся.

— Это где Чокки живет, — сказал он и немного помолчал. — Жуткое место, а? Потому ему у нас и нравится.

— Да, место не из приятных, — согласился я. — И жарко там, наверное.

— Днем — жарко. Видишь, сзади что-то, вроде пуха? Это озеро испаряется.

— А это что за пирамида? — спросил я.

— Сам не знаю, — признался он. — То мне кажется это — здание, то — город. Трудно немножко, когда нет подходящих слов — ведь у нас такого не бывает.

— А это? — я имел в виду симметричные ряды холмов.

— Это там растет.

— Где «там»? — спросил я.

Мэтью покачал головой.

— Мы так и не выяснили, где — мы, где — они.

Я заметил, что он употребил прошедшее время, снова взглянул на рисунок, и меня опять поразила его сухая одноцветность и ощущение жары.

— Знаешь что, — сказал я, — прячь его, когда уходишь. Маме он не очень понравится.

Мэтью кивнул.

— Я и сам так думал. Сегодня спрячу.

Он замолчал. Мы смотрели из окна на алый полукруг солнца, перерезанный темными стволами. Наконец я спросил:

— Он ушел, Мэтью?

— Да, папа.

Мы молчали, пока не исчез последний луч. Потом Мэтью всхлипнул, на глазах его выступили слезы.

— Папа, от меня как будто кусок оторвали...

На следующее утро он был невесел и немножко бледен, но в школу пошел твердо. Вернулся он усталый; однако неделя шла, и он как будто приходил в себя. К субботе он совсем оправился. Мы вздохнули с облегчением, хотя каждый имел в виду свое.

— Ну, слава богу, прошло, — сказала Мэри в пятницу вечером. — Наверное, этот твой сэр все-таки был прав.

— Торби, — сказал я.

— Ладно, Торби. Он ведь тебе объяснил, что это — «переходная фаза». Мэтью создал целый фантастический сюжет — так бывает в его годы, и нам беспокоиться незачем, если это не затянется. По-видимому, все пройдет само собой, и довольно скоро. Видишь, прошло.

— Да, — согласился я, чтоб не спорить. В конце концов, если Чокки ушел, важно ли, ошибся Торби или нет? Честно скажу, во вторник мне было очень трудно читать его письмо. Он писал, что плавать Мэтью умел, но ему мешал безотчетный страх перед водой. Шок снял запреты; однако сознание приписало это постороннему вмешательству. С рисунками — примерно то же самое. Несомненно, у Мэтью в подсознании таилась сильная тяга к рисованию. Она была подавлена — скорей всего, из-за каких-нибудь страшных

картинок, которые он видел в детстве. Когда его те-перешняя выдумка достаточно окрепла, чтобы затро-нуть и сознание и подсознание и создать между ними мост, тяга эта высвободилась и претворилась в дей-ствие.

Объяснял он и историю с машиной, и многое дру-гос — в том же духе. И, хотя он разобрал не все случаи, которые казались мне важными, я не сомне-вался, что он мог бы найти объяснение и тут.

Я был разочарован, более того — письмо оскор-било меня нарочитой мягкостью и покровитель-ственным тоном. Меня бесило, что Мэри приняла его всерьез; еще больше бесило меня, что события его подтверждают. Теперь я видел, что многого ждал от Торби, а дождался пустой отписки.

А все же — он прав... Чокки действительно исчез, как он предсказывал. Боль действительно утихает, хотя в этом я меньше уверен...

И вот я сказал «да» и терпеливо слушал рассу-ждения Мэри. Она говорила как можно мягче, что я напрасно усматриваю столько сложностей в новом варианте Пифа. Сама она при этом успокаивалась; и я ей не мешал.

Я всегда верил газетам, убеждавшим нас, что вся-кие общества (тем более Королевские) долго засе-дают, совещаются, выслушивают свидетелей и взве-шивают все и вся, прежде чем присудить ту или иную награду. Я прикинул, что пройдет с полгода до того, как представленному к награде вручат ее в торже-ственной обстановке. Но в Королевском обществе плаванья все было не так.

Медаль прибыла тихо, по почте, в понедельник утром на имя мистера Мэтью Гора. К сожалению, я не смог ее перехватить. Мэри расписалась за Мэтью,

и, когда мы, мужчины, вошли в столовую, пакстик лежал у его тарелки.

Мэтью взглянул на него, окаменел и долго не отрывал взгляда. Потом принялся за корнфлекс. Я тщетно пытался переглянуться с Мэри. Она наклонилась к сыну через стол.

— Что ты не откроешь? — подбодрила его она.

Он посмотрел снова, взгляд его заметался по столу и встретился с выжидательным взглядом Мэри. Медленно, неохотно Мэтью взял нож и взрезал пакет. На стол выпала красная кожаная коробочка. Мэтью снова заколебался, нехотя открыл ее и застыл, глядя на золотой диск, сверкающий на синем бархате.

— Не надо мне... — буркнул он.

На сей раз я поймал взгляд Мэри и едва заметно покачал головой. Нижняя губа Мэтью чуть-чуть отвисла и задрожала.

— Это нечестно!... — начал он. — Нас Чокки спас... Это неправда, папа...

Он все глядел на медаль, опустив голову. Меня пронзило воспоминание об ударах, которые не забываешь и взрослым. Открыть, что в этом мире воздают почести не тем, кому надо, — как раз такой удар. Ценности сместились, надежное пошатнулось, золото стало медью, правда — неправдой.

Мэтью вскочил и, ничего не видя, выбежал из комнаты. Медаль поблескивала золотом в коробочке, на столе.

Я взял ее. По краю, кругом, красовалось полное название Общества, потом шли всякие завитушки в довольно современном стиле, а в центре мальчик и девочка, держась за руки, смотрели на восходящее солнце, которое сияло всюду.

Я перевернул медаль. Та сторона была проще. Надпись, окаймленная лаврами, — и больше ничего.

Наверху:

ПРИСУЖДАЕТСЯ

ниже, другим шрифтом:

МЭТЬЮ ГОРУ

и еще ниже:

ЗА ПОДВИГ

Я протянул ее Мэри. Она внимательно все рассмотрела и положила медаль на место.

— Какой стыд, что он ее так принял! — сказала она.

Я сунул коробочку в карман.

— Жаль, что она пришла сейчас, — сказал я. — Подержу ее, дам позже.

Мэри, кажется, хотела возразить, но тут явилась Полли, которая очень боялась опоздать в школу. Перед уходом я зашел к Мэтью, но его уже не было, а учебники лежали на столе.

Вернулся он в седьмом часу, сразу после меня.

— Где ж ты был? — спросил я.

— Гулял.

Я покачал головой.

— Знаю, — кивнул он.

Больше мы не говорили. Мы оба все поняли и так.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Несколько дней — до пятницы — событий не было. В пятницу я заработался, пообедал в городе и домой вернулся часам к десяти. Мэри кому-то звонила. Как раз, когда я вошел, она нажимала на рычаг, не кладя трубки.

— Его нет, — сказала она. — Обзваниваю больницы.

Она позвонила еще два-три раза; список ее кончился, и она положила трубку. Я достал виски.

— Выпей, — сказал я. — Лучше будет.

Она с благодарностью выпила.

— В полицию звонила?

— Да. Сначала я позвонила в школу. Он ушел оттуда вовремя. Ну, я позвонила в участок, сказала приметы. Они обещали сообщить, если будут новости, — она выпила еще. — Дэвид, Дэвид! Спасибо хоть ты пришел. Я себе такое воображала... Знаешь, раньше мне казалось: только бы кончился Чокки! А теперь вот он замкнулся. Ничего не говорит, даже мне... И ушел куда-то в понедельник... Ты не думаешь...

Я сел к ней и взял ее руку.

— Конечно, нет. И ты не думай.

— Он так замкнулся...

— Это ведь все-таки удар. Он привык к своему Чокки. Теперь надо как-то приспособливаться — но он старается...

— Ты правда так считаешь? Ты не утешаешь меня?

— Ну, что ты! Если б мы сморозили какую-нибудь глупость, он бы ушел недели две назад, а он и не собирался. Он мучился, бедняга, но уходить не хотел. Это точно.

Мэри вздохнула.

— Дай бог... да, надеюсь, ты прав. Но тогда я совсем ничего не понимаю. Он же знал, что с нами будет. Он же не злой.

— Да, — согласился я. — Это меня и беспокоит.

Утром мы позвонили в полицию; они посочувствовали нам, но ничего нового не сказали.

— Его, наверное, похитили, — предположила Полли. — Подсунут записку, потребуют огромный выкуп.

— Вряд ли, — отвечал я, — да и не можем мы дать огромный выкуп.

Молчание мучило ее, она ерзала и, наконец, сказала снова:

— Когда похитили Копытце, его хотели сделать боевым пони...

— Помолчи, — сказал я. — А не можешь — иди к себе.

Она укоризненно взглянула на меня и сердито вышла из комнаты.

— А может, напишем в газеты? — предложила Мэри. — Они так хотели взять у него интервью.

— Сама знаешь, что будет. «Юный художник исчез», «Где ангел?» и прочее.

— Бог с ними, только б его найти.

— Ладно, попробую, — сказал я.

В воскресенье утром зазвонил телефон. Я схватил трубку.

— Мистер Гор?

— Да.

— Моя фамилия Боллот. Вы меня не знаете, но наши дети вместе учатся. Сейчас прочитал в газете. Какой ужас! Как там, ничего нового?

— Ничего.

— Вот что, мой Лоуренс говорит, он видел вашего Мэтью в ту пятницу. Он разговаривал недалеко от школы с каким-то типом в машине — кажется, мерседес. Лоуренсу показалось, что они спорили. Потом ваш Мэтью сел в машину, и они поехали.

— Спасибо вам, мистер Боллот. Большое спасибо. Я сейчас позвоню в полицию.

— Вы думаете, это... Да, наверное. Ну, они его быстро найдут.

Но они его не нашли.

В понедельник газеты писали о нем, радио говорило, телефон звонил все время, а новостей не было:

Никто не подтвердил истории, рассказанной Боллотом, но сам он твердо стоял на своем. Расспросы в школе ничего не дали — в тот день никого из мальчиков не подвозили на машине. Значит, это был Мэтью.

Зачем его красть? Для чего? Если бы нам грозили, требовали выкупа, и то было бы лучше. А так — он исчез неизвестно куда, и мы могли думать что угодно. Я видел, что Мэри все хуже и хуже с каждым днем, и с ужасом ждал, что она вот-вот сорвется.

Неделя тянулась без конца. Особенно долгим было воскресенье, а потом...

В девятом часу, во вторник, на перекрестке в Бирмингеме остановился мальчик, воззрился на полисмена и терпеливо ждал, пока тот его заметит. Управившись с потоком машин, полисмен склонился к нему.

— Привет, сынок! Что случилось? — сказал он.

— Простите, сэр, — сказал мальчик. — Я, кажется, заблудился. А это очень жаль, потому что мне не на что вернуться домой.

Полисмен покачал головой.

— Плохо дело, — посочувствовал он. — А где ты живешь?

— В Хиндмере, — ответил мальчик.

Полисмен посмотрел на него с внезапным интересом.

— А как тебя зовут? — осторожно справился он.

— Мэтью, — сказал мальчик. — Мэтью Гор.

— Ах ты, черт! — сказал полисмен. — Стой, где стоишь, Мэтью! Стой и не двигайся!

Он вынул микрофон из нагрудного кармана, нажал кнопку и что-то сказал. Минуты через две рядом с ним остановилась полицейская машина.

— Это тебе подали, — сказал полисмен. — Ответь домой.

— Спасибо вам большое, сэр, — сказал Мэтью, уважавший полицию.

Они привезли его часов в шесть. Мэри позвонила мне, и я поспешил домой. Вызвали мы и Эйкота.

Мэтью, явно подружившийся с полицейскими, пригласил их зайти, но они сослались на служебные обязанности. Тогда Мэтью поблагодарил их, мы их поблагодарили, и они уехали, чуть не столкнувшись со следующей машиной. Водитель отрекомендовался полицейским хирургом, и мы вошли в дом.

Мы выпили; минут через десять доктор Прост что-то мягко сказал Мэри, и она увела Мэтью, несмотря на его заявление, что его уже кормили в полиции.

— Прежде всего, — сказал Прост, когда дверь за ними закрылась, — вы можете, наконец, успокоиться. Он в полном порядке, мы ничего не нашли. Он даже не напуган. В жизни не слышал о таком безвредном похищении. Вам нечего опасаться, что это подействует на его здоровье или психику. Однако кое-что я должен отметить. Потому я и хотел вас видеть, доктор Эйкот. Первое — ему делали инъекции. Больше десяти, в оба предплечья. Что ему вводили, абсолютно неясно. Повторяю, это не оказало никакого воздействия, состояние — превосходное. И все же надо за ним последить. Беспокоиться нет оснований, тем не менее, доктор, примите это к сведению.

Эйкот кивнул.

— Второе особенно странно. Мэтью убежден, что попал в катастрофу и сломал ногу. Правую. Он говорит, что она была «в гипсе» и там, «в лечебнице», его вылечили новым, ускоренным способом. На ноге действительно есть слабое раздражение — от гипса. Мы сделали рентген ноги, но не нашли и следов перелома.

Он помолчал, хмуро глядя на стакан, потом залпом выпил виски.

— Обращались с ним, по-видимому, прекрасно. «В лечебнице», по его словам, все его любили и успокаивали. По-видимому, они все продумали и всячески старались не напугать его. Ему и в голову не пришло,

что его похитили. Он только удивлялся, почему вы с миссис Гор не приходите и не отвечаете на его письма. И еще он удивился, что его высадили в Бирмингеме. Впечатление такое, что кто-то хотел убрать его на десять дней, — он пристально взглянул на меня. — Если вы знаете или подозреваете кого-нибудь, советую вам сообщить полиции.

Я покачал головой.

— Совершенно не понимаю, зачем его похищали. Чепуха какая-то.

Он пожал плечами.

— Что ж, другого объяснения придумать не могу, — и больше об этом не говорил, хоть явно со мной не согласился.

Потом врачи посовещались и ушли вместе. Эйкот обещал утром зайти.

Мэтью, Мэри и Полли были на кухне. Видимо, в полиции кормили не очень сытно.

Я сел и закурил.

— Расскажи-ка нам все, Мэтью, — попросил я.

— Еще раз? — испугался он.

— Нам ты не рассказывал, — напомнил я.

Мэтью набрал воздуха.

— Ну, шел я из школы, а этот мерседес меня обогнал и остановился впереди. Вышел какой-то дядя и смотрит туда-сюда, как будто что-то ищет, — начал он.

Мужчина увидел Мэтью и вроде бы хотел заговорить с ним, но стеснялся. Однако, когда Мэтью проходил мимо, он спросил.

— Простите, не могли бы вы нам помочь? Мы ищем Дэншем Род, а здесь нет табличек.

— Пожалуйста, — ответил Мэтью. — Сверните направо, а потом еще через два квартала — налево. Это Олд Лэйн, а за перекрестком она называется Дэншем Род.

— Спасибо, — сказал мужчина, пошел на место и вдруг обернулся. — А не могли бы вы нам сказать, где тут живет мистер Гор?

Конечно, Мэтью сказал и согласился, чтоб его подвезли. Дальше он помнит только, что проснулся в больнице.

— Почему ты решил, что это больница? — спросила Мэри.

— Ну, очень похоже, — сказал Мэтью. — Я думаю, они как раз такие. Белая кровать и вокруг все белое, пусто и очень чисто. И сестра сидит, тоже очень чистая.

Он понял, что не может пошевелить ногой, а сестра сказала, чтоб он не шевелил, потому что нога сломана, и спросила, не больно ли ему. Он сказал, что не больно. Она сказала «хорошо» и объяснила, что ему кололи какое-то обезболивающее и лечат его новым способом, от которого очень быстро срастаются кости, особенно — детские.

Доктора там тоже были, штуки три — в белых халатах, как по телевизору — очень хорошие, веселые. Кололи его все время. Сперва ему не нравилось, а потом ничего, привык. Что поделаешь, ведь ногу-то становилось лучше!

Иногда он скучал, но ему давали книги. Радио у них не было, они так и сказали, зато пластинок было много. Кормили просто здорово.

Одно плохо: что мы к нему не ходили.

— Мы бы сразу пришли! — сказала Мэри. — Мы же не знали, где ты.

— Они сказали, вы знаете, — возразил Мэтью. — А я вам два раза писал.

— Никто нам не сообщал, и писем мы никаких не получали, — сказал я. — А какой их адрес?

— Эпфорд Хауз, Уонерш, под Гилдфордом, — быстро сказал он.

— Ты в полиции его назвал?

— Да.

Видел он только свою палату. За окном был луг, а дальше — изгородь и высокие деревья. Позавчера сняли гипс и сказали, что все в порядке, завтра он поедет домой.

Выехали они затемно — он не знает, в котором часу, потому что часов там не было. Он попрощался с сестрой. Один доктор, на этот раз — без халата, повел его вниз, к машине. Они в нее сели, и доктор сказал, что свет лучше зажечь, а шторку опустить, чтоб шоферу не мешало. Когда машина тронулась, он вынул колоду карт и стал показывать фокусы. Потом достал два термоса: кофе — для себя и какао — для Мэтью. А потом Мэтью заснул.

Проснулся он от холода. Машина стояла, было светло. Он приподнялся и увидел, что никого с ним нет, а машина — не та, другая, и стоит она неизвестно где. Он вышел. По улице шли люди и не замечали его. Дойдя до угла, он увидел табличку; улицы он не запомнил, но очень удивился, что сверху написано: «Город Бирмингем». Перед ним была улица побольше, а прямо напротив — кафе. Он понял, что хочет есть, пошарил в карманах и ничего не нашел. Оставалось одно — посоветоваться с полисьменом.

— Правильно, — сказал я.

— Да... — неуверенно сказал Мэтью. — Правда, они потом очень много спрашивали.

— Домой везли в полицейской машине? — спросила Полли. — Без наручников?

— В трех машинах, — сказал Мэтью. — Сперва в свой участок и там спрашивали. Потом — сюда, в наш, и тоже спрашивали и покормили. А потом — домой.

— Везет тебе! — позавидовала Полли. — Когда украли Копытце, пришлось нанять вагон для лошадей. Это очень дорого.

— Украли... — повторил Мэтью. — А разве... — он замолчал и глубоко задумался. — Разве меня украли, папа?

— Похоже на то, — сказал я.

— Так ведь они... они... они были очень хорошие. Они меня вылечили. Они совсем не похожи на воров, — он снова задумался, потом спросил: — По-твоему, все это липа? Я ногу не ломал?

Я кивнул.

— Нет, не может быть, — сказал он. — Гипс правда был... и вообще... — он подумал снова. — Чего меня-то красть? — он помолчал. — Ты много выложил, папа?

Я опять покачал головой.

— Ничего я не платил.

— Значит, это не похищение, — заключил он.

— Ты устал, — вмешалась Мэри, — поцелуй меня, и бегите оба наверх. Мы к вам зайдем.

Дверь за ними закрылась. Мэри посмотрела на меня. Потом она опустила голову на стол и заплакала в первый раз с тех пор, как Мэтью пропал.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Это было во вторник.

В среду доктор Эйкот зашел к нам, как обещал. Он очень внимательно осмотрел Мэтью и сказал, что все в полном порядке и нет никаких оснований пропускать завтра школу.

В этот же день Мэри позвонила своей сестре и сообщила ей, что Мэтью не совсем здоров. Ей пришлось довольно долго объяснять, что ему еще не под силу семейное нашествие.

В четверг Мэтью отправился в школу и вернулся очень гордый — ведь вся страна волновалась о нем; правда, он жалел, что не может рассказать ничего интересного.

Еще в пятницу все было в порядке.

К вечеру Мэри устала и ушла наверх в начале одиннадцатого. Я остался внизу — хотел поработать, чтобы освободить субботу и воскресенье.

В двенадцатом часу я услышал стук в дверь. Мэтью просунул голову в шелку и осторожно огляделся.

— Мама легла? — спросил он.

Я кивнул.

— Уже давно. Да и тебе пора.

— Вот и хорошо, — сказал он и тщательно прикрыл за собой дверь. Он был в халате и в шлепанцах, волосы его стояли дыбом, и я подумал, что ему приснился страшный сон.

— Что с тобой? — спросил я.

Он оглянулся, словно хотел проверить, закрыта ли дверь.

— Там Чокки, — сказал он.

Я приуныл.

— А я-то надеялся, что он ушел! — сказал я.

Теперь кивнул Мэтью.

— Он и ушел. А сейчас вернулся. Он хочет тебе что-то рассказать.

Я вздохнул. Так хорошо было думать, что с этим покончено! Однако Мэтью был очень серьезен и немного расстроен. Я закурил сигарету и откинулся на спинку кресла.

— Так, — сказал я. — Что же именно?

Мэтью как будто и не слышал. Он глядел в пространство. Но он заметил, что я помрачнел.

— Прости, папа. Я сейчас. — Он снова уставился в пустоту. Лицо его менялось, он кивал, но молчал —

словно я смотрел телевизор с выключенным звуком. Наконец он кивнул последний раз и произнес не совсем уверенно:

— Хорошо. Попробую.

Потом взглянул на меня и объяснил:

— Он говорит, это будет очень долго, если он скажет мне, а я — тебе. Понимаешь, я не всегда могу подыскать слова. Ты понимаешь?

— Кажется, да. — отвечал я. — Многие люди бились над этим. У тебя это вроде перевода. Трудное дело!

— Да, — решительно кивнул Мэтью. — Вот Чокки и считает, что лучше ему прямо говорить с тобой.

— А! — сказал я. — Что ж, пусть попробует. А мне что делать?

— Нет, не как со мной, по-другому. Не знаю, почему — наверное, так не со всеми выходит. С тобой не выйдет, и он попробует по-другому.

— Как же? — поинтересовался я.

— Ну, это я буду говорить, то есть — он через меня... Как с рисованием... — не очень связно объяснил он.

— А... — сказал я, на сей раз неуверенно. Я растерялся, не все понимал, не знал, соглашаться ли. — Не знаю... Ты-то сам что думаешь?..

— Я тоже не знаю, — перебил он. — А вот Чокки знает, что все выйдет, и я ему верю. Он всегда оказывается прав в таких делах.

Мне было не по себе, словно меня втягивали в какое-то сомнительное дело, вроде медиумического сеанса.

— Вот что, — сказал я. — Если это долго, ты лучше ложись. Теплее будет.

— Ладно, — сказал Мэтью.

И мы пошли наверх. Он лег, я сел рядом в кресле. Мне было не по себе; я чувствовал, что не надо бы

все это допускать и, будь Мэри здесь, она бы воспротивилась. Оставалось одно: надеяться, что в кровати Мэтью сразу заснет.

Он положил голову на подушку и закрыл глаза.

— Ни о чем не буду думать, — сказал он.

— Послушай, Мэтью, — не сразу ответил я, — разве ты сам?.. — но я не кончил: глаза его открылись снова. Они глядели не на меня, они никуда не глядели. Губы его дрогнули, зашевелились беззвучно, и голос его сказал:

— Говорит Чокки.

Это не было похоже на сеанс. Мэтью не бледнел и дышал ровно, он был как всегда, только смотрел в одну точку. Голос говорил:

— Я хочу вам кое-что объяснить. Это нелегко, ведь Мэтью не все понимает, а его... — он помедлил, — словарный запас очень простой, небольшой, да и не все слова, что он употребляет, ему понятны.

Голос был его, Мэтью, манера говорить — чужая. Казалось, рекордсмена по бегу заставили бежать в мешке. Зачарованный, помимо воли, я ответил:

— Говорите. Я постараюсь понять.

— Я хочу поговорить с вами, потому что я больше не вернусь. Вам будет приятно это слышать, а другой половине его родителя... то есть маме... будет еще приятнее. Она меня боится. Она считает, что я порчу Мэтью, и это она зря. Вы понимаете?

— Кажется, да, — осторожно ответил я. — А может, вы лучше скажете мне, кто вы и что и почему вы здесь?

— Я — исследователь, то есть разведчик... миссионер... нет, я учитель. Я здесь, чтобы учить.

— Вот оно что! Чему же именно?

Он помолчал.

— У Мэтью нет для этого слов... он их не понимает.

— Не все вам удастся?

— Да, не все. Мэтью слишком молод. Его слова просты для сложных идей. Когда я думаю о математике или о физике, он не понимает. Даже с числами плохо.

Я передаю как можно подробнее нашу беседу, но передать ее дословно нельзя. Простые слова шли легко, на словах посложнее голос нередко запинался. Кроме того, он часто искал слово, находил приблизительно, уточнял, а иногда — совсем не мог найти, и мы оставались ни с чем. Наконец, мне приходилось пробиваться сквозь любимые словечки Мэтью, не совсем подходящие к теме: «так», «вроде», «вот», «ну»; и сейчас я передам не точно все, а скорее главное, суть — то, что Чокки хотел рассказать мне и что я понял.

Я догадался сразу, что разговор мне предстоит нелегкий. Мэтью лежал передо мной, говорил, а лицо его не двигалось, глаза глядели в пустоту, он был безжизненней, чем кукла чревовещателя, и смотреть на него было так тяжело, что я не всегда как следует вникал в слова. Чтобы сосредоточиться, я выключил свет. Кроме того, я трусливо надеялся, что в темноте он заснет.

— Я слушаю, — сказал я во мрак. — Вы — миссионер, учитель, разведчик. Откуда же вы?

— Издалека.

— Какое же расстояние до тех мест?

— Не знаю. Много, много парсеков.

— О-го! — сказал я.

— Меня послали узнать, что у вас за планета.

— Так, так... А зачем это знать?

— Во-первых, мы хотели выяснить, можно ли извлечь из нее пользу. Понимаете, мы — очень старый

народ, наш мир куда старше вашего. Мы давно поняли: чтобы выжить, нам нужны новые планеты. На путешествие со скоростью света уходит слишком много времени. Наугад лететь не стоит. Планет — миллионы, и случайно найти подходящую — бесконечно малый шанс.

И вот мы посылаем разведчика... исследователя... У разума нет массы, и на такое путешествие не нужно время. Разведчик сообщает, что и как. Если он говорит, что планета подходящая, посылают других — проверить. Если и они ее похвалят, астрономы начинают искать, где она. Если до нее не так уж далеко, добраться можно, посылают космический корабль. Это редко бывает. Четыре раза за вашу тысячу лет. И мы нашли всего две планеты.

— Понимаю. А когда же нам ждать вас?

— Ваша планета не подходит. Другой такой нет, здесь очень красиво, но для нас холодно и воды слишком много. И еще есть причины, почему она — не для нас. Я сразу это понял.

— Зачем же вы тут оставались? Почему не искали другой планеты, получше?

Чокки терпеливо ответил:

— Мы — исследователи. Насколько я знаю, мы — единственные исследователи во Вселенной. Мы долго считали, что жизнь может быть только у нас. Потом нашли несколько других таких планет. Еще дольше мы думали, что разум есть только у нас, что мы — крохотный, немислимый островок разума в пустом, огромном мире... И снова узнали, что ошиблись. Разумная жизнь встречается редко... очень редко... реже всего. Но это самая большая ценность. Только она дает миру смысл. Она — священна, ее надо беречь. Без нее нет начал, нет концов, ничего нет, кроме бессмысленного хаоса.

Вот мы и должны поддерживать все формы разумной жизни. Мы должны раздувать в пламя любую искру разума. Если разум в оковах — надо сломать их. Если разуму трудно — надо ему помочь. Если разум высок — надо самим поучиться. Потому я и остался.

Все это показалось мне возвышенным, хотя и слегка высокопарным.

— К какой же из этих разновидностей, — спросил я, — вы относите нас?

Голос Чокки, то есть голос Мэтью, ответил сразу:

— У вас разум сдавлен, ему тесно. За последнее время вы сами сломали несколько стенок, и это уже неплохо для вашего возраста. Сейчас вы застряли в колее примитивной техники.

— А мы думаем, что она очень быстро развивается.

— Да. Вы за сто лет неплохо разобрались в электричестве. Но все у вас такое громоздкое, отдача так мала... А ваши двигатели внутреннего сгорания — просто ужас: грязные, вредные, и машины какие-то варварские, опасные...

Я прервал его.

— Вы уже говорили это Мэтью. Но ведь у нас есть атомная энергия.

— В самом элементарном виде. Вы медленно учитесь. А главное — вы еще слишком зависите от Солнца.

— От Солнца?

— Да. Все, что у вас есть, идет от его излучений. Прямое излучение сохраняет вам жизнь, и растит вам пищу, и дает воду; оно могло бы поддерживать вас миллионы лет. Но разуму мало просто выжить. Чтоб развиваться и расти, ему нужна энергия.

Недавно вы научились использовать накопленную энергию вашего Солнца — так называемое горючее —

и зовете это прогрессом. Это не прогресс. Прогресс — движение к цели. А какую цель вы поставили? Вы не знаете. Может быть, вы идете по кругу? Вы и правда по нему идете, истощая свои запасы. Истощите — и очутитесь там, где были до их открытия. Это не прогресс, а мотовство. Конечно, горючее использовать надо. Клад под спудом пользы не приносит. Но использовать — не расточать. С его помощью надо производить другой, лучший вид энергии.

Да, вы имеете некоторое представление об атомной энергии, и вы ее, конечно, изучите глубже. Но кроме нее у вас почти ничего нет на будущее. Вы тратите чуть ли не все, чтобы строить машины, пожирающие энергию все быстрее; а источники ее у вас ограничены. Конец один, и он вполне ясен.

— Не спорю, — согласился я. — Так что же нам делать?

— Пока не поздно, используйте ваши ресурсы, чтобы овладеть неисчерпаемым источником энергии. Только тогда вы выйдете из порочного круга. Кончится ваше одиночество, увеличатся возможности для творчества — ведь источник бесконечной энергии и возможности дает бесконечные.

— Так... — сказал я. — Более или менее понятно. А что ж это за источник?

— Космическая радиация. Ее можно использовать.

Я подумал и сказал:

— Странно, что в мире, где кишат ученые, никто о ней не подумал.

— Странно, что двести лет никто не подозревал о возможностях электричества; так и тут, с иксом.

— С чем?

— У Мэтью нет таких слов. Он не может это понять.

Я опять помолчал, потом спросил:

— Значит, вы — здесь, чтоб подарить нам новый вид энергии. Зачем это вам?

— Я уже сказал. Разумная жизнь редка. Каждая ее форма должна поддерживать другую. Более того: некоторые формы должны дополнять друг друга. Кто знает, какие возможности кроются в них? Сегодня мы поможем вам с чем-нибудь справиться, а позже вы так разовьетесь, что поможете нам или еще кому-нибудь. Использование икса — только начало, мы многому можем вас научить. Но и это освободит ваш мир от многих тягот, расчистит путь.

— Значит, вкладываете капитал в рискованное предприятие?

— Можно сказать иначе: если учитель не хочет, чтоб ученик его догнал, все будет стоять на месте.

Он говорил еще, и тут мне стало скучно. Мне никак не удалось увести его от общего к частному, очень уж он увлекся своей миссией. А я хотел узнать, почему из миллионов людей он выбрал Мэтью и «вселился» в него. Наконец мне удалось добиться ответа.

Он объяснил, что «миллионы» — сильное преувеличение. Надо было, чтобы в одном человеке совместились несколько свойств. Во-первых, его ум должен принимать сообщения Чокки — а на это способны далеко не все. Во-вторых, он должен быть молод. Дети узнают много необъяснимого из мифов, легенд, сказок и легко примут что-нибудь еще, если оно их не пугает. Люди постарше твердо усвоили, что может быть, а что — не может, и очень пугаются контакта — им кажется, что они сходят с ума. В-третьих, это должен быть разум, способный к развитию — а, как ни странно, и это встречается нечасто. В-четвертых, обладатель разума должен жить в технически развитой стране, где хорошо учат в школах.

Я сказал, что все же не понимаю, чего он добивался. Он ответил, все так же сухо, но в тоне его мне почудилась печаль.

— Я хотел, чтобы Мэтью заинтересовался физикой. С моей помощью он сделал бы огромные успехи. Когда он узнал бы больше, мы нашли бы с ним общий язык. Он понял бы кое-что из того, что я хочу передать ему. Общение шло бы все лучше. Я убедил бы его в существовании икса, он бы начал искать. Конечно, я мог бы давать объяснения только в понятной ему форме. Ну, — он помолчал, — все равно, что специалиста по паровым машинам, который не знает электричества, учить собирать транзистор. Трудно, но возможно, при должном уме и терпении. Если б он доказал существование икса — назовем это космической энергией, — он стал бы величайшим из всех ваших людей. Выше Ньютона и Эйнштейна.

Он подождал, пока я все это переварю. Я переварил и сказал:

— Знаете, Мэтью это не очень подходит. Он не хотел, чтоб его хвалили за спасение Полли. Он бы не принял незаслуженной славы.

— Она бы нелегко ему далась. Он бы много трудился.

— Наверное, но все равно. Да что там, теперь — неважно. Почему вы это бросили? Почему вы уходите?

— Потому что я наделал ошибок. Я провалился у вас. Это — первое мое задание. Меня предупреждали об опасности. Я не слушался. Сам виноват.

Исследователь, разведчик должен быть свободным. Его предупреждали, чтоб он не привязывался, не полюбил того, с кем он в контакте, а главное — сохранял сдержанность. Он понимал это в теории, но когда он связался с Мэтью, оказалось, что сдержанность не входит в число его достоинств. То одно, то другое выводило его из себя. Например, ему многое у нас не

понравилось, и он дал волю гневу. Это плохо, а еще хуже, что он этот гнев проявил. Нельзя было вступать в споры с Мэтью и отпускать замечания о здешних машинах, домах или жителях. Надо было просто запомнить, что Мэтью рисовать не умеет, а он помог ему. Нельзя было так давить на Мэтью. И главное — нельзя было привязываться. Как ни жаль, надо было дать ему утонуть...

— Слава богу, — сказал я, — что у вас не хватило сдержанности. А вообще — неужели все это было так важно? Конечно, вы привлекли к нему ненужное внимание, и нам пришлось помучиться, но особой беды не случилось.

Чокки со мной не согласился. Впервые он почувствовал, что ничего не выйдет, когда Мэтью говорил с Лендисом.

— Он ему слишком много сказал. Только тогда я понял, как много я сам сказал Мэтью, и понадеялся, что Лендис достаточно глуп, чтобы счесть это ребячьей фантазией.

Но Лендис был неглуп. Он очень заинтересовался, рассказал все Торби, и тот заинтересовался тоже.

— Сэр Уильям загипнотизировал Мэтью, — продолжал Чокки, — но не меня. Я слышал все ушами Мэтью и видел его глазами. Сперва сэра Уильяма просто занимали ответы. Потом он насторожился. Он стал спрашивать с подвохом. Он делал вид, что Мэтью говорил ему то, чего тот не говорил. Пытался сбить его, чтоб Мэтью солгал. Когда ловушки не сработали, он остановил пластинку и несколько минут внимательно смотрел на Мэтью. Он волновался все больше, ему становилось все труднее. Когда он наливал себе что-то из бутылки, рука у него дрожала. Он выпивал и снова смотрел на Мэтью недоверчиво и удивленно. Потом решительно поставил стакан, подтянулся и стал действовать холодно и методично. Взял новую

пластинку, блокнот, карандаш, закрыл глаза; чтоб сосредоточиться. И тут-то начался настоящий допрос.

Голос на минуту прервался.

— Тогда я понял, что плохи мои дела: работать с Мэтью дальше бесполезно и опасно. Я понял, что должен его бросить, а ему это будет тяжело. Я жалел его, но я знал, что он должен поверить в мой уход. Поверить, что мне надо уйти и я не вернусь.

— Я не совсем понял.

— Мне стало ясно, что сэр Уильям воспользуется своим открытием, сам или с помощью других, — а потом уж пойдет и пойдет... Так и вышло. Мэтью украли. Ему делали разные уколы. И он говорил...

Они его высосали. Каждая моя фраза, каждое мое слово попало на их пленку. И его печаль, и мой уход. Это было достаточно трогательно, чтоб убедить их в моем существовании. Да и не мог он лгать после их уколов...

Они были ничего, неплохие. Не хотели ему зла. Наоборот — он был для них сокровищем, пока они не узнали, что я ухожу. Они хотели через него узнавать то, чему я буду учить его, — узнавать об энергии, способной изменить мир.

Когда они поняли, что я ухожу, то решили отпустить его — и за ним следить. Они могут схватить его сразу, если я объявлюсь, и будут ждать моего возвращения. Я не знаю, есть ли аппарат в этой комнате; если нет — будет. Но это теперь неважно, я действительно ухожу.

Я прервал его:

— И все-таки я многого не понял. «Они» — кто бы они ни были — держали Мэтью в плену. Они узнали, что он преуспеет в физике, математике и во всем, что вам нужно. Вы ведь этого и хотели — вам нужен канал связи. Вы говорили, что вам надо научить нас использовать эту силу. Что ж, вот вам случай! Они хотят

знать, вы — сообщить. А вы бежите... Ерунда какая-то.
Мы помолчали.

— Мне кажется, — ответил Мэтью-Чокки, — что вы не знаете как следует собственной планеты. Повторяю: один скажет другому — и пойдет... У вас есть промышленный шпионаж... есть королевства нефти, газа, электричества, угля, атомной энергии. У каждого свои интересы. Сколько заплатят они за информацию о том, что им угрожает? Миллион... два... три... больше? Кто-нибудь соблазнится... Какое им дело до мальчика? Что значит его жизнь? Что значит, если нужна сотня жизней? Много есть способов...

Об этом я не думал.

— Я говорю вам это потому, что за ним будут следить. Теперь это неважно, но не говорите ему без особой надобности. Неприятно знать, что за тобой следят. Я бы на вашем месте отвалил его от физики, вообще от науки, чтоб им нечего было ждать. Он учится видеть мир... становится художником. Художника они не тронут.

Помните, он не знает, о чем я говорю.

Пора прощаться.

— Вы уходите к себе?

— Нет. У меня еще есть работа здесь. Только теперь мне будет труднее. И времени уйдет больше. Придется действовать тоньше — они и за мной следят.

— Вы думаете, это все же удастся?

— Конечно. Я ведь должен. Буду работать иначе: то там, то сям, идею — одному, миг вдохновенья — другому, по крупице, пока они не соберутся все вместе. Это будет нескоро. Может, не при вашей жизни. Но будет... будет.

— Пока вы не ушли, — попросил я, — скажите мне: какой вы, Чокки? Я бы лучше вас понял. Если я дам Мэтью карандаш и бумагу, можно ему нарисовать вас?

Он помолчал и решительно ответил:

— Нет.

— Нет, — повторил голос Мэтью-Чокки, — Даже мне бывает трудно поверить, что у таких, как вы, есть разум. Вы бы удивились еще больше, что разум есть у таких, как я. Нет, лучше не рисовать, — он помолчал снова. — Попрощаемся.

Я встал. Смутный утренний свет струился сквозь шторы, и я видел, что Мэтью все еще смотрит в пустоту. Я подошел было к нему. Губы его зашевелились.

— Нет, — сказал Чокки его голосом, — оставьте его. Я должен попрощаться и с ним.

Я ответил не сразу.

— Ладно, — сказал я наконец. — Прощайте, Чокки.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Мы не будили его все утро. Спустился он к ленчу совсем разбитый, но, к моей радости, спокойный. Позавтракав, он уехал куда-то на велосипеде и вернулся только к ужину — усталый и голодный. Поел и сразу поднялся к себе.

Назавтра, в воскресенье, он был почти как всегда. Мэри успокаивалась, глядя, как жадно он ест за завтраком. Полли успокоилась тоже, но что-то ее терзало. Наконец она не выдержала.

— Разве мы ничего не будем делать? — спросила она.

— Что именно? — спросила Мэри.

— Ну, сейчас ведь воскресенье. Можно что-нибудь делать. Вот когда Копытце украли, а он потом вернулся, в его честь устроили состязания, — с надеждой подсказала она.

— И он всех победил, да? — выговорил Мэтью, прожевывая булку с мармеладом.

— Конечно! Это ж в его честь, — радостно сообщила Полли.

— Никаких состязаний, — сказал я. — И празднеств тоже не будет. Мы с Мэтью тихо погуляем, а?

— Ладно, — сказал Мэтью.

Мы пошли по берегу реки.

— Он сказал, что уходит, — начал я.

— Да, — ответил Мэтью и вздохнул. — Теперь хоть он все объяснил как следует, а раньше было просто жутко.

Я не стал допытываться, как же он все объяснил. Мэтью снова вздохнул.

— Скучновато будет, — сказал он. — С ним я стал лучше замечать, как и что.

— А ты сам замечай. Мир у нас интересный, есть что заметить.

— Да я замечаю! То есть я теперь больше замечаю. Только скучно одному...

— А ты рисуй, тогда и другие увидят, — предложил я.

— Да, — согласился он. — Не совсем то же, а все-таки...

Я остановился и сунул руку в карман.

— Мэтью, у меня для тебя кое-что есть.

И я протянул ему красную коробочку.

Мэтью помрачнел и не взял ее.

— Возьми, — сказал я.

Тогда он взял и невесело на нее уставился.

— Открой, — сказал я.

Медленно, нехотя, он нажал на кнопку, и крышка поднялась.

Медаль сверкала на солнце решкой кверху. Мэтью взглянул на нее равнодушно или даже с отвращением. Вдруг он застыл, потом нагнулся и не двигался несколько секунд. А затем поднял голову и улыбнулся, хотя глаза его блестели слишком сильно,

— Спасибо, — сказал он. — Ой, папа, спасибо! —
и снова наклонился, чтоб рассмотреть получше.

Надпись сделали на славу — как будто всегда так
было:

Крейсер «Илькор» только-только вышел за орбиту Плутона и начал межзвездный рейс, когда встревоженный офицер доложил Командиру:

— К сожалению, по халатности одного из техников на третьей планете оставлен руум типа X-9, а с ним и все, что он смог там собрать.

На какой-то миг треугольные глаза Командира скрылись под пластинчатыми веками, но, когда он заговорил, голос его звучал ровно.

— Какая программа?

— Радиус операций — до тридцати миль, вес объектов — сто шестьдесят плюс-минус пятнадцать фунтов.

Помедлив, Командир сказал:

— Вернуться сейчас мы не можем. Через несколько недель, на обратном пути, мы обязательно подберем его. У меня нет никакого желания выплачивать стоимость этой дорогой модели с энергетическим самообеспечением. Прошу вас проследить, чтобы виновный понес суровое наказание, — холодно приказал он.

Но в конце рейса, недалеко от звезды Ригель, крейсер повстречался с плоским кольцеобразным кораблем-перехватчиком. Последовала неизбежная схватка, а затем оба корабля, мертвые, наполовину расплавившиеся, радиоактивные, начали долгое, в миллиард лет, путешествие по орбите вокруг звезды.

На Земле была мезозойская эра...

Они сгрузили последний ящик, и теперь Джим Эрвин смотрел, как его напарник залезает в кабину

маленького гидросамолета, на котором они сюда прибыли. Он помахал Уолту рукой:

— Не забудь отправить Сили мое письмо!

— Отправлю, как только приземлюсь! — отозвался Уолт Леонард, включая двигатель. — А ты постарайся найти для нас уран, слышишь? Только бы повезло — и у Сили с сынишкой будет целое состояние. А? — он ухмыльнулся, сверкнув белозубой улыбкой. — С гризли не цацкайся, как увидишь — стреляй!

Вспенивая воду, гидросамолет стал набирать скорость. Когда он оторвался от поверхности озера, Джим почувствовал внутри холодок. Целых три недели проведет он один-одинешенек в этой забытой богом долине канадских Скалистых гор. Если почему-либо самолет не опустится снова на холодное голубое озеро — Джиму конец. Даже если ему хватит еды. Ни один человек, сколько бы у него ни было пищи, не смог бы перевалить через обледенелые хребты, не смог бы одолеть сотни миль безлюдной каменистой земли. Но Уолт, конечно, вернется в назначенный срок, и теперь только от Джима зависит, окупятся ли деньги, вложенные в экспедицию. За двадцать один день он выяснит, есть ли в долине уран. А сейчас долой все страхи и предчувствия — надо приниматься за дело.

Работая не спеша, с ухваткой бывалого лесоруба, он поставил под нависшей скалой шалаш: на три летние недели ничего основательнее не понадобится. Обливаясь потом в жарких лучах утреннего солнца, он перетащил под выступ ящики со снаряжением и припасами. Там, за шалашом, покрытые водонепроницаемым брезентом и надежно защищенные от любопытства четвероногих, ящики были в безопасности. Сюда он перенес все, кроме динамита: динамит, тоже тщательно укрыв от дождя, он припрятал ярдах в двухстах от шалаша. Не такой он дурак, чтобы спать около ящика с взрывчаткой.

Первые две недели пролетели как сон, не принеся с собой никаких удач. Оставался еще один необследованный район, а времени было в обрез. И в одно прекрасное утро, к концу третьей недели, Джим Эрвин решил совершить последнюю вылазку, на этот раз — в северо-восточную часть долины, где он еще не успел побывать. Он взял счетчик Гейгера, надел наушники, повернув тот и другой обратной стороной к уху, чтобы фон обычных помех не притуплял его слух, и, вооружившись винтовкой, отправился в путь. Он знал, что тяжелая, крупнокалиберная винтовка будет мешать ему, но он также знал, что с огромными канадскими гризли шутки плохи и справиться с ними очень нелегко. За эти недели он уже уложил двоих, не испытав при этом никакой радости: огромных серых зверей и так становится все меньше и меньше. Но винтовка помогла ему сохранить присутствие духа и при других встречах с ними, когда обошлось без стрельбы. Пистолет в кожаной кобуре он решил оставить в шалаше.

Он шел насвистывая. Старательское невезенье не мешало Джиму наслаждаться чистым морозным воздухом, солнцем, отражающимся от бело-голубых ледников, и пьянящим запахом лета. За день он доберется до нового района, дня за полтора основательно его обследует и к полудню вернется встретить самолет. Он не взял с собой ни воды, ни пищи — только пакет НЗ. Когда захочется есть, он подстрелит зайца, а в ручьях видимо-невидимо радужной форели — такой, которой в Штатах и вкус позабыли.

Он шел все дальше и дальше, и когда счетчик в наушниках начинал потрескивать, в душе Джима снова загорался огонек надежды. Но каждый раз треск стихал: в долине, судя по всему, была только фоновая радиация. Да, неподходящее место они выбрали! Настроение Джима стало падать. Удача была нужна им, как воздух, особенно Уолту, да и ему тоже—

тем более сейчас, когда Сили ждет ребенка... Но еще остается надежда — последние тридцать шесть часов; если понадобится, он и ночью не приляжет.

Губы его скривились в улыбке, и он стал думать о том, что хорошо бы поест: солнце, да и желудок подсказывали ему, что уже пора. Он только было решил достать леску и забросить ее в пенящийся ручей, как вдруг за зеленым пригорком увидел такое, что остановился как вкопанный, и у него отвисла челюсть.

В три длинных-предлинных ряда, тянувшихся чуть не до самого горизонта, лежали животные — и какие! Правда, ближе к Джиму были обыкновенные олени, медведи, пумы и горные бараны — по одной особи каждого вида, но дальше виднелись какие-то странные, неуклюжие и волосатые звери, а за ними, еще дальше, — жуткая шеренга ящеров! Одного из них, в самом конце ряда, он сразу узнал: такой же, только гораздо крупнее, воссозданный по неполному костяку, стоит в нью-йоркском музее. Нет, глаза его не обманывали — это действительно был стегозавр, только маленький, величиной с пони.

Как зачарованный, Джим пошел вдоль ряда, время от времени оборачиваясь, чтобы окинуть взглядом всю эту удивительную зоологическую коллекцию. Присмотревшись хорошенько к какой-то грязно-желтой чешуйчатой ящерице, он увидел, что у нее дрожит веко, и понял: животные не мертвы, они только парализованы — и каким-то чудесным образом сохранены. Лоб Джима покрылся холодным потом: сколько времени прошло с тех пор, как по этой долине разгуливали живые стегозавры?..

И тут же он обратил внимание на другое любопытное обстоятельство: все животные были примерно одного размера. Не было видно ни одного по-настоящему крупного ящера, ни одного тираннозавра, ни одного мамонта. Ни один экспонат этого страшного

музся не был больше крупной овцы. Джим стоял, размышляя над этим странным фактом, когда из подлеска до него донесся настораживающий шорох.

В свое время Джим работал со ртутью, и в первую секунду ему показалось, будто на полянку выкатился кожаный мешок, наполненный этим жидким металлом: именно так, как бы переgekая, двигался шаровидный предмет, который он видел. Но это был не кожаный мешок, а когда Джим пригляделся получше, он увидел: то, что сначала показалось ему отвратительными бородавками, походит скорее на рабочие части какого-то странного механизма.

Но особенно долго разглядывать Джиму не пришлось, так как, выдвинув, а потом снова спрятав в себя что-то вроде металлических стержней с линзоподобными утолщениями на концах, сфероид со скоростью не меньше пяти миль в час двинулся к нему. Деловитая целеустремленность, с которой катился сфероид, не оставляла никаких сомнений в том, что он твердо решил присоединить Джима к коллекции полумертвых представителей фауны.

Крикнув что-то нечленораздельное, Джим отбежал на несколько шагов, на ходу срывая с себя винтовку. Отставший руум был теперь ярдах в тридцати от Джима, но по-прежнему двигался к нему с неизменной скоростью, и эта неторопливая методичность была куда страшнее прыжка любого хищника.

Рука Джима взлетела к затвору и привычным движением загнала патрон в патронник. Он прижался щекой к выдавшему виды прикладу и прицелился в переливающийся кожистый бугор — идеальную мишень в ярких лучах слепополуденного солнца. Нажимая на спуск, он саркастически улыбнулся. Кто-то, а уж он-то знал, что может натворить десятиграммовая разрывная пуля, когда она летит со скоростью две тысячи семьсот футов в секунду. На

таком расстоянии — да она продырявит эту чертову перечницу насквозь и сделает из нее кашу!

Б-бах! Привычная отдача в плечо. И-и-и-и! Духераздирающий визг рикошета. У Джима персхватило дыхание: пуля из дальнобойной винтовки, пролетев каких-нибудь двадцать ярдов, отскочила от мишени!

Джим лихорадочно заработал затвором. Он выстрелил еще два раза, прежде чем осознал полную бесперспективность избранной им тактики. Когда руум был от него уже футах в шести, Джим увидел, как из похожих на бородавки шишек на его поверхности выдвинулись сверкающие крючья, а между ними — змеящаяся, похожая на жало игла, из которой капает зеленоватая жидкость. Джим бросился бежать.

Весил он ровно сто сорок девять фунтов.

Держать нужную дистанцию было совсем нетрудно: руум, судя по всему, был неспособен увеличить скорость. Но Джима это вовсе не успокаивало: ни один земной организм не выдержит гонки со скоростью пять миль в час дольше чем в течение нескольких часов. Через какое-то время жертва либо поворачивается и нападает на своего безжалостного преследователя, подумал Джим, либо (так происходит, должно быть, с более робкими животными) впадает в панику и начинает носиться по кругу, пока у нее хватает сил. Спаситься могут только крылатые, а для всех остальных исход predetermined: стать новыми экспонатами в этой страшной коллекции (но для кого, интересно, ее собирают?).

Не останавливаясь, Джим начал сбрасывать с себя все лишнее. Скользя взглядом по багровому солнцу, он с тревогой подумал о приближающейся ночи. Он не решился бросить винтовку; защитить от руума она его не могла, но за годы службы в армии

ему крепко вбили в голову, что бросать оружие нельзя. Однако каждый лишний фунт уменьшал его шансы на спасение. Логика подсказывала, что в такой ситуации, как эта, военный кодекс чести неприменим: нет никакого позора в том, чтобы расстаться с оружием, когда оно совершенно бесполезно. И он решил: если нести винтовку станет уж совсем невозможным, он ее отшвырнет, — но пока перекинул ее через плечо. Почти не замедляя шага, он осторожно положил на плоский камень счетчик Гейгера.

Ладно, подумал Джим, он побежит не как обезумевший от страха заяц, который, обессилев, в конце концов покоряется своей судьбе. Как бы не так! Это будет отступление с боем, и чтобы выжить, он пустит в ход все, чему научился за нелегкие, полные опасностей и лишений годы военной службы.

Глубоко и размеренно дыша, он бежал широким шагом и искал глазами все, что могло бы увеличить его шансы в этом состязании. К его счастью, леса в долине почти не было; деревья или кустарник свели бы на нет все преимущества Джима как тренированного бегуна.

И вдруг он увидел нечто, заставившее его замедлить шаг: над землей на его пути нависала огромная каменная глыба, и он подумал, что может здесь навестать потерянное. Взбежав на пригорок, он окинул взглядом поросшую травой равнину. Предвечернее солнце отбрасывало длинные тени, но увидеть преследователя было вовсе нетрудно. С замиранием сердца Джим наблюдал за его продвижением. Так он и думал! Хотя в большинстве случаев путь, которым шел человек, был не единственным возможным и не самым коротким, руум точно, шаг за шагом, следовал за ним. Это было важно, но чтобы осуществить свой замысел, у Джима оставалось не больше двенадцати минут.

Волоча ноги по земле, Джим постарался оставить под нависшей глыбой как можно более отчетливый след. Пройдя таким шагом ярдов десять, он точно так же вернулся назад, к месту, где начинался выступ, и одним прыжком поднялся на склон, откуда нависала глыба.

Выхватив из ножен большой охотничий нож, он начал старательно и в то же время торопливо копать почву у основания глыбы. Каждые несколько секунд, мокрый от натуги, он пробовал глыбу плечом, и в конце концов она слегка подалась. Он едва успел сунуть нож обратно в ножны и, тяжело дыша, присесть за камнем, когда из-за небольшого гребня показался руум.

Джим смотрел на приближающийся серый сфероид и, как ни трудно это было, старался дышать тихо-тихо. Кто знает, чем еще может удивить это отродье дьявола, хотя, судя по всему, оно предпочитает просто идти по следу. В его распоряжении наверняка есть целый арсенал разных приспособлений. Джим притаился за камнем, нервы его были словно провода под высоким напряжением.

Но сфероид не переменял тактики. Похоже, что для него существовал только след будущей добычи, и, переливаясь с места на место, он оказался, наконец, прямо под глыбой. Тогда Джим налег всем телом на качающуюся массу камня и с диким воплем свалил ее прямо на сфероид. Пятитонная глыба рухнула с высоты двенадцати футов.

Джим кое-как сполз вниз и встал. Он глядел на каменную махину и очумело тряс головой.

— Прикончил сукиного сына! — прохрипел он, потом стукнул по камню ногой. — Ха! А, пожалуй, за твой мясной ряд мы с Уолтом выручим пару-другую долларов. Может, и не зря мы затеяли эту экспедицию. А ты веселись теперь у себя в присподней!

Он отскочил, как ужаленный: громада камня зашевелилась! Пятитонная глыба медленно поползла в сторону, оставляя в почве глубокую борозду. Джим все смотрел на глыбу, а она качнулась, и из-под ближайшего к нему края показался серый отрок. Глухо вскрикнув, Джим побежал.

Он пробежал целую милю и только после этого остановился и поглядел назад. В наступающих сумерках он едва различил темную точку, все больше и больше удаляющуюся от каменной глыбы. Она двигалась так же медленно, деловито и неотвратно, как и прежде, — по направлению к нему. Джим тяжело сел и опустил голову на грязные, расцарапанные руки.

Отчаяние владело им недолго. Как-никак, он выиграл двадцать минут передышки. Он лег, постарался расслабиться, поскольку это было возможно, и достал из кармана куртки пакет НЗ. Джим быстро подкрепился вяленным мясом, бисквитами и шоколадом. Несколько глотков ледяной воды из ручья — и он был почти готов продолжать свою фантастическую борьбу с преследователем. Но прежде он проглотил одну из трех таблеток бензедрина, которые носил с собой на случай непредвиденных физических нагрузок. И рууму оставалось до него еще минут десять ходу, когда Джим Эрвин побежал. Он опять чувствовал в себе прежнюю упрямую силу, а усталость, пронизывавшая его до костей, словно растаяла — он снова был полон мужества и надежды.

Пробежав еще около четверти часа, он очутился у гладкой крутой скалы футов тридцать высотой. Обойти ее с той или другой стороны было, по-видимому, невозможно: и там, и тут были полные воды овраги, колючий кустарник и камни с острыми, как нож, краями. Сумей он забраться на вершину скалы,

рууму наверняка пришлось бы пойти в обход, и Джим выиграл бы время.

Джим посмотрел на солнце. Огромное, малиновое, оно уже почти касалось горизонта. Нужно торопиться! Большого опыта в скалолазании у него не было, но основные приемы восхождения были ему известны. Используя каждую щель и шероховатость, каждый, даже самый маленький выступ, Джим начал карабкаться вверх. Откуда-то (он даже не отдавал себе в этом отчета) в его движениях появились плавность и координация, свойственные настоящим альпинистам, и каждый новый упор, кратковременный и незаметный, служил для него лишь отправной точкой к ряду новых ритмичных движений, возносивших его все выше и выше.

Едва он достиг вершины, как к основанию скалы подкатился руум.

Джим прекрасно понимал, что лучше ему уйти сразу, пользуясь драгоценными последними минутами дня. Каждая выигранная секунда была бесценна, но... надежда и любопытство взяли верх.

Он сказал себе: как только эта штука поползет в обход, он тут же смоеется. А может, ему надоест его преследовать, и тогда он преспокойно выпится здесь, прямо на скале.

Сон! О нем молила каждая клетка его тела.

Но руум не пошел в обход. Секунду он простоял, раздумывая, у подножия каменной стены, а потом из бородавкоподобных наростов снова выдвинулись металлические стержни. На конце одного из них были линзы. Джим подался назад, но было уже поздно: руум увидел, что человек выглядывает из-за скалы, и Джим мысленно обозвал себя идиотом. Все стержни моментально ушли в сфероид, и вместо них из другого нароста показался и начал подниматься прямо к нему тонкий прут, кроваво-красный в лучах заходя-

шего солнца. Оцепенев, Джим увидел, как конец прута вцепился металлическими когтями в край скалы почти под самым его носом.

Джим вскочил на ноги. Сверкающий прут сокращался: оторвавшийся от земли кожистый шар, подтягиваясь на нем все выше, снова вбирал его в себя. Джим громко выругался и, не отрывая взгляда от цепкой металлической лапы, занес над ним ногу, обутую в тяжелый ботинок.

Но долгий опыт заставил его остановиться, и мощный удар ногой так и не состоялся. Слишком много довелось Джиму видеть драк, проигранных из-за опрометчивого удара ногой. Ни одна часть его тела не должна войти в соприкосновение с этим черт-те чем оснащенным страшилищем, Он схватил с земли длинную сухую ветку и, подсунув ее конец под металлическую лапу, стал смотреть, что будет дальше. А дальше было белое кружево вспышки и шипящее пламя, и даже через сухое дерево он ощутил мощную волну энергии, расщепившей конец ветки. С приглушенным стоном он выронил тлеющую ветку и, разминая онемевшие пальцы, в бессильной ярости отступил на несколько шагов. Он остановился, готовый в любую секунду обратиться в бегство, и, испустив вопль, сорвал с плеча винтовку. Как хорошо все-таки, что он ее не бросил — хоть она и отбивала всю дорогу барабанную дробь на его спине. Ну, чертова перечница, держись!

Став на колени, чтобы получше прицелиться в сгушающихся сумерках, Джим выстрелил в металлическую лапу и через секунду услышал глухой удар о землю: руум упал. Крупнокалиберная пуля сделала куда больше, чем он ожидал: она не только сшибла металлическую лапу с края обрыва, но и вырвала оттуда здоровый кусок скалы; интересно, за что теперь эта лапа будет здесь цепляться!

Он посмотрел вниз. Да, это исчадие ада там, на земле. Джим злорадно ухмыльнулся. Каждый раз, как только он зацепится за обрыв, Джим будет сбивать его лапу! Патронов у него в кармане больше чем достаточно, и, пока не взойдет луна и не станет светлее, он, если понадобится, будет стрелять с расстояния в несколько дюймов. Но сфероид, по-видимому, слишком умен для того, чтобы вести борьбу неэффективными средствами. Рано или поздно он пойдет в обход, и тогда, Джим надеялся, ночь может ему от него улизнуть.

И вдруг у него перехватило дыхание, на глаза навернулись слезы: внизу, в полутьме, из приземистого малоподвижного сфероида вылезли одновременно три всеообразно расположенных стержня с крюками на концах. Идеально скоординированным движением они вцепились в край скалы на расстоянии фута в четыре друг от друга.

Джим вскинул винтовку. Ну что ж, совсем как на соревнованиях в Беннинге — с той только разницей, что там, в Беннинге, стреляли не в темноте...

Он попал в цель с первого же выстрела: левый крюк сорвался, подняв облачко пыли. Второй выстрел был почти таким же удачным — пуля раздробила камень под средним крюком, и тот соскользнул. Но молниеносно повернувшись, чтобы прицелиться в третий раз, Джим увидел: все это впустую.

Первый крюк был снова на своем месте. И Джим понял: как бы хорошо он ни стрелял, по крайней мере один крюк всегда будет на месте, и эта дьявольщина будет подтягиваться вверх.

Он повесил бесполезную винтовку дулом вниз на кривое дерево и побежал в сгущающиеся сумерки. Годы ушли на то, чтобы сделать сильным его тело, и вот оно выручает его. Все это прекрасно — но куда

ему теперь деваться и что делать? Да и можно ли вообще что-нибудь сделать?

И тут он вспомнил про динамит.

Постепенно меняя направление, усталый человек двинулся назад, к лагерю у озера. Путь указывали звезды над головой, разгоравшиеся все ярче. Джим утратил всякое ощущение времени. Должно быть, он машинально поел на ходу — во всяком случае, голода он не чувствовал. Может, он успеет подкрепиться в шалаше... Нет, времени не хватит... Надо принять таблетку бензедрина... Но бензедрина больше не было, и луна взошла, и он слышал, как приближается руум — вот он уже совсем близко...

Временами он видел в кустах фосфоресцирующие глаза, а однажды, уже на рассвете, на него фыркнул потревоженный гризли.

Иногда перед ним появлялась и протягивала к нему руки его жена, Сили. «Уходи! — беззвучно кричал он осипшим голосом. — Уходи! Тебе это удастся, за двумя сразу он не погонится!» — и она поворачивалась и легко бежала рядом с ним. Но когда Джим, задыхаясь, взбежал на пригорок, Сили растаяла в лунном свете, и он понял, что ее здесь никогда не было.

Джим достиг озера вскоре после восхода солнца. Позади слышался глухой шорох — это был руум. Джим зашатался, его веки сомкнулись. Он хлопнул себя ладонью по носу; глаза его снова широко открылись. Джим сорвал брезент и увидел взрывчатку; вид блестящих динамитных шашек окончательно разбудил его.

Усилием воли он вернул себе присутствие духа и начал обдумывать, что делать дальше. Поставить запал? Нельзя, оставив запал, рассчитать время детонации с той точностью, которая сейчас необходима... Джим обливался потом, его одежда насквозь промок-

ла, и собраться с мыслями было очень трудно. Взрыв должен быть произведен дистанционно, и лишь в тот самый миг, когда преследователь приблизится к динамиту вплотную. Бикфордов шнур — вещь ненадежная: скорость его сгорания непостоянна... ноги подкашивались, подбородок опустился на тяжело вздымающуюся грудь... Джим рывком поднял голову, отступил назад — и увидел в шалаше пистолет.

Его запавшие глаза загорелись огнем. Торопливыми движениями Джим рассыпал все оставшиеся взрывные капсулы по ящику среди шашек динамита и, собрав последние силы, перетащил эту дьявольскую смесь на то место, где он уже побывал — ярдах в двадцати от скалы. Это было очень рискованно, чертов коктейль мог взорваться от малейшего сотрясения, но теперь ему было все равно: пусть его разнесет в клочья, только бы не стать парализованной тушей среди других туш в этой адской мясной лавке.

Обессилевший Джим едва успел спрятаться за небольшой выступ скалы, когда на невысоком пригорке в пятистах ярдах от него показался неумолимый преследователь. Джим вжался поглубже — и увидел вертикальную щель, узкую трещину в стене камня. «Как раз то, что мне нужно», — пронеслось у него в голове. Отсюда он мог видеть динамит и в то же время был защищен от взрыва. Защищен ли? Ведь это страшное лицо взорвется всего ярдах в двадцати от выступа...

Он лег на живот, ни на секунду не выпуская из поля зрения движущийся сфероид. Молот усталости не переставая бил по голове, которая стала большой, как воздушный шар. О боже, когда он спал в последний раз? Он прилег впервые за много часов. Часов? Какое там: дней! Мышцы его напряглись, превратились в горящие, трепещущие узлы. И тут он почувствовал спиной утреннее солнце, ласковое, теплое, убаюкивающее... Нет! Если он поддастся усталости,

если уснет, ему тоже придется стать экспонатом в этой жуткой коллекции! Онемевшие пальцы крепче сжали рукоятку пистолета. Нет, он не заснет! Если он проигрывает, если это дьявольское отродье уцелеет при взрыве, у него еще будет время пустить себе пулю в лоб.

Он посмотрел на гладкий пистолет в руке, потом, через щель, — на ящик, выглядевший так невинно. Если он выстрелит вовремя, — а так и будет — этой проклятушей штуке конец. Конец! Он немножко расслабился, разомлел — совсем чуть-чуть — под лучами ласкового, обволакивающего солнца. Где-то высоко над ним негромко запела птица, рыба плеснула в озере.

Внезапно он ощутил сигнал тревоги. Проклятье! Надо же было гризли выбрать для визита такой момент! Весь лагерь Джима в его распоряжении — круши, разорай сколько душе угодно, так нет же болвана интересуется динамит!

Мохнатый зверь неторопливо обнюхал ящик, обошел вокруг него, рассерженно заворчал, чуя враждебный человеческий дух. Джим затаил дыхание. От одного прикосновения может взорваться капсула. А от одной капсулы...

Медведь поднял голову и зарычал. Ящик был забыт, человеческий запах — тоже. Свиристые маленькие глазки видели только приближающийся сфероид, который был теперь в каких-нибудь ярдах сорока от ящика. Джиму стало смешно. До встречи с этим сфероидом он не боялся ничего на свете, кроме североамериканского медведя гризли. А теперь те, кого он больше всего боялся, встречаются нос к носу — и ему смешно! Он потряс головой и почувствовал страшную боль в боковых мышцах шеи. Он взглянул на пистолет, потом на динамит; все остальное стало теперь каким-то ненастоящим.

Футов за шесть от медведя сфероид остановился. По-прежнему испытывая какое-то почти идиотическое безразличие, Джим снова поймал себя на мысли: что же это такое, откуда оно взялось? Гризли — воплощенная свирепость — поднялся на задние лапы. Между красных губ сверкнули страшные белые клыки. Руум обогнул медведя и деловито покатился дальше. Гризли с ревом преградил ему путь и ударил по пыльной кожистой поверхности. Удар нанесла могучая лапа, вооруженная когтями острее и крепче наточенной косы. Одного такого удара хватило бы носорогу, и Джим скривился, будто ударили его. Руум был отброшен на несколько дюймов, секунду простоял неподвижно, а потом все с тем же леденящим душу упорством, не обращая на зверя никакого внимания, двинулся в обход медведя.

Но на ничью хозяин лесов согласен не был. Двигаясь с молниеносной быстротой, наводившей ужас на любого индейца, испанца, француза или англосакса с тех пор, как началось их знакомство с гризли, медведь стремительно повернулся, зашел сбоку и обхватил сфероид. Косматые могучие передние лапы напряглись, истекающая слюной пасть, щелкая зубами, приникла к серой поверхности. Джим приподнялся.

— Так его! — прохрипел он, и тут же мелькнула мысль, что это бредовая картина — деревенский дурак, борющийся с ватерпольным мячом.

А потом на фоне серого меха гризли сверкнул серебристый металл — руум действовал быстро и смертоносно. Рычание лесного владыки в одно мгновение сменилось жалобным воем, потом — kloкочущими горловыми звуками, а потом не осталось ничего, кроме тонны ужаса, быстро и неотвратимо засасываемой болотом смерти. Джим увидел, как окровавленное лезвие, перерезавшее медведю горло, возвращаясь

в сферонд, оставило ярко-красный потек на пыльной серой поверхности.

И руум покатился дальше, неумолимый, забывший обо всем, кроме тропы, пути, следа человека. «Окей, детка, — истерически хихикнул Джим, мысленно обращаясь к мертвому гризли, — сейчас он получит и за тебя, и за Сили, и за все парализованное зверье, и за меня тоже... Очнись, идиот!» — обругал он себя и прицелился в динамит. И очень медленно, очень спокойно нажал на спуск.

Сначала был звук, потом — гигантские руки подняли его и, подержав в воздухе, дали упасть. Он сильно ударился о землю, попал лицом в крапиву, но ему было так плохо, что он этого даже не почувствовал. Позднее он вспоминал: птиц слышно не было. Потом что-то жидкое и тяжелое глухо ударилось о траву в нескольких ярдах от него, и наступила тишина.

Джим поднял голову. Все его тело разламывалось от боли. Он привстал — и увидел огромную дымящуюся воронку. И еще он увидел в десятке шагов от себя сферонд, серо-белый от осевшей на него каменной пыли.

Руум был сейчас под высокой красивой сосной, и он катился к Джиму, а тот смотрел на него и думал: прекратится ли когда-нибудь этот звон в ушах?

Рука Джима стала судорожно искать пистолет. Он исчез — видно, отлетел куда-то в сторону, и его было не найти. Джим хотел помолиться, но не смог, а только бессмысленно повторял про себя: «Моя сестра Этель не знает, как пишется слово Навуходносор. Моя сестра Этель не знает, как...»

Руум был теперь в одном футе от него, и Джим закрыл глаза. Он почувствовал, как холодные металлические пальцы ощупывают его, сжимают, приподнимают... Они подняли его несопротивляющееся тело на несколько дюймов вверх и как-то странно подброс-

сили. Дрожа, он ждал укола страшной иглы с ее зеленой жидкостью — и видел перед собой желтое, сморщенное лицо ящерицы с дергающимся веком...

Бесстрастно, ни грубо, ни заботливо, руум снова опустил его на землю. Когда через несколько секунд Джим открыл глаза, он увидел, что сфероид удаляется. Провожая его глазами, он зарыдал без слез.

Ему показалось, что прошло всего лишь несколько секунд, прежде чем он услышал мотор гидросамолета и, открыв глаза, увидел склонившегося над ним Уолта.

Уже в самолете, на высоте пяти тысяч футов над долиной, Уолт вдруг ухмыльнулся, хлопнул его по плечу и воскликнул:

— Джим, а ведь я могу раздобыть стрекозу, и четырехместную! Прихвати мы несколько этих доисторических тварей, пока хранитель музея ищет новую добычу, так ученые — это ты точно сказал — отвалили бы нам за них кучу денег.

Запавшие глаза Джима ожили.

— А ведь пожалуй, — согласился он и с горечью добавил: — Так, значит, нечего было мне от него бегать! Видно, я ему, черт бы его побрал, вовсе и не нужен был. Может, он хотел только узнать, сколько я заплатил за эти штаны, — а я-то драпал!

— Да-а, — задумчиво протянул Уолт. — Чудно все это. После такого марафона — и на тебе! А ты молодчина.

Он покосился на изможденное лицо Джима.

— Ну и ночка у тебя была! Фунтов десять ты сбросил, а то и больше.

Был прекрасный весенний день, полный солнца. Как обычно, Центральное управление космических исследований заполнили люди. Иенсен и Холлитс оба работали у профессора Килси. После того как профессор создал метод поисков контактов с другими цивилизациями, желающих работать над этой темой стало множество. Но профессор сжился со своими старыми сотрудниками и пополнять персонал новыми не собирался.

В этот день, сразу после прихода на работу, к профессору явились оба ассистента.

— Господин профессор, мы с Холлитсом набрали на одну идею. Хотим предложить... — несмело начал Иенсен.

— Говори, Бобби, прошу тебя! — Профессор всегда относился к ним по-отечески.

— Мы согласны, господин профессор, что ваш метод оптимальный. Но, поскольку мы на краю Галактики, у нас очень мало шансов на установление контакта. А те сигналы, которые мы посылаем, мне кажется, слишком искажаются.

Профессор усмехнулся.

— Ну да, мой дорогой, но мы тут ничего не можем поделать.

— Вот именно! — оживился Иенсен. — Мы с Холлитсом пришли к выводу, что теперь можно попробовать и что-то другое.

На добродушном лице Килси отразилась известная заинтересованность.

— На основе троичной логики, предложенной Вейманом для стохастически меняющихся сигналов,

мы хотели бы посылать сигналы, меняющиеся каждые две минуты. Мы разработали систему со специальным спектром. Она обладает повышенной помехозащищенностью по отношению к космическим флуктуациям. Беремся подготовить программу для передающей станции в течение трех дней. Требуется только ваше разрешение на эксперимент.

Килси задумался.

— Собственно говоря, — медленно произнес он, — в данном случае у меня нет никаких возражений. Готовьте программу. Только вот что: я хотел бы, чтоб наши прежние сигналы тоже передавались ежедневно в течение нескольких часов.

Иенсен и Холлитс сорвались с кресел.

— Хорошо, профессор, через три дня начнем передавать новые сигналы.

Красный рассвет уже приглушил блеск миллиардов звезд, ясное ночное небо стало сереть. Из-за горизонта вынырнул рубиновый край солнца.

«Тут, в центре Галактики, ночь не такая прекрасная и темная, как на ее краю», — думал Альф, наблюдая восход на родной планете. Он еще раз скользнул взглядом по молодому девичьему лицу на обелиске из серого мрамора. Статуя Бритт стояла на мемориальной площади среди памятников солярным и галактическим пилотам.

Уже много раз заставлял его рассвет перед статуей, и хотя с момента катастрофы минул целый год, Альф так и не мог вернуться к обычной жизни. Он поправил букет живых золотистых цветов у подножия статуи и тяжелыми шагами двинулся к выходу.

Холлитс поздоровался с Иенсеном и уселся у пульта.

— Ну, так начнем, Боб? Пустим новую музыку для своих коллег.

Пришел Килси. Йенсен коротко объяснил:

— В области стохастически меняющихся сигналов мы дали эхо радиозвезд центра и середины другой, ближайшей к нашей Солнечной системе спирали Галактики. Соотнесли их с помощью логики Веймана с нашей Землей. К эксперименту готовы.

Килси просмотрел программу на экране считывающего устройства и вернул ее Йенсену.

— Ну что ж, мальчики, мне нравится ваша новая ода Луне. Отправляйте, может, что из этого и получится.

Холлитс заложил программу в считывающий аппарат и включил передатчик.

Альф сел в терралет. Загорелась лампочка cerebroфона*. Он включил информационный усилитель и сосредоточился на приеме. Несмотря на то что его соотечественники могли легко договориться с помощью мысли, важнейшие известия передавались через информационные усилители. Он быстро воспринимал мысли, передаваемые руководителем адмиралтейства:

— Краткое сообщение пилотам дальнего действия. Наша информация цивилизации другой спирали отклонилась от заданной траектории и начинает отдаляться от края Галактики. Через пять дней намечено совершить дальний полет для перехвата. Высший совет адмиралтейства просит вас вносить предложения.

Альф давно уже ожидал какого-нибудь серьезного задания. Не задумываясь ни на минуту, он нажал

---

* Цереброфон — фантастический аппарат для передачи мыслей. — *Прим. ред.*

сигнал предложений: «Вношу свою кандидатуру без дополнительных условий».

Руководитель адмиралтейства был другом Альфа еще с тех пор, когда они учились в школе пилотажа. После одной из трагических экспедиций, во время которой он только случайно остался живым, ему пришлось возвратить диплом пилота из-за того, что его здоровье ухудшилось. Он ответил Альфу:

«Приходи ко мне завтра утром, добровольцы получат полную информацию о полете, и из них будет выбран кандидат».

Альф с нетерпением ожидал следующего дня.

Через четыре дня после подачи первых сигналов по методу Иенсена — Холлитса в обсерваторию Винне-Джек пришло сообщение из Главной обсерватории в Нортоне. Килси прочитал и заявил:

— В Нортоне поймали радиоизлучающий объект. Он страшно далек от нас и очень мал. Это, пожалуй, и не радиозвезда, потому что даже нейтронные мониторы не могут установить параметров движения. Заметили только, что он случайно находится на линии нашего передатчика. Если это ответ на наши сигналы, то вы, мальчики, пожалуй, будете крестными отцами этого малютки.

— Невозможно, профессор, не насмехайтесь над нами. После четырех дней передачи? Когда полгода ничего не дали? — Иенсен был уверен, что профессор шутит.

— Действительно, мало правдоподобного, — согласился Килси.

В зале информации адмиралтейства собралось несколько пилотов, члены Высшего совета и руководи-

тель адмиралтейства. Руководитель, поздоровавшись со всеми, сказал:

— Все мы знаем, что с тех пор, как нам удалось осуществить переход через световой барьер в информационное пространство, мы можем устанавливать связь с цивилизациями, расположенными далеко от центра Галактики. Движение в информационном пространстве осуществляется со скоростями, многократно превышающими скорость света в обычном трехмерном пространстве. Уже давно мы находимся в контакте с центрами других цивилизаций, и галактическое объединение насчитывает 6000 членов, не считая низших культур, которые мы пригласим, вероятно, через несколько тысяч лет. В последнее время, как вы, наверное, знаете, мы проводим обмен корреспонденцией при помощи улучшенных автоматических информаторов-лайнеров, которые после сближения с адресатом автоматически возбуждаются, и вся заключенная в них информация в виде информационного поля принимается получателем. Тут я должен вспомнить, и через минуту вы поймете почему, о том, с чего начались наши контакты и как был принят второй параграф галактического кодекса. Так вот, один из наших пилотов самостоятельно установил контакт с цивилизацией А-3. Это класс технической цивилизации, находящейся на этапе войн и завоеваний. Для установления взаимопонимания с этой цивилизацией мы пробовали использовать палубный информационный передатчик лайнера — очевидно, пилот погиб. Мы должны были применить информационную блокаду и вымарать из их памяти всякое воспоминание о нас. Повторный контакт с этой цивилизацией мы установили позднее и очень этим довольны. Вместе с ними мы проводили серьезные научные исследования. Но в это время был введен в действие параграф два, который запрещает любое

установление контакта с техническими цивилизациями классов, равных А-3 и ниже.

Неделю тому назад в середину другой галактической спирали был выслан автоматический информационный лайнер. Мы послали тамошним жителям предварительные сведения о нашей культуре и цивилизации с инструкцией о способе ответа. Между тем, по неизвестным причинам, лайнер внезапно изменил направление полета и направился к краю Галактики. Лишь сеть спутниковых радиоперехватывающих станций при помощи пенетраторов* обнаружила, что информатор получил какие-то радиосигналы в нашем интерсолярном коде с адресом получателя и направился по этому адресу. На основе анализа спектра и характера информационных полей пенетраторы определили, что эта цивилизация размещается недалеко от края Галактики, она молодая, класса А-3, и случайные радиосигналы, высланные ею, изменили курс лайнера. Информатор при подходе к ним выдаст весь запас информации, превращая его в очень сильное поле, которое тотчас передаст им все данные о нас.

Мы не имеем права допустить это. Информатор содержит слишком важные сведения. Они не предназначены для цивилизаций класса А-3. Информатор не должен передать им свой груз.

Мы хотим избежать информационной блокады, потому что такая блокада — акт вмешательства. Нашей задачей является отбуксировка информатора от А-3 и переключение его на нужный адрес. Осталось мало времени. На тот случай, если бы информатор начал действовать раньше, преследующий лайнер

---

* Пенетраторы — информационные исследователи большой чувствительности. — *Фант. (Прим. перев.)*

будет располагать грузом энтропийных бомб для уничтожения содержимого информатора.

Должен подчеркнуть, что миссия очень опасна. Расстояние огромно. Мы будем в состоянии принимать информацию, но вот команд для внешнего управления преследованием передавать уже не сможем.

А теперь прошу пилотов высказаться. Женатых и отцов семейств просим отказаться от полета.

Руководитель кончил и сел около Альфа. Дискуссия продолжалась около часа, но лучшего варианта найти не удалось. Альф вторично предложил свою кандидатуру. Еще три молодых пилота, недавно окончивших академию, тоже заявили о своем желании совершить этот полет. Остальные пилоты были семейными. Руководитель и члены Высшего совета на несколько минут удалились из зала. По возвращении руководитель объявил:

— Принимаем кандидатуру Альфа. Если будут протесты, рассмотрим их сразу же.

Альф встал.

— Друзья, верьте мне, я должен получить это задание. Очень прошу вас, не заявляйте протестов.

Молодые пилоты всматривались в Альфа, которого знали еще в академии как преподавателя пилотажа, а также по учебникам. Ведь в начале главы об информационном пространстве был его портрет — первого человека, который вернулся оттуда. Именно тогда была разрешена проблема возвращения, и полеты в информационном пространстве вошли в обиход.

Альф сел и ждал. Все знали о катастрофе с Бритт и понимали, что Альфу нужна какая-нибудь трудная и опасная работа, чтобы вернуть душевное равновесие. Протестов не было.

На следующий день после сообщения об объекте X Килси утром сам позвонил в Нортонскую обсерваторию.

— Послушаем, мальчики, что у них нового? Все же их аппаратура немного лучше нашей.

Он долго держал трубку около уха, несколько раз переспрашивал:

— Сколько, говорите? Сколько? Сотни раз?

Наконец положил трубку и помолчал. Тишину прервал Холлитс.

— Что случилось, господин профессор?

Килси медленно ответил:

— Мы должны проверить. Те, из Нортон, твердят, что X приближается со скоростью, в сто раз превышающей скорость света. Ведь это невозможно. И подает одни и те же сигналы. Импульсы постоянной частоты. Неужели это...

— Звездолет! — окончил Иенсен.

— Да, звездолет, — повторил Килси. Он подал Иенсену утреннюю телефонограмму с координатами. Холлитс включил анализатор.

— Вот он, на экране радиолокационного прицела.

— Ну, а теперь измерьте скорость, — распорядился Килси.

Холлитс включил гравитационный дальномер и начал измерять. Световое пятнышко выскочило за шкалу.

— Да, — сказал профессор, — так как световое пятно отклоняется за шкалу прибора, значит, скорость X порядка 100 с.

Иенсен не мог опомниться от удивления.

— Как это может быть? Каким образом мы получаем нормальные радиосигналы?

— Не знаю, мальчики, не знаю как, — ответил Килси, — и не знаю, каким способом нам посылают сигналы. Но ошибки тут нет. В Нортоне тоже

вначале думали, что у них испортился блок измерений скорости. Только прошу вас, не разглашайте этих сведений, потому что нас высмеют. Наши коллеги из Нортонa тоже пока будут помалкивать. Подождем, когда X приблизится.

Альф вошел в кабину лайнера дальнего действия. Закрыв люк и доложил о готовности к старту. Получил приказ: «Включай разбег» и потом уже неофициальное: «До встречи, Альф». Лицо руководителя исчезло с экрана, и показалась схема стартовой дорожки. После включения разбега стартовые станции в солярной системе автоматически управляют ускорением до границ системы, придавая лайнеру огромную скорость, позволяющую ему перейти в информационное пространство.

Альф повернул тумблер «старт» и погрузился в кресло. Через несколько минут начнут действовать антигравитационные ускорители. Через час лайнер преодолет барьер и вынырнет из информационного пространства приблизительно в месте расположения информатора.

«Бритт», — подумал Альф, но лайнер начал уже набирать скорость, и включился усыпляющий автомат. Экран с голубым двигающимся огоньком на схеме стартовой дорожки расплылся перед его глазами.

Однако кто-то в Нортоне проболтался, потому что на следующее утро газеты напечатали короткое сообщение о невероятном астрономическом открытии. Это было преподнесено как не имеющие под собой почвы опасения наших уважаемых астрономов.

Когда Холлитс около полудня измерил скорость X, оказалось, что она значительно уменьшилась.

— Какая-то чепуха. Вероятно, мы попадаем впросак из-за неизвестных ошибок наблюдений, — обратился он к профессору, который теперь постоянно находился в лаборатории.

Килси, однако, был другого мнения.

— А мне кажется, что нет. Я не теряю надежды, что наконец-то, через тридцать лет после того, как Земля начала высылать сигналы, к нам придут гости.

— Сумеем ли мы их принять? — спросил Иенсен.

— Ну, если они приняли наши сигналы, то, наверное, нас поймут.

— Я думаю не об этом, профессор. Где они приземлятся?

— Ах, да... Действительно, я об этом не подумал.

Взглянув на экран, профессор прервал дискуссию.

— Смотрите, X явно тормозит. Но даже двигаясь в таком режиме, он за два дня окажется в Солнечной системе.

Автомат разбудил Альфа в заданное время. На экране виднелся информатор, на малой скорости приближающийся к системе с центральным светилом и девятью планетами. Альф уменьшил скорость до световой и пошел навстречу информатору. Встреча должна состояться недалеко от середины системы. Альф направил палубный информатор на третью планету. Вне всякого сомнения, это была именно цивилизация класса А-3. «Увы, контакт запрещен», — подумал он. Вдруг неожиданно включилась защита лайнера, вспыхнули световые сигналы сильного информационного поля. Через несколько секунд сигнал тревоги выключился. Центральный анализатор доложил, что

информатор дал течь и в любой момент может начать разгружаться.

Альф проанализировал положение. Нельзя было терять ни секунды. Приблизиться к информатору и отбуксировать его из этой системы невозможно. Информационное поле из-за утечки слишком сильно и может нарушить центральное управление лайнера. У Альфа оставалась единственная возможность. Он включил двигатель подготовки к выбросу энтропийной бомбы и начал прицеливаться.

Холлитс, бледный, невыспавшийся после ночного дежурства, доложил Килси:

— Ночью телефон буквально обрывали, господин профессор. В Центре космических исследований готовят ракету-зонд с пилотом, если X войдет в земную орбиту. Только вчера они, наконец, поверили, что это космический корабль, но пока запретили что-либо сообщать газетчикам.

— Хорошо, Холлитс, подождем, пока это не выяснится. Пускай Иенсен займется наблюдением, а ты иди спать.

Холлитс отказался.

— Нет, господин профессор, я останусь здесь.

Иенсен ворвался с «Морнингс телеграф» в руке.

— Вы только взгляните, что делается! — закричал он, сунув им газету. На первой странице крупным шрифтом было набрано: «Паника на Атлантическом побережье!»

С побережья корреспонденты сообщали, что в течение нескольких часов в полицию и к докторам приходили люди, которые уверяли, что с ними происходит что-то странное. После спешных расследований, проведенных властями, оказалось, что в это самое время многие вдруг узнали о существовании какой-то

цивилизации, стоящей на очень высоком уровне. В их головах сохранились обрывки сведений о каких-то машинах, устройствах, они знали удивительные математические формулы. К сожалению, сведения эти так хаотичны, так плохо переданы, что до сих пор так ничего и не удалось толком выяснить. Кое-кто из врачей допускает, что вчерашняя телевизионная программа, построенная на основе трудов профессора Килси о попытках установления контакта с космическими братьями, произвела на многих слушателей слишком сильное эмоциональное воздействие. Однако ходят слухи, что люди, не смотревшие эту программу, тоже испытывают подобные галлюцинации. Небольшая группа писателей-фантастов упорствует в утверждении, что эти галлюцинации не имеют ничего общего с телевизионной передачей и что странный объект, замеченный профессором Килси, — космический корабль, который пытался вступить с нами в контакт.

Когда Килси прочитал статью, Иенсен спросил:

— А каково ваше мнение, профессор?

— Думаю, что попытка объясниться с нами должна выглядеть не так. Пока ничего не понимаю.

Иенсен взглянул в анализатор и воскликнул:

— X разделился на два! Один из них как будто маневрирует. Пожалуй, они выходят на околоземную орбиту.

— Проверь все еще раз, Иенсен, и не прерывай наблюдения, — бросил Килси. — Вероятно, это космические корабли. Ага! — добавил он, — совершенно забыл. Холлитс, сейчас же выключи подачу наших сигналов на главную антенну.

Холлитс подбежал к устройству, управляющему антенной, чтобы отключить ее от передатчика.

Десять минут спустя в лабораторию вошли два представителя Центра космических исследований. Один из них попросил Килси уделить им несколько

минут для разговора. Килси пригласил обоих в свой кабинет. Они вышли, и в лаборатории остались только Иенсен и Холлитс.

Альф выполнил уже почти полный разворот, когда снова включился сигнал тревоги. Анализатор доложил, что из-за постоянных сигналов с планеты информатор начинает разгружаться. Через секунду он донес, что сигналы прекратились. Но было уже поздно. Напряжение информационного поля, созданного информатором, начало возрастать. Теперь, пока планета несколько раз не обернется вокруг оси, информатор будет автоматически передавать ей всю информацию. Нельзя было терять ни секунды.

Нажав кнопку выпуска энтропийной бомбы, Альф не ощутил толчка, который бывает при выпуске снаряда. Включился аварийный зуммер пусковой установки. Как сквозь вату, Альф услышал бесстрастный голос анализатора: «Автоматический прицел нарушен вышедшим из-под контроля информатором».

Он заставил себя успокоиться. Оставалось либо отказаться от намерения уничтожить информатор, либо применить ручную наводку. О последнем в школе пилотов говорилось меньше всего.

Альф всегда выполнял задания до конца. Он точно знал, что сделает, и знал, что его решение бесповоротно. Он выключил автоматическую наводку, перешел на ручное управление. Начал направлять нос лайнера на информатор. Думал очень быстро и точно. Теперь он был абсолютно спокоен и совершенно не испытывал волнения, всегда сопутствующего уничтожению непослушных автоматов. Он приказал палубному управлению приготовить доклад о выполнении задания и зафиксировать его последние мысли, чтобы передать все на родную планету за пять секунд до

столкновения с информатором. Но ведь он не знал, какой груз энтропийных бомб приготовили на базе. Предвидели ли они, какие здесь могут быть неожиданности? Или имеющегося запаса хватит только на уничтожение информационного груза?

До сближения осталось лишь несколько секунд. Щелкнул клапан трансляционного шлюза, зажглась и погасла красная лампочка с надписью: «Депеша на базу».

Дело сделано. База получит полную информацию. Дозорные базы обнаружат стремительное затухание информации, заключенной в информаторе, — будет нарушена структура поля. Мысли, зафиксированные уже после высылки депеши, дойдут очень искаженными, но дополнят картину. «Ну что ж, зато узнают, каким образом было выполнено задание», — подумал Альф.

За три секунды до сближения с информатором анализатор донес, что с третьей планеты стартует ракета на химическом горючем. Альф подумал: «Жаль, что существует второй параграф. Хотел бы я увидеть невольных виновников моего полета. Вероятно, вскоре они войдут в группу А-2. Следующий пилот полетит в этот уголок Галактики наверняка, чтобы с ними познакомиться...»

Он почувствовал удар — лайнер столкнулся с информатором. Конец. В памяти всплыло дорогое лицо. Он вспомнил Бритт перед последним полетом и нажал рычаг: «Сброс энтропийной бомбы». Вспышка не была сильной. Большая часть энергии выделилась в виде корпускулярного излучения.

Мгновением позже дозорные базы отметили нарушение структуры информационного поля, вызванное уничтожением информатора.

Когда Килси с гостями вошел в лабораторию, Иенсен, бледный и взволнованный, доложил:

— Они столкнулись двадцать минут назад, и с этого момента мы уже ничего не понимаем. Х начал походить на маленький, слабо отражающий свет радиоактивный метеор. Никакого движения, изменения орбиты, никаких радиосигналов.

Килси и гости молча выслушали его. Потом один из прибывших сказал:

— Минуту назад мы получили с ракеты-зонда радиограмму от пилота. Выйдя на орбиту, он заснял объект, и теперь можно сделать первые выводы. Спектральный анализ снимков показал, что это действительно обыкновенный метеорит с большим содержанием железа, какие во множестве встречаются в околоземном пространстве. Прежде всего мы должны считаться с фактами.

Килси кивнул головой, а гость добавил:

— Думаю, вас не удивит известие, что на метеорите были обнаружены простейшие органические соединения. Мы еще не знаем, каково их происхождение, но в конце концов это случалось уже несколько раз.

Когда представители Центра космических исследований покинули лабораторию, Холлитс и Иенсен обратились к Килси:

— Господин профессор, что вы обо всем этом думаете?

— Что же это было за тело со сверхсветовой скоростью?

— А как объяснить соединение двух объектов?

Килси задумчиво ответил:

— Думаю, что разумнее всего считаться с фактами. Хотя многого я не понимаю, — добавил он. — Если вы придете сегодня ко мне домой на чашку кофе, я скажу, что я на самом деле обо всем этом думаю. Но это уже мое личное мнение. Однако мне ка-

жется, что мы уже теперь должны почитать *кого-то*, с кем мы не смогли встретиться и *кто* пожертвовал для нас жизнью...

Сообщение адмиралтейства было кратким: «Не смотря на отдельные неполадки, которые еще станут предметом исследования, цель последнего полета дальнего действия достигнута. Пилот Альф погиб при выполнении задания во имя спасения разумных существ на низшем этапе развития. Совет постановил вписать его имя в большую книгу полетов. Как всегда, на мемориальной площади будет установлен памятник пилоту».

Несколько дней спустя на мемориальной площади поднялся еще один высокий обелиск с кометой, уходящей в высоту. Альф улыбаясь смотрел на Бритт в космическом комбинезоне, увековеченную в камне. Снова они были вместе — и теперь уже навсегда.

Ей надо было все разузнать о Крошке. Все, что возможно.

Пришлось назвать его Крошкой. Наверно, это было смешно, когда он был щенком. И тем более смешно стало потом.

Крошка был громадным датским догом с необрезанным хвостом. Гладкая, лоснящаяся коричневая шкура плотно облегла мощную грудь и плечи. Его лай был подобен грому. У него были огромные карие глаза, могучие черные лапы да еще большое доброе сердце.

Он родился на острове Сан-Круа, одном из Виргинских островов, где растут пальмы и сахарный тростник, веют ласковые ветры и тихо перешептываются травы, когда сквозь них пробирается фазан или мангуста. В руинах старого, построенного еще рабами дома живут крысы. Стены толщиной в сорок дюймов прерываются арками, сложенными из дикого камня. По пастбищам шныряют полевые мыши, а в ручьях поблескивают голубые мальки.

Но как получилось, что он стал необычным псом?

Когда Крошка был щенком и состоял лишь из лап да ушей, он научился множеству полезных вещей. И прежде всего — уважению к окружающим. Он научился уважать шустрых, злобных, бездушных скорпионов, после того как решил обнюхать увенчанный шипом хвост одного из них. Научился с почтением относиться к мертвенной тяжести воздуха, предвещавшей ураган, потому что тогда в имени начиналась суматоха, и существа, обитавшие там, становились деловитыми и послушными. Научился уважать

справедливость дележки: если он отталкивал своих братьев и сестер, его отрывали от соска и кормушки — он был самым большим щенком в помете.

Он научился уважению. Его никто ни разу не ударил, но и не зная страха, он все же постиг осторожность. Боль от укуса скорпиона (он испытал это лишь однажды), сильные, но мягкие руки, укротившие его жадность, устрашающая ярость урагана, последовавшая за лихорадочными приготовлениями к его приходу, — все это научило его справедливости и уважению к осторожности. Он почти постиг основной закон этики: его не попросят сделать что-то или не запретят делать что-то без явной на то причины. Его послушание подразумевалось само собой, потому было наполовину осознано. Основываясь не на страхе, а на чувстве справедливости, оно не мешало Крошке быть находчивым.

Вот почему из Крошки получилось столь великолепное животное. Но все же этим нельзя объяснить, как он научился читать. Неясным оставалось и то, почему Алек был вынужден его продать — и не просто кому-нибудь, а отыскать Элистер Форсайт и продать пса ей.

А ей надо было понять, почему это случилось. От этого с ума можно было сойти. Она никогда не хотела иметь собаку. А если бы и хотела, то уж никак не датского дога. Но если бы она вдруг даже пожелала иметь датского дога, то ее выбор никак не мог пасть на Крошку, потому что жил он на острове Сан-Круа и его пришлось перевозить в Нью-Йорк самолетом.

Письма, которые она писала Алеку, были исполнены настойчивого любопытства. Как, впрочем, и его письма тех дней, когда он продал ей дога. Именно из этих писем Элистер узнала о скорпионе и урагане, о детстве Крошки и о том, как Алек воспитывал

собак. И если при этом она узнала кое-что и о самом Алеке, это совсем не удивительно. Алек и Элистер Форсайт никогда не встречались, но тайна, связанная с Крошкой, сблизила их больше, чем людей, выросших вместе.

«Вы спрашиваете меня, почему я написал именно Вам, а не кому-нибудь другому, — отвечал Алек на ее прямой вопрос. — Могу признаться, что я Вас вовсе и не выбирал. Вас выбрал Крошка. Как-то у меня дома были туристы с прогулочного парохода. Мы сидели за коктейлями, и один из гостей упомянул Ваше имя. Насколько я помню, его звали доктор Швелленбах. Очень приятный старик. Услышав Ваше имя, Крошка вскинул голову, словно я его окликнул. Потом поднялся и подбежал к доктору, наострив уши и тычась ему в ноги. Я было подумал, что старик хотел дать ему поесть, но нет — он, должно быть, хотел, чтобы доктор Швелленбах повторил Ваше имя. Тогда я спросил доктора о Вас. На следующий день я рассказывал своим друзьям об этом случае, и стоило мне снова упомянуть Ваше имя, как Крошка бросился ко мне и уткнул нос в мою ладонь. Он весь дрожал. Это меня доконало. Я написал другу в Нью-Йорк, и он разыскал Ваше имя и адрес в телефонной книге. Остальное Вам известно. Сначала я хотел просто обо всем Вам рассказать, но потом почему-то предложил Вам купить дога. Я подумал, что будет нехорошо, если Вы с Крошкой не встретитесь. А когда Вы написали, что не сможете уехать из Нью-Йорка, мне ничего не оставалось, как послать к Вам Крошку. А теперь... не знаю, доволен ли я, что так все вышло. Судя по тому, что Вы целые страницы своих писем ко мне заполняете вопросами, мне кажется, что Вас очень встревожила эта дурацкая история».

Она отвечала:

«Пожалуйста, не думайте, что я встревожена! Ничуть! Я заинтересована, сгораю от любопытства и немного волнуюсь. Но ничего пугающего в этой ситуации нет. Я не могу Вам этого объяснить. В Крошке — порой мне кажется, что это исходит даже не от Крошки, — есть нечто бесконечно успокаивающее. Будто меня охраняет что-то другое, более значительное, чем этот умный пес. Все это странно и достаточно таинственно, но совсем не страшно.

Я хотела бы Вас спросить еще вот о чем: не могли бы Вы точно вспомнить, что именно сказал обо мне доктор Швелленбах, когда Крошка так странно повел себя? Постарайтесь припомнить, не попадал ли Крошка под чье-нибудь влияние помимо Вашего. Что он ел, когда был щенком? Сколько раз у него была...» и так далее.

В ответном письме Алека говорилось:

«Прошло столько времени, что мне уже не вспомнить точно, о чем шел разговор. Но кажется, доктор Швелленбах говорил о своей работе. Как Вы знаете, он профессор-металлург. Он упомянул имя профессора Науленда как крупнейшего специалиста нашего времени по сплавам — этот-де Науленд может изготовить любые сплавы. Затем он перешел к его ассистентке. Сказал, что она весьма компетентный специалист, словом, совершенное чудо. Но несмотря на это, она очень женственна и представляет собой самую прекрасную из рыжеволосых красавиц, которые когда-либо предпочитали небесам Землю. Потом он открыл нам ее имя — Элистер Форсайт. Надеюсь, что Вы не покраснели, мисс Форсайт. В конце концов, Вы сами на это напросились! Вот тогда-то Крошка и подбежал к доктору и начал вести себя несколько необычно.

Я могу припомнить только один случай, когда Крошка исчезал на целый день и, возможно, подвергся какому-то постороннему влиянию. Это случилось, когда ему было три месяца от роду и его взял с собой Деббил. Деббил — местный бродяга, лет шестидесяти. Он похож на одноглазого пирата да еще страдает слоновой болезнью. Он всегда ошивается по соседству и готов выполнить поручение каждого, кто даст ему табачку или угостит рюмкой рома. Так вот, в то утро я послал его на холмы поглядеть, не протекает ли труба, которая ведет к нам от резервуара. Дел ему было часа на два, так что я попросил его захватить с собой щенка, чтобы тот поразмялся.

А они пропали на целый день. Я был занят тогда по горло, крутился как белка в колесе, и некого было послать на поиски. Но к вечеру он вернулся. Я его крепко отчитал. Было бессмысленно спрашивать, где он пропадал — Деббил ко всему прочему слабоумен. Он, как всегда, отвечал, что ничего не помнит. Но следующие три дня мне пришлось повозиться с Крошкой. Он отказывался есть и почти перестал спать. Он не отрывал глаз от плантаций сахарного тростника на холме, но не рвался туда. И я сам отправился на холм посмотреть, в чем дело. Там нет ничего, кроме резервуара и развалин губернаторского дворца, где уже полтора века никто не живет. Теперь от дворца почти ничего не осталось, кроме заросшей кустарником груды камней да пары арок, но считается, что там водятся привидения. Когда Крошка выздоровел, я, конечно, забыл об этом. Теперь он чувствовал себя лучше, чем прежде, хотя, начиная с того дня, он иногда вдруг застывал и оборачивался к холму, будто к чему-то прислушивался. До Вашего письма я не придавал особого значения этому случаю. Да и сейчас, пожалуй, не придаю. Может быть, за ним погна-

лась самка мангусты, отгоняя его от выводка, может, он сожрал немного ганжи — вы ее называете марихуаной. Но сомневаюсь, чтобы это влияло на его сегодняшнее поведение, по крайней мере не больше, чем тот случай, когда все компасы указывали на запад. Слыхали об этом? Ничего удивительнее мне видеть не приходилось. Это случилось прошлой осенью сразу же после того, как я отправил к Вам Крошку. Все корабли, лодки и самолеты отсюда до Сэнди Хука сообщили, что стрелка компаса указывает не на север, а на запад! К счастью, эффект длился всего часа два, так что обошлось без неприятностей. Правда, один пароход сел на мель да что-то случилось с одной или двумя рыбацкими лодками у Майами. Напоминая вам об этой истории с компасами, я хочу только подчеркнуть, что поведение Крошки может быть странным, но оно уж не настолько странно и исключительно в мире, где встречаются сумасшедшие компасы».

В ответ ему она писала:

«А Вы, оказывается, философ — мой тропический друг? Эдак Вы можете довести идею необъяснимого до таких масштабов, что всякое объяснение или даже попытки его покажутся бессмысленными. Что касается эпизода со свихнувшимися компасами, я его отлично помню. Мой шеф, доктор Науленд, по уши погряз в этом фантастическом происшествии. И не только он, но и большинство его коллег в самых различных областях науки. Они нашли этому вполне разумное объяснение. Все дело в присутствии некоего квазимагнитного феномена, создавшего равнодействующее поле под прямым углом к нормальному магнитному полю Земли. Это объяснение привело в восторг чистых теоретиков. А практикам — например,

Науленду и его коллегам-металлургам — осталось выяснить всего лишь, что же создало такое поле. Поистине, наука — удивительная вещь!

Кстати, наверно, Вы обратили внимание, что у меня новый адрес. Я давно хотела иметь собственный маленький домик, и мне повезло. Я купила его у друзей. Он стоит на Гудзоне, выше Нью-Йорка, природа там чудесная, но в то же время удобная связь с городом. Я пригласила к себе мою маму. Ей здесь понравится. А кроме того, — если Вы еще не догадались сами, зачем я это сделала, — Крошке будет где побегать. Ведь он не городская собака... Я бы даже сказала Вам, что дом для меня отыскал Крошка, но боюсь, Вы решите, что я наделяю его слишком удивительными способностями. Грегг и Мэри Уимс, которым раньше принадлежал этот коттедж, решили, что там поселилось привидение. По крайней мере они так мне сказали. Они уверяют, что мельком видели по соседству, да и в самом доме неопишимо страшное чудовище. В конце концов, Мэри настолько перепугалась, что заставила Грегга расстаться с коттеджем, несмотря на жилищный кризис. И они отправились прямо ко мне. Почему? Потому что они — и в первую очередь Мэри, весьма мистически настроенная особа, — решили, что здесь может жить лишь тот, у кого есть большая собака. Самое странное заключается в том, что они понятия не имели, что я недавно купила датского дога. Но при виде Крошки они бросились мне на шею и принялись умолять меня приобрести домик. Мэри не могла объяснить то, что чувствовала — ведь они явились ко мне, чтобы упростить мне купить большую собаку и взять их коттедж. Но почему ко мне? Как же, отвечает она, ведь они думали, что мне этот домик должен понравиться. И все тут. Я решила, что мне домик подходит. А то,

что собака у меня уже была, рассеяло последние сомнения. В любом случае можете включить эту историю в Ваш список необъяснимых явлений».

Они переписывались почти целый год. Письма были длинными и частыми, и, как это порой случается, Алек и Элистер очень сблизились. Как-то, почти случайно, они обнаружили, что пишут друг другу письма, где совсем не говорится о Крошке, хотя, конечно, были и такие письма, в которых ни о чем, кроме Крошки, не говорилось. И, разумеется, Крошка далеко не всегда выступал в этих письмах в роли канис супериор (сверхсобаки). Он был псом — псом с головы до кончика хвоста — и вел себя соответственно. Странности проявлялись у него только время от времени. Поначалу это происходило, лишь когда Элистер более всего этому поражалась — другими словами, тогда, когда она этого совсем не ожидала. Позже он научился использовать свои удивительные способности именно тогда, когда она этого ожидала. Со временем он начал превращаться в сверхсобаку лишь тогда, когда Элистер об этом просила...

Коттедж стоял на вершине холма, у подножия которого по берегу реки тянулась железная дорога. Холм был таким крутым, что поезда не были видны — лишь доносилось едва слышное постукивание колес. Здесь царило чистое и чуть тревожное настроение, ощущение грядущей надежды, как будто кто-то, впервые в жизни ехавший в поезде в Нью-Йорк, был полон радостного ожидания чудес, и это ощущение достигло коттеджа, который уловил его, дышал им и сохранил его навсегда,

Однажды утром по узкому извилистому шоссе, ведущему к коттеджу, медленно поднимался миниатюрный автомобиль. Маломощный мотор стонал и пыхтел, с трудом одолевая последний крутой подъем. У каменных ступеней, ведущих на террасу, автомобильчик замер, и из-за руля вылезла миниатюрная женщина. Она могла бы сойти за очаровательную леди, каких изображают на поздравительных открытках «Маме ко дню рождения», если б не была одета в комбинезон авиационного механика и не начала бы свою речь с вполне земного и далеко не изящного эпитета в адрес перегретого мотора.

Все еще охваченная гневом, она сунула руку в машину и нажала на гудок. Пронзительный вой, возникший в недрах машины, привел к желаемому эффекту. В ответ отчаянно взвыл могучий датский дог. Дверь с шумом распахнулась, и на террасу выбежала девушка в шортах с поводком в руке. Ее медно-рыжие волосы вспыхнули огнем под лучами солнца. Солнечный свет, отражавшийся от реки, заставил ее прищуриться.

— Не может быть! Мама! Мамочка, дорогая, это ты? Уже? Так быстро? Крошка! — крикнула она, увидев, что из дверей выскочил датский дог и бросился вниз по ступеням. — Назад!

Пес замер. Миссис Форсайт выхватила из-под сиденья машины разводной ключ и взмахнула им.

— Пусть только попробует подойти, — мрачно сказала она. — Ради бога, ответь мне, девочка, как ты управляешься с таким чудовищем? А я-то думала, что ты завела собаку, а не лошадь с клыками. Если он посмеет ко мне притронуться, я ему оторву копыта. Где ты прячешь его седло? И что это тебе взбрело в голову спрятаться здесь с этим верблюдом? Кто внушил тебе дурацкую идею купить этот сарай в тридцати милях от ближайшего населенного пунк-

та, который одной ногой стоит в пропасти, с лестницей вместо дороги и на такой высоте, что вода здесь, наверно, кипит при восьмидесяти градусах? Полагаю, приготовить здесь завтрак — дело безнадежное. Двадцать минут — а яйца еще сырые. Кстати, я проголодалась. И если этот датский дракон не сожрал еще все, что лежит поблизости, я хотела бы заморить червячка десятком сэндвичей. С колбасой. У тебя, детка, потрясающие цветы. Ты тоже потрясающая. И всегда такой была. Как жалко, что бог наградил тебя мозгами. Если бы не эти мозги, ты бы давно вышла замуж. Чудесный вид отсюда, лапушка, очаровательный вид. Мне здесь нравится. Молодец, что купила этот домик. А ну, иди сюда, — обернулась она к Крошке.

Он приблизился к образцу красноречия, поджав хвост и немного опустив голову. Она протянула руку и держала так, пока он ее не обнюхал, а потом потрепала его по холке. Дог помахал своим немодным, необрезанным хвостом в знак признания и отбежал к смеющейся Элистер, которая спускалась по ступеням.

— Мама, ты чудо, — она наклонилась и поцеловала ее. — А что это был за страшный шум?

— Шум? А, это гудок. — Миссис Форсайт подошла к радиатору и подняла крышку. — У меня есть друг, который торгует шнурками для ботинок. Я решила помочь ему. И поставила такой гудок, чтобы при звуке его люди выпрыгивали из ботинок. Ну и, конечно, рвали бы при этом шнурки. Ботинки бы оставались валяться на тротуаре. И тысячи людей разгуливали бы в одних носках. Кстати, это полезно. Помогает от плоскостопия. — Она показала дочке гудок. На моторе и по бокам его размещались четыре большие воздушные сирены. Заглушки, приводимые в движение четырьмя небольшими электродвигателями, закрывали и открывали путь струе воздуха. — Вот как

это работает. А чтобы достичь нужного тембра, я настраиваю их с диапазоном в шестнадцатую тона. Мило?

— Мило, — искренне согласилась Элистер. — Нет, ради бога, мамочка, хватит демонстраций. Мама! Крошка чуть не оглох в первый раз.

— В самом деле? — Она задумчиво направилась к лежащему догу. — Я совсем не хотела тебя оглушать, пуделечек. В самом деле не хотела.

«Пуделечек» взглянул на нее грустными карими глазами и постучал хвостом по земле.

— Мне он нравится, — решительно сказала миссис Форсайт. Она бесстрашно протянула руку и с чувством потрепала Крошку за брылы. — Вы только поглядите на эти клыки! Собачка, спрячь свой язычок, а то вывернешь себя наизнанку. Кстати, почему ты, цыпочка, до сих пор не вышла замуж?

— А ты, мама? — отпарировала Элистер.

Миссис Форсайт пожала плечами.

— Я уже была замужем, — сказала она, и Элистер заметила, что ей с трудом удалось сохранить равнодушный тон. Жизнь с человеком типа Дана Форсайта остается в памяти навсегда. Ее голос смягчился. — Твой папа, детка, был не таким уж плохим человеком. — Миссис Форсайт стряхнула с себя воспоминания. — Пошли поедим. Расскажешь мне о Крошке. Ключки информации об этом псе заинтриговали меня не меньше, чем одиннадцатая серия телевизионного детектива. Что это за тип — Алек с Сан-Круа? Туземец, каннибал или нечто иное? Он вроде бы приятный. Интересно, а ты сама знаешь, насколько он тебе приятен? Боже мой, эта девушка покраснела! Я знаю только то, что читала в твоих письмах, дорогая, но никогда раньше ты же не цитировала целые абзацы из чужих писем, если не считать писем этого старого негодяя Науленда, но там речь шла лишь о ковкости,

проницаемости и точках плавления. Metallургия! И такая девушка, как ты, забивает себе голову молибденами и дюралюми вместо сердцебиений и стеснения в груди!

— Мамочка, милая, тебе никогда не приходило в голову, что я попросту не хочу выходить замуж? По крайней мере пока не хочу.

— Конечно, приходило. И тем не менее женщина лишь на сорок процентов женщина, пока ее кто-нибудь не полюбил, и только на восемьдесят процентов женщина, пока у нее нет детей. А что касается тебя и твоей драгоценной научной карьеры, я припоминаю что-то о некоей Мари Склодовской, которая, несмотря на свою преданность науке, не возражала против того, чтобы выйти за парня по фамилии Кюри.

— Дорогая, — сказала Элистер чуть усталым голосом, когда они поднялись по ступеням и вошли в прохладный дом, — пойми раз и навсегда. Карьера как таковая для меня ничего не значит. Но работа значит. Я люблю свою работу. И не вижу никакого смысла в том, чтобы выходить замуж только ради того, чтобы выйти замуж.

— Боже мой, детка, я тебе этого никогда не советовала, — быстро ответила миссис Форсайт. Потом окинула дочь критическим взглядом и добавила: — Такое добро пропадает.

— Что ты хочешь этим сказать?

Миссис Форсайт покачала головой.

— Если ты не понимаешь, значит, у тебя нелады со шкалой ценностей. И в таком случае нам не о чем спорить. Мне нравится твоя мебель. А теперь, ради бога, накорми меня и расскажи о своей баскервильской собаке.

Проворно передвигаясь по кухне, Элистер рассказала матери, восседавшей на табуретке подобно остроглазой птице, о письмах Алека и прибытии Крошки.

— Сначала он был пес как пес. Правда, замечательный пес. И отлично воспитанный. Мы ладили просто на удивление. В нем не было ничего странного, если не считать истории его появления у меня, по крайней мере я не видела ничего, что указывало бы на... на что-нибудь. Ведь не исключено, что он так отреагировал на мое имя, потому что оно показалось приятным его слуху.

— Правильно, — с удовлетворением заметила мать. — Мы с Даном неделями не вылезали из акустической лаборатории, подбирая для тебя оптимально звучащее имя. Элистер Форсайт. В нем есть ритм, ты чувствуешь? Имей это в виду, когда решишься сменить его.

— Мама!

— Хорошо, милая. Так продолжай.

— Я-то считала, что все это — идиотское совпадение. Ведь после того, как Крошка попал сюда, он не реагировал на звук моего имени. Он вел себя как самый обыкновенный пес, которому нравится быть на людях. Вроде бы и все... И вот однажды вечером, после того, как он прожил здесь около месяца, я узнала, что он может читать.

— Читать! — Миссис Форсайт потеряла равновесие, чуть не свалилась с табуретки, но удержалась за край раковины и выпрямилась.

— В общем да. Мне приходилось много работать по вечерам, а Крошка любил вытягиваться у огня, положив нос на передние лапы, и смотрел на меня. Меня это трогало. Я даже как-то привыкла с ним разговаривать во время работы. Конечно, только о работе. Казалось, он очень внимательно прислушивается к моим словам, но это, конечно, было плодом моего воображения. А иногда он поднимался и подходил ко мне. И всегда, по-моему, как раз в те моменты, когда я думала о чем-то постороннем или со-

биралась бросить работу и заняться чем-нибудь еще.

В тот вечер я делала расчеты проницаемости для некоторых редкоземельных элементов. Я отложила карандаш и протянула руку за справочником по химии и физике, но книги на столе не было. Тогда я обернулась к Крошке и сказала, просто чтобы сказать что-нибудь: «Крошка, куда ты дел мой справочник?»

Он удивленно фыркнул, вскочил на ноги и бросился к своей подстилке. Отвернул ее лапой и выудил книгу. Потом взял ее в зубы (я тогда еще подумала: а что бы он делал, если бы был не догом, а скотч-терьером — ведь справочник толст и увесист!) и принес мне.

Я просто не знала, как поступить. Я взяла книгу и осмотрела ее. Книга была довольно потрепанной. Явно он старался листать ее своими лапищами. Я отложила книгу и взяла его за морду. Я обозвала его последним негодяем и спросила, что он искал в книге.

Элистер замолчала, намазывая сандвич.

— Ну и что дальше?

— А, — сказала Элистер, будто возвращаясь изда- лека. — Он ничего не ответил.

В кухне воцарилось молчание. Наконец миссис Форсайт окинула дочку странным птичьим взглядом и сказала:

— Ты меня разыгрываешь.

— А, ты мне не поверила.

Миссис Форсайт встала и положила руку на плечо дочери.

— Солнышко мое, твой папочка любил повторять, что стоит верить лишь сведениям, полученным от людей, которым веришь. Разумеется, я тебе верю. Все дело в том — веришь ли ты сама себе?

— Я не... больна, мама. Если ты имеешь в виду именно это. Давай я доскажу тебе всю историю.

— Продолжение следует?

— Следует. — Элистер положила тарелку с сэндвичами на кухонный стол, чтобы мать могла до них дотянуться. Миссис Форсайт с энтузиазмом принялась за еду. — Крошка руководит моими исследованиями. Особым направлением в них.

— Твоими ишшлетофаниями?

— Мамочка! Я дала тебе эти сэндвичи не для того только, чтобы тебя накормить. Я надеялась тебя на время звукоизолировать.

— Ешшо шефо! — радостно ответила мама.

— Так вот, Крошка не давал мне заниматься никакими исследованиями, кроме тех, которые его интересовали. Мама, я не смогу рассказывать, если ты будешь так ахать! Нет... не то чтобы он не разрешал мне заниматься, чем я хочу. Но некоторые мои мысли ему по нраву. Если я занимаюсь чем-нибудь еще, он крутится возле меня, толкает в локоть, рычит, вздыхает, и это продолжается до тех пор, пока я не выйду из себя и не прогоню его. Тогда он отправляется к камину, ложится и все смотрит на меня. Ни на секунду глаз с меня не спускает. Тут я, разумеется, таю, чувствую себя свиньей, прошу у него прощения и возвращаюсь к тому, что ему по душе.

Миссис Форсайт проглотила сэндвич, закашлялась, выпила глоток молока и взорвалась:

— Да погоди ты, не гони, я не успеваю за тобой следить! Так чего же он от тебя хочет? Откуда ты знаешь, чего он хочет? Может он, в конце концов, читать или нет? Ничего не понимаю!

Элистер рассмеялась.

— Бедная мамочка. Я тебя не виню. Нет, я не думаю, что он и на самом деле умеет читать. Ни к книгам, ни к картинкам он не питает никакого интереса. Эпизод со справочником был, очевидно, экспериментом, который не дал нужного результата. Но он

может различать книги — даже книги в похожих обложках, даже тогда, когда я их переставляю на полке. Крошка!

Дог, лежавший в углу кухни, с трудом поднялся на ноги. Лапы его разъезжались на скользком линолеуме.

— Принеси мне «Основы радиосвязи» Хога, сделай милость.

Крошка выбежал из кухни. Было слышно, как он поднимается по лестнице.

— Я боялась, что он не послушается, пока ты здесь, — сказала Элистер. — Обычно он предупреждает меня, чтобы я не распространялась о его исключительных способностях. Он рычит. Как-то раз доктор Науленд приехал ко мне в субботу пообедать. Я начала было говорить о Крошке, но он меня прервал. Он вел себя отвратительно. Сначала рычал, потом стал лаять. Никогда раньше он не лаял в доме. Бедный доктор Науленд. Он до смерти перепугался.

Крошка спустился по лестнице и вошел в кухню.

— Отдай книгу маме, — сказала Элистер. Крошка спокойно направился к табуретке и остановился перед изумленной миссис Форсайт. Она взяла книгу у него из зубов.

— «Основы радиосвязи», — прошептала она.

— Я попросила его принести эту книгу, потому что у меня там целая полка технических книг одного и того же издательства, в одинаковых обложках и одного размера, — негромко сказала Элистер.

— Но... но... как он это делает?

Элистер пожала плечами.

— Не представляю. Он не читает названий. Я в этом уверена. Он не умеет читать. Я пыталась проверить это десятком различных способов. Я писала приказы на листках бумаги и показывала ему — знаешь, вроде «подойди к двери» или «поцелуй меня». Он

глядел на них и махал хвостом. Но если я сначала читала их...

— Читала вслух?

— Нет. Конечно, он сделает все, что я его попрошу. Но мне совсем не нужно говорить об этом. Стоит мне прочесть записку, как он исполняет просьбу. Таким же образом он заставляет меня заниматься тем, в чем он заинтересован.

— Уж не хочешь ли ты мне сказать, что этот бегемот читает твои мысли?

— А ты как думала? погоди, сейчас увидишь. Дай мне книгу.

Крошка поднял уши торчком.

— Вот здесь написано что-то о токах в переохлажденной меди, не помню уж что. Посмотрим, заинтересуется ли Крошка.

Она уселась на кухонный стол и начала листать книгу. Крошка сел перед ней, высунув язык и следя за ней большими карими глазами. Элистер в тишине переворачивала страницы, кое-что читала, снова переворачивала. И вдруг Крошка нетерпеливо взвизгнул.

— Видишь, мама, о чем я говорила? Хорошо, Крошка, я перечитаю это место.

Снова молчание. Зеленые глаза Элистер скользили по строчкам. Внезапно Крошка поднялся и ткнул посоном ей в ногу.

— Да? Сноска? Хочешь, чтобы я прочла еще раз?

Крошка снова уселся.

— Здесь есть сноска насчет сверхпроводимости. И это его интересует, — объяснила Элистер. Затем она взглянула на мать. — Прочти это ему. — Элистер прыгнула со стола и передала матери книгу. — Вот. Параграф сорок пять. Крошка, иди к маме, она тебе почитает. Давай. — Она подтолкнула Крошку к миссис Форсайт, которая зачарованно произнесла:

— Когда я была маленькой, я читала сказки кук-

лам. Я думала, что уже покончила с этим навсегда, и вот, поглядите, я должна читать техническую литературу этому... этому хищнику. И что, читать вслух?

— Нет. Поглядим, понимает ли он тебя.

Но миссис Форсайт не удалось это проверить. Не успела она прочитать и двух строчек, как Крошка словно взбесился. Он бросился к миссис Форсайт, потом обратно к Элистер. Он носился, как перепуганный конь, вращал глазами и задыхался. Он повизгивал. Он даже начал рычать.

— Господи, что случилось?

— Боюсь, что он тебя не понимает, — ответила Элистер. — Я и раньше подозревала, что он как бы настроен на меня, а вот теперь в этом убедилась. Ну хорошо, дай мне книгу...

Но прежде чем она успела договорить, Крошка подбежал к миссис Форсайт, осторожно взял книгу у нее из рук и отнес своей хозяйке. Элистер улыбнулась побледневшей матери, взяла книгу и читала до тех пор, пока Крошка вдруг не потерял интереса. Он отошел к кухонному шкафу и, зевая, лег на пол.

— Вот и все, — сказала Элистер, захлопывая книгу. — Другими словами, урок окончен. Ну и как, мама?

Миссис Форсайт открыла рот, закрыла его снова и покачала головой. Элистер не удержалась от того, чтобы расхохотаться.

— Ой, мамочка! — говорила она сквозь смех. — Это же исторический день! Моя мама потеряла дар речи!

— Я не потеряла, — упрямо ответила миссис Форсайт. — Я... я... думаю... ну что ты будешь делать! Ты права! Я онемела!

Когда они успокоились — конечно, миссис Форсайт тоже хохотала, потому что ее дочь сказала сущую правду. — Элистер взяла книгу и заметила:

— А теперь, мам, нам с Крошкой пора заниматься. Да-да, мы занимаемся регулярно, и он совершенно явно пытается меня натолкнуть на некоторые невероятные решения.

— Какие еще решения?

— Например, на решение проблемы вольфрамового литья, которую никому не удастся разрешить. А знаешь, ведь это возможно.

— И не говори! В чем ты будешь отливать вольфрам?

Элистер сморщила прямой нос.

— Ты когда-нибудь слышала о льде под давлением? Воду сжимают до тех пор, пока она не превращается в твердое тело при точке плавления?

— Что-то припоминаю.

— В общем для этого требуется лишь достаточное давление и камера, способная такое давление выдержать, и еще кое-что... ну, не будем вдаваться в детали. Главное, что этот путь перспективен.

— Если у нас есть яйца, да к тому же и ветчина, значит, мы можем сделать яичницу с ветчиной, — заметила миссис Форсайт. — Кроме того, мне припоминается, что твой лед при первой возможности растает. И можешь ли ты быть уверена, что этот формованный вольфрам — это будет ведь не литье, а формовка — не перейдет в другое состояние, как лед?

— Над этим-то я и работаю, — спокойно ответила Элистер. — Пошли, Крошка. Ты, мама, обойдешься без нас? Если тебе что-нибудь понадобится, ты нам свистни. Это же не спиритический сеанс.

— Ты так думаешь? — пробормотала миссис Форсайт, глядя, как ее дочь поднимается с Крошкой по лестнице. Она покачала головой, вернулась на кухню, набрала ведро воды и отнесла к машине — на подъеме вода в двигателе выкипела. Сперва миссис Форсайт осторожно поплескала водой на раскаленный

радиатор и только собралась было залить воду в мотор, как ее чуткий слух уловил шорох подошв на крутой дорожке.

Она оглянулась и увидела молодого человека, устало идущего в гору. На нем был легкий потертый костюм. На руке он нес плащ. Несмотря на усталый вид, походка у молодого человека была твердой. Его золотистые волосы поблескивали на солнце. Он подошел к миссис Форсайт и широко улыбнулся ей, сверкнув синими глазами и показав красивые зубы.

— Здесь живут Форсайты? — спросил он глубоким баритоном.

— Совершенно верно, — согласилась миссис Форсайт, обнаруживая, что ей приходится поворачивать голову, чтобы окинуть взглядом его плечи. Хотя при этом ее пояс был бы ему впору. — Вам, наверно, пришлось не слаще, чем Синему кенгуру, — добавила она, хлопывая своего маленького конька по раскаленному боку радиатора. — Весь выкипел.

— Вы зовете его Синим кенгуру? — спросил молодой человек, странно растягивая слова. Он повесил плащ на дверь и вытер пот со лба чистым платком.

— Вот именно, — ответила она, сдерживая себя, дабы не поинтересоваться, откуда у молодого человека такой акцент. — Работает как часы. Выжал педаль — она рванула. Нажал чуть сильнее — и нет тебя. Приходится всегда возвращаться, чтобы подобрать голову, которую обязательно теряешь при такой гонке. Всегда вожу с собой бутыль с клеем и пару подпорок, чтобы ставить голову на место. Ведь без головы можно с голоду помереть — чем есть будешь? А что вас сюда привело?

В ответ он протянул ей желтый конверт. Он внимательно оглядел ее шею и голову, потом машину. Лицо его было непроницаемо, только в глазах бегали чертики.

Миссис Форсайт взглянула на конверт.

— А, телеграмма. Дочка дома. Я ей передам. Заходите и выпейте чего-нибудь прохладительного. Здесь жарче, чем на земле обетованной. И не скребите ногами о половик! Так вы приобретете комплекс неполноценности! Если вы приглашаете мужчину, то приглашаете и пыль на его ногах. Это же честная, благородная грязь. У нас здесь белых ковров не водится. Вы боитесь собак?

Молодой человек рассмеялся.

— Собаки со мной разговаривают, мадам.

Она настороженно взглянула на него, раскрыла было рот — сказать, что его здесь могут понять буквально, но передумала.

— Садитесь, — приказала она. Наполнив бокал пенящимся пивом, она пододвинула его молодому человеку. — Я ее сейчас позову, чтобы она расписалась в получении.

Молодой человек оторвался от бокала, хотел что-то сказать, но в комнате уже никого не было, и тогда он вдруг громко рассмеялся, отряхнул с губ пену и снова поднес бокал ко рту.

Услышав смех гостя, миссис Форсайт хмыкнула, покачала головой и направилась к кабинету Элистер.

— Элистер!

— Перестань убеждать меня в вязкости вольфрама, Крошка. Ты же знаешь. С цифрами и фактами ничего не поделаешь. Мне кажется, я понимаю, на что ты меня толкаешь. Но я тебе отвечу: это невозможно. Я никогда не слышала об оборудовании, с помощью которого этого можно добиться. Подожди еще несколько лет, и я раздобуду тебе атомную электростанцию. Но до тех пор, боюсь...

— Элистер!

— ..в мире пока не существует... — что? Да, мама?

— Телеграмма.

— А. От кого?

— Как я могу знать, если мои способности к телепатии составляют одну сороковую процента способностей твоего чудища? Другими словами, я ее не распечатывала.

— Ну, мамочка, это уж глупо. Ты же могла сама... ну ладно, давай посмотрим.

— У меня ее нет. Она внизу, у потомка Дискобола, который ее и принес. Ни один человек на свете, — добавила она восторженно, — не имеет права так загореть, если у него волосы такого цвета.

— О чем ты говоришь?

— Спустись вниз, распишись в получении телеграммы, и сама все увидишь. Ты обнаружишь там золотоголовую девичью мечту, всю в пивной пене, потную и разгоряченную от благородных усилий достичь вершины этой горы без помощи крючьев и альпенштока, добравшуюся сюда лишь по зову сердца и велению профсоюза телеграфных служащих.

— К сожалению, моя девичья мечта ограничена литьем вольфрама, — ответила Элистер с легким раздражением. Она в сердцах поглядела на лист с расчетами, положила карандаш и поднялась.

— Оставайся здесь, Крошка. Я вернусь, как только разоблачу очередной заговор моей мамашки, цель которого — отдать мои рыжие локоны очередному охотнику за невестами. — Она задержалась у двери. — Ты, мамочка, не останешься здесь, наверху?

— Убери волосы с лица, — мрачно ответила мать. — Я здесь не останусь. Я ни за что на свете не пропущу сказочного зрелища. И не выкидывай фортели перед молодым человеком — единственное, что я считаю вульгарным на этом свете.

Элистер спустилась по лестнице и прошла коридором к кухне, а мать семенила по пятам, то поправляя на ходу пылающие волосы дочери, то расправляя

складки на юбке. Они почти одновременно миновали дверь. Элистер остановилась и без зазрения совести оставилась на гостя.

И было отчего! Молодой человек встал с кресла, не стерев пены с четко очерченных губ, его нижняя челюсть отвисла, голова откинулась назад, и глаза были прищурены, словно от яркого света. Все участники этой сцены на мгновение, казалось, затаили дыхание.

— Ну вот, — опомнилась первой миссис Форсайт. — Тебя, милая, можно поздравить. Ты разбила ему сердце. Эй, вы, выше нос, грудь колесом!

— Смиренно прошу простить меня, — вымолвил молодой человек. И фраза прозвучала автоматически, будто он не думал, о чем говорит.

Элистер, взяв себя в руки, сказала:

— Мама, умоляю тебя.

И двинулась вперед, чтобы взять телеграмму с кухонного стола. Мать достаточно хорошо ее знала и почувствовала, что дочери пришлось сделать над собой усилие, чтобы и взгляд ее, и руки остались твердыми. Было ли причиной этому раздражение, растерянность или какие-то биохимические процессы, мы узнаем позже. Но в тот момент миссис Форсайт воистину наслаждалась этим зрелищем.

— Подождите, — сухо сказала Элистер. — Может, я сразу отвечу на телеграмму.

Молодой человек послушно кивнул. Глаза у него были обалделыми. Он все еще не мог прийти в себя после первого взгляда на Элистер, что уже не случалось с другими молодыми людьми. Но когда Элистер развернула телеграмму, на его губах заиграла лукавая улыбка.

— Мама, ты только послушай!

ПРИЕХАЛ УТРОМ. НАДЕЮСЬ ЗАСТАТЬ ВАС ДОМА СТАРЫЙ ДЕББИЛ ПОГИБ ОТ НЕСЧАСТ-

НОГО СЛУЧАЯ НО ПЕРЕД СМЕРТЬЮ К НЕМУ
ВЕРНУЛАСЬ ПАМЯТЬ ОБЛАДАЮ ИНФОРМА-
ЦИЕЙ МОГУЩЕЙ РАЗРЕШИТЬ ТАЙНУ ИЛИ ВСЕ
ОКОНЧАТЕЛЬНО ЗАПУТАТЬ НАДЕЮСЬ ПОВИ-
ДАТЬСЯ С ВАМИ ТАК КАК НЕ ЗНАЮ ЧТО И ДУ-
МАТЬ АЛЕК

— А сколько лет этому тропическому дикарю? —
спросила миссис Форсайт.

— Никакой он не дикарь, и я не знаю, сколько
ему лет, и не понимаю, какое это имеет отношение
к делу. Думаю, что он моих лет, а может, немного
старше.

Она подняла голову. Глаза ее сияли.

— Смертельный соперник, — с сочувствием сказа-
ла посыльному миссис Форсайт. — И вообще вам не
повезло. Надо же такое совпадение.

— Я... — начал было молодой человек.

— Мама, у нас дома хоть шаром покати. Как ты
думаешь, он сможет у нас остановиться? Где же мое
зеленое платье с... ну да, откуда тебе знать. Оно новое.

— Значит, в письмах говорилось не только о со-
баке, — сказала миссис Форсайт, загадочно улыбаясь.

— Мама, ты невыносима. Это же... так важно.
Алек... он...

Мама кивнула.

— Это очень важно. Вот что я хотела сказать.

Молодой человек сказал:

— Я...

Элистер обернулась к нему.

— Надеюсь, вы не решили, что мы сошли с ума.
Простите, что вам пришлось сюда карабкаться.

Она подошла к буфету и достала из сахарницы
четверть доллара. Молодой человек торжественно
принял чаевые.

— Спасибо, мэм. Если вы не возражаете, я сохраню эту монету до конца моих дней.

— Вы в своем... что?

Молодой человек торжественно выпрямился.

— Я высоко ценю ваше гостеприимство, миссис Форсайт. К сожалению, мы находимся не в равном положении, и мне придется внести некоторую ясность. — Он сунул в рот согнутый палец, и пронзительный свист сотряс дом.

— Крошка! — взревел он. — Ко мне, песик! Меня узнавать не хотят!

В ответ наверху послышался рев, и Крошка слетел с лестницы, лихорадочно скребя лапами по полу, повернулся и восторженно врезался в молодого человека.

— Ах ты, зверюга, — ворковал молодой человек, радостно взясь с догом. Его акцент заметно усилился. — Ты здесь нежишься с дамами. Ах ты, глупый коняга. Ты рад мне, ты рад мне!

Молодой человек широко улыбнулся, глядя на пораженных зрелищем женщин.

— Простите меня, — сказал он, потрепав Крошку за уши, оттолкнув его и тут же схватив за морду. — Честное слово, как только я встретился с миссис Форсайт, мне не удалось вставить ни словечка, а уж потом я и вовсе замолчал. Имя мое Алек, а телеграмму я взял у настоящего посыльного, когда увидел, как он вздыхает и покрывается потом, завидев эту горку.

Элистер закрыла лицо руками и сказала только: «О-ох!»

Миссис Форсайт зашлась от смеха. Наконец, обретя дар речи, она строго спросила:

— А как ваша фамилия, молодой человек?

— Сандерсен, мэм.

— Мама, зачем ты это спрашиваешь?

— Из соображений благозвучия, — ответила мис-

сис Форсайт, сверкнув глазами. — Александр Сандерсен. Очень хорошо. Элистер...

— Молчи! Мама, как тебе не стыдно...

— Я хотела только сказать, Элистер, что если ты и твой гость меня извинят, я вернусь к своему вязанию.

И она направилась к двери.

Элистер в изумлении взглянула на Алека и крикнула ей вслед:

— Мама, а разве ты вяжешь?

— Я? Никогда в жизни не умела этого делать, дорогая. Увидимся позже.

Миссис Форсайт хихикнула и вышла.

Почти неделя понадобилась Алеку, чтобы разобраться в последних переменах в Крошке, потому что ему рассказывали о них в мельчайших деталях. И казалось, никогда не хватит времени на то, чтобы все объяснить, — может быть, так случилось потому, что стоило Элистер и Алеку остаться вдвоем, как время начинало пролетать слишком быстро. Несколько раз по утрам он ездил вместе с Элистер в город покупать инструменты и оборудование для хозяйства на острове. Нью-Йорк казался ему городом чудес — он побывал там лишь однажды. И Элистер почувствовала себя хозяйкой Нью-Йорка, демонстрируя город Алеку, словно содержимое своей шкатулки с драгоценностями. Потом дня два Алек провел, не вылезая из дома. Он навсегда покорило сердце миссис Форсайт, разобрав и почистив коробку передач в Синем кенгуру и облегчив пользование газовым холодильником настолько, что отныне его размораживание перестало быть событием. Наконец, он укрепил осевший угол террасы.

Занятия с Крошкой возобновились и стали прохо-

дить более интенсивно, чем раньше. В первый раз, когда к ним присоединился Алек, дог как будто смутился, но уже через полчаса он успокоился. Позднее он все чаще прерывал Элистер и оборачивался к Алеку. Хотя он и не мог читать мыслей Алека, он отлично понимал все, что Алек говорил девушке. И через несколько дней она с этим примирилась, потому что, как оказалось, работа пошла лучше. Алек почти ничего не понимал в теории, которой оперировала Элистер, но у него была ясная и толковая голова. Он не был теоретиком, и это оказалось даже к лучшему. Он принадлежал к числу самородков, интуитивно схватывающих связь причин и следствий. Крошке нравилось сотрудничать с Алеком. Во всяком случае, Элистер все реже заходила в тупик, не понимая, что же Крошке нужно. Алек инстинктивно чувствовал, когда пора вернуться назад и отыскать поворот, от которого они пошли не тем путем. И мало-помалу они начали понимать, что же ищет Крошка. И почему он это ищет. Ключом ко всему послужил рассказ старика Деббила. Этого было достаточно, чтобы Алек построил гипотезу, объясняющую странное поведение собаки.

— Это случилось на сахарном заводике, — рассказал он Элистер. — Деббил позвал меня к лотку, по которому тростник загружается на конвейер.

— Басс, — сказал он мне. — Эта штука — опасная. — И он показал на загороженные решеткой катки, по которым двигался конвейер. Эти катки снабжены зубьями по десять дюймов каждый. Они захватывают полотно конвейера и тянут его. Шестерни старые, но крепкие, как черт знает что. А Деббил заметил, что вал одной из шестерен чуть покачивается.

— Не обращай внимания, дурачина, — сказал я ему.

— Нет, басс, — ответил он. — Посмотри на эту

штуку с зубьями. Она опасная. Сейчас увидишь. — И прежде чем я успел что-нибудь сделать, он открыл решетку и сунул руку в конвейер! И катки отрезали ему руку, чисто так, по самое плечо. Простите меня, ради бога, мисс Элистер.

— П-продолжайте, — ответила Элистер, уткнувшись носом в платок.

— Ну что ты будешь делать. Старик Деббил был слабоумным. Он и умер, как жил. Он был стар, его измучила малярия и слоновая болезнь, и организм его был так изношен, что даже доктор Тетфорд не смог его спасти. Но случилась странная штука. Когда он лежал при смерти и вся деревня собралась у его двери, шепотом обсуждая будущие поминки, он послал за мной. Я тут же прибежал, и при виде меня он радостно улыбнулся.

Алек рассказывал, а перед его глазами так и стояла глинобитная хижина, крытая пальмовыми листьями, освещенная газовой лампой, стоявшей на узком подоконнике, чтобы умирающему было светлее.

— Как ты себя чувствуешь, старина? — спросил я его.

— Басс, я уже мертвый, но у меня светло в голове.

— Говори, Деббил.

— Басс, люди говорят, старый Деббил не помнит вкуса манго, как только выбросит кожуру. Он не помнит свой дом, если не был в нем три дня.

— Они шутят, Деббил.

— Правду говорят, басс. Бог дал мне дырявый горшок для мозгов. Басс, я помню теперь только одно, ясно помню. Басс, ты должен знать. В тот день, когда я пошел по водяной трубке, в камнях у дворца губернатора я видел большого джамби.

— Кто такой джамби? — спросила миссис Форсайт.

— Дух, мэм. Островитяне очень суеверны. Крошка! Что с тобой, старина?

Крошка зарычал. Алек и Элистер переглянулись.

— Он не хочет, чтобы вы продолжали.

— Слушай внимательно. Я хочу, чтобы ты понял. Я твой друг. Я хочу помочь тебе, чтобы ты помог ему. Я понимаю — он не хочет, чтобы много людей об этом узнали. Я не скажу никому ни слова до тех пор, пока не получу разрешения.

— Ну как, Крошка?

Дог беспокойно переступал лапами, поворачивая голову то к Алеку, то к Элистер. Наконец он издал странный звук — словно согласился — и посмотрел на миссис Форсайт.

— Мама — это все равно, что я сама, — твердо сказала Элистер. — У тебя нет выбора. — Она наклонилась вперед. — Ты не можешь говорить с нами. Ты можешь только показать, что ты хотел бы сказать или сделать. Я полагаю, что рассказ Алека поможет нам понять, что тебе нужно, и побыстрее достать это. Понятно?

Крошка долго смотрел на нее, потом глубоко вздохнул и улегся, положив голову на передние лапы и уставившись на Алека.

— Думаю, что зажегся зеленый свет, — сказала миссис Форсайт. — И могу добавить — это в основном из-за того, что моя дочь считает вас замечательным парнем.

— Мама!

— Нет, голову даю на отсечение, что они оба покраснели! — безапелляционно заявила миссис Форсайт.

— Продолжай, Алек, — сказала Элистер, не глядя на него.

— Спасибо. Старик Деббил поведал мне чудесную историю о том, что он видел в развалинах. Их

встретило там чудовище неопишемых очертаний и с такой страшной мордой, что с ума можно сойти. Но старик уверял меня, что чудовище излучало доброту. Он сказал, что это было чудо, но он совсем не испугался. «Он весь мокрый был, басс, как слизняк, и глаза его вращались и сверкали, а я стоял там, как невеста перед алтарем, и не было во мне страха». Я подумал, что старик заговаривается — ведь мне было и без того известно, что он чокнутый. Но вся штука в том, что он ни разу не запнулся, не запутался, пока рассказывал мне об этом. И звучало все очень правдиво.

Он сказал, что Крошка подошел к чудовищу, и чудовище обволокло его, как океанская волна. Чудовище поглотило Крошку, а старик Деббил стоял как вкопанный неизвестно сколько времени, не ощущая никакого страха и не испытывая желания уйти. Он ничему не удивлялся, даже той штуке, которую заметил в чаше кустов у развалин.

Он сказал, что это была подлодка, величиной с большой дом в имени. И в ней не было ни отверстия, ни царапины, — только там, где у акулы находится рот, он заметил стеклянное окно.

А когда солнце склонилось к закату, чудовище вздрогнуло и откатилось, и из него вышел Крошка. Он подошел к Деббилу и остановился. Затем чудовище задрожало и зашаталось, и Деббил сказал, что даже воздух вокруг колыхался от попыток чудовища заговорить. В мозгу у Деббила помутнело, и он услышал голос: «Никому ни слова, ни единой живой душе». «Он велел забыть обо всем, басс. Он велел уйти оттуда и все забыть, басс». И прежде чем Деббил повернулся, чтобы уйти, он увидел, как чудовище рухнуло на землю замертво — так трудно дались ему эти слова. «И с тех пор в моей башке было облако,

басс. Теперь я мертвец, басс, и облако ушло, и Деббил все вспомнил»

Алек откинулся назад.

— Вот и все. Значит, это случилось полтора года назад, как раз перед тем, как Крошка начал проявлять необычайные способности.

Он глубоко вздохнул и посмотрел на женщин.

— Может, я слишком легковерен. Но я хорошо знал старика. Ему ни за что на свете не выдумать такую историю. После похорон я отправился к развалинам губернаторского дворца. Может, я и ошибаюсь, но в гуще кустарника я обнаружил следы какого-то большого предмета, утрамбовавшего землю футов на сто вокруг. Вот так. В конце концов я только пересказал вам то, что услышал от суеверного неграмотного старика, который был при смерти.

Наступило долгое молчание. Наконец Элистер, откинув назад пышные волосы, сказала:

— И вовсе это не Крошка. Это... существо вне Крошки.

Она пристально глядела на дога, и ее зрачки расширились.

— Хотя я и не имею ничего против этого.

— Старик Деббил тоже не имел ничего против, когда он его увидел, — серьезно сказал Алек.

— Чего мы тут кудахтаем? — вмешалась миссис Форсайт. — И не отвечайте. Молчите. Я сама отвечу. Мы можем, конечно, создать версию, в которую можно будет втиснуть факты, но мы все слишком рассудительные, чтобы на это решиться. Любая версия, которая не будет противоречить фактам, слишком для нас невероятна.

— Неплохо сказано, — усмехнулся Алек. — Так, может, вы поделитесь с нами своими соображениями?

— Дурачок, — пробормотала Элистер.

— Не груби, деточка. Конечно, я с удовольствием

поделюсь с вами, Алек. Я уверена — это господь бог в своей бесконечной мудрости решил, что Элистер пора образумиться, и, отлично сознавая, что сделать это можно лишь с помощью квазинаучного чуда, он придумал...

— В один прекрасный день, — ледяным тоном сказала Элистер, — я раз и навсегда избавлю тебя, мамочка, и от твоей разговорчивости, и от твоего чувства юмора.

Миссис Форсайт ухмыльнулась:

— Шутить так шутить, лапушка. И лучше всего шутить именно сейчас. Ненавижу, когда серьезные люди делают серьезные лица, потому что боятся заглянуть правде в глаза. А что ты думаешь, Алек?

Алек задумчиво потянул себя за ухо и сказал:

— Голосую за то, чтобы предоставить решение этой проблемы Крошке. Это уж его работа. Будем продолжать наши исследования и не забывать о том, что уже знаем.

И к их изумлению, Крошка подбежал к Алеку и лизнул его руку.

Решающий момент наступил через шесть недель после приезда Алека. Да, да, он остался на шесть недель и даже дольше. Ему пришлось проявить дьявольскую изобретательность, чтобы придумать столько нужных и неотложных дел в Нью-Йорке, которые бы задержали его так надолго. А через шесть недель он уже стал членом семьи, и ничего и не надо было придумывать. Алек изобрел для Крошки кодовую систему. Теперь он мог участвовать в их беседах. Алек объяснил необходимость в этом коде следующим образом: «Вот сидит он, мэм, как муха на стене, все видит, все слышит, а сказать ни слова не может. Поставьте себя на его место». Особенно устрашила такая

картина миссис Форсайт. Проникшись идеей Алека, они на целых четыре дня бросили работу, разрабатывая код. Им пришлось отказаться от мысли сшить специальную перчатку со вставленным карандашом, которую можно было бы надевать Крошке на лапу. Дог совершенно не был приспособлен к такой работе. Кроме того, он никак не мог понять написанных или напечатанных слов... если Элистер о них не думала.

Алек изобрел довольно простую систему. Для начала он вырезал из дерева различные фигуры — квадрат, круг и треугольник. Круг обозначал «да» или любую другую форму утверждения. Квадрат значил «нет» или отрицание. Треугольник означал вопрос или предложение сменить тему. Оказалось, что с помощью этих трех фигур Крошка может передавать массу информации. Как только определялась тема дискуссии, Крошка занимал позицию между кругом и квадратом, так что ему достаточно было повернуть голову, чтобы сказать «да» или «нет». Ушли в прошлое утомительные разговоры, когда нить беседы терялась и приходилось возвращаться назад, чтобы найти ее. Отныне разговоры проходили примерно так:

— Крошка, у меня к тебе вопрос. Надеюсь, ты не сочтешь его слишком личным. Ты разрешишь?

Это был, конечно, Алек, на редкость вежливый с собаками. Он всегда признавал за ними врожденную гордость.

«Да», — отвечал Крошка, повернув голову к кругу.

— Мы правы, полагая, что ты, собака, служишь лишь посредником в нашей беседе?

Крошка делал шаг в сторону треугольника.

— Ты хочешь сменить тему?

После некоторого колебания Крошка возвращался к квадрату.

«Нет».

Элистер сказала:

— Он явно хочет добиться чего-то от нас, прежде чем мы продолжим разговор. Так ведь, Крошка?

«Да».

В разговор вмешалась миссис Форсайт:

— Он уже пообедал и притом не курит. Значит, остается лишь предположить, что он просит нас сохранить тайну.

«Да».

— Отлично. Алек, ты молодец, — сказала Элистер. — Мама, перестань хихикать. Я только хотела...

— Хватит, доченька. Мужчины не нуждаются в разъяснениях.

— Спасибо, мэм, — серьезно сказал Алек, и в глазах у него вспыхнули веселые искорки. Затем он вновь повернулся к Крошке. — Ну и как же? Ты супердог?

«Нет».

— Так кто же... нет, на это он не ответит. Давай вернемся назад. Деббил рассказал правду?

«Да».

— Ага, — они переглянулись. — И где же это... чудовище? Все еще на Сан-Круа?

«Нет».

— Здесь?

«Да».

— Ты хочешь сказать — здесь, в этой комнате, в этом доме?

«Нет».

— Где-то поблизости?

«Да».

— Как же нам узнать где, чтобы не перебирать все по порядку? — спросил Алек.

— Я догадалась, — сказала миссис Форсайт. — Судя по рассказу Деббила, эта «подлодка» была довольно большой?

— Точно так, мэм.

— Отлично. Крошка, у него... у этого... его корабль тоже здесь?

«Да».

Миссис Форсайт развела руками.

— Все ясно. Поблизости есть только одно место, где можно спрятать такой предмет.

Она указала пальцем на западную стену дома.

— Река! — воскликнула Элистер. — Мы угадали, Крошка?

«Да».

И Крошка тут же подошел к треугольнику.

— Подожди, — сказал Алек. — Прости, ради бога, Крошка. Но у меня есть еще один вопрос. Вскоре после того, как ты перебрался в Нью-Йорк, случилась та история с компасами. Все они указывали на запад. Здесь был замешан его корабль?

«Да».

— Он двигался по воде?

«Нет».

— Так это же чистейшая научная фантастика! — сказала Элистер. — Алек, тебе в тропиках приходилось читать научную фантастику?

— Да, мисс Элистер, правда, нечасто. Но кое-что я читал. Космические корабли мне роднее ковра-самолета. Но наша ситуация мне не встречалась. Во всех рассказах, которые я читал, чудовище прилетает из космоса, чтобы убивать и покорять. А ведь я знаю, хоть и не могу объяснить почему, что нашему гостю ничего такого не пужно. Он вполне доброжелательно настроен.

— Я ощущаю то же самое, — задумчиво сказала миссис Форсайт. — Мне кажется, что нас окружает некое защитное облако. А у тебя есть такое чувство, Элистер?

— Я давно это чувствую, — убежденно сказала Элистер. Она задумчиво поглядела на дога. — Мне непо-

нятно только, почему он... или оно нам не показывается. Почему оно может общаться с нами, лишь прибегая к моей помощи? И почему для этого избрана именно я?

— Прежде всего из-за вашего знакомства с металлургией. А почему мы его ни разу не видели — ему лучше знать. Может, у него для этого есть веские причины.

День за днем, по крупнице они раздобывали и передавали чудовищу информацию. Многие еще оставались тайной, но, как ни странно, не возникало необходимости устранять Крошке допросы с пристрастием. Атмосфера доверия и доброжелательства, окружавшая их, была такова, что задавать вопросы казалось не только необязательным, но и нетактичным.

И вот понемногу, день за днем, умелые руки Алека создавали нужный чертеж. Он оказался отливкой, по внешнему виду довольно простой, но внутри было несколько переборок и камера. Судя по всему, в камере должен был находиться графитовый стержень. Помимо ввода для стержня, никаких отверстий, ведущих в камеру, не предусматривалось. Стержень вращался — что-то в самой камере приводило его в движение. Вокруг этого разгорелись жаркие споры.

— И зачем здесь переборки? — вздыхала Элистер, взлохмачивая свои огненные волосы. — Зачем графит? И к чему тут, скажите мне, вольфрам?

Алек долго разглядывал чертеж и вдруг стукнул себя по лбу.

— Крошка! Какой уровень радиации в камере? Там горячо?

«Да».

— Вот в чем штука, — сказал Алек, — Вольфрам нужен как защита от излучения. А отливка — для надежности изоляции. Переборки превращают прибор

в разрезе в меандр — видишь на стержне диски между перегородками?

— И единственное отверстие — ввод стержня! Да ведь мы не можем отлить такое сооружение из вольфрама! Может, чудовище на это и способно, но мы — нет! Если бы найти нужный флюс и получить достаточную мощность — но ведь глупо на это надеяться. Никто не занимается литьем вольфрама.

— И космического корабля нам тоже не построить. Но ведь должен быть выход!

— Не при наших возможностях и не с вольфрамом, — сказала Элистер. — Крошка считает, что это так же просто, как нам пойти в кондитерскую и заказать там свадебный пирог.

— А почему вам пришел в голову именно свадебный пирог?

— Алек, и ты тоже! Мало мне мамы? — Но все же она улыбнулась. — А что касается отливки, мне кажется, наш таинственный друг попал в положение радиолюбителя, который отлично разбирается в приемниках, знает, как они устроены и почему работают. Но вдруг перегорает лампа, а купить новую ему нигде. Единственный для него выход — сделать новую лампу. Я думаю, что чудовище старика Деббила находится именно в такой ситуации. Разве не так, Крошка? Я угадала, что твой друг нуждается в деталях, принцип действия которой он понимает, но которую не может сделать?

«Да».

— И ему надо достать ее на Земле?

«Да».

— А какие у него неполадки? — спросил Алек. — Не может набрать космическую скорость?

Крошка колебался с ответом. Потом повернулся к треугольнику.

— Или он не желает отвечать, или вопрос не по существу, — сказала Элистер. — Но это не играет роли. Главная наша проблема — отливка. Ее никак нельзя осуществить. И никто на всей планете, насколько я знаю, нам не поможет. Думаю, что я не ошибаюсь. Крошка, это обязательно должен быть вольфрам?

«Да».

— Для чего нужен вольфрам? Для защиты от радиации? — спросил Алек.

«Да».

— Нельзя ли чем-нибудь заменить вольфрам? — обернулся Алек к Элистер.

Она размышляла, глядя на чертеж.

— Можно кое-чем, — медленно сказала она. Крошка следил за ней, не отрывая глаз. Казалось, он съежился, когда она пожала плечами и сказала: — Но, чтобы достичь такого же эффекта, слой других изоляторов должен быть куда толще. Например, слой свинца в ярд толщиной может заменить вольфрам и будет обладать примерно такими же механическими данными, но сооружение явно получится слишком громоздким. Бериллий... — При этом слове Крошка сразу подошел к квадрату, что означало решительное «нет».

— Но, может, есть сплавы? — спросил Алек.

— Есть ли сплавы, Крошка?

Крошка подошел к треугольнику. Элистер кивнула:

— Ты не знаешь, и я ничего пока придумать не могу. Поговорю с доктором Наулендом. Может быть...

На следующий день Алек остался дома и, проведя время в веселых спорах с миссис Форсайт, одновременно смастерил решетку для вьющегося винограда. Элистер вернулась к вечеру и с порога радостно крикнула:

— Нашли! Нашли!

Она закружилась в вальсе.

— Алек! Крошка! Бегите сюда!

Все вместе они ворвались в кабинет. Не снимая зеленой шляпки с оранжевым, в тон волосам, пером, Элистер достала с полки четыре справочника, возбужденно приговаривая:

— Сплав золота с молибденом. Как тебе нравится, Крошка? Золото и молибден-III — вот что нам нужно! Послушай!

И она принялась излагать Крошке данные по абсорбции, формулы, преимущественно состоящие из греческих букв, и сравнительные цифры сопротивления материалов, пока у Алека голова не пошла кругом. Он сел в кресло, наблюдая за ней, но не вслушиваясь. Созерцание ее доставляло ему величайшее удовольствие.

Когда Элистер, наконец, замолчала, Крошка отошел от нее и лег на пол, глядя прямо перед собой.

— Ну и ну, — сказал Алек. — Смотри, какое чудо. Впервые Крошка над чем-то задумался.

— Ш-ш-ш, не мешай ему. Если этот сплав — то, что надо, а он раньше об этом не думал, ему нужно все обмозговать. Мы же не знаем, категориями какой фантастической науки он сейчас оперирует.

— Понимаю. Это все равно что... допустим, мы совершили вынужденную посадку в бразильских джунглях и нам требуется сделать новый гидравлический цилиндр для шасси. И тут является туземец и показывает нам кусок железного дерева, а нам надо решить, подойдет оно или нет.

— Примерно так, — прошептала Элистер. — Я... — Внезапно Крошка подпрыгнул, бросился к Элистер, принялся «целовать» ей руки, положил ладони ей на плечи (что ему строго запрещалось), потом подбежал

к деревянному кругу, означающему «да». Его хвост метался, как взбесившийся маятник.

В самый разгар суматохи появилась миссис Форсайт и строго спросила:

— Что здесь происходит? Кто обучил Крошку танцу живота? Чем вы его обкормили? Нет, ничего не говорите, дайте я сама... Неужто вы нашли? Ну, и что же вы теперь будете делать? Купите ему ступу и помело?

— О мама, мы нашли! Сплав золота и молибдена. Мы сможем его отлить в нужную форму.

— Молодец, лапушка, молодец. Вы всю эту штуку хотите отливать?

Она указала на чертеж.

— Конечно, а что?

— Н-да.

— Мама, разреши спросить, что означает твой тон?

— Можешь заодно и спросить, кто будет платить за эту штуку?

— Ну и что! Это же будет... Я... Ох! — в ее голосе звучало разочарование. Она наклонилась над чертежом. Алек подошел поближе и заглянул через ее плечо. Элистер быстро делала подсчеты в углу чертежа. Еще раз охнула и бессильно опустилась на стул.

— Сколько? — спросил Алек.

— Я дам точную смету к утру, — тихо сказала она. — У меня масса знакомых. Может быть, удастся достать все это подешевле. — Она в отчаянии смотрела на Крошку. Подойдя к ней, он положил голову ей на колени, а она потянула его за уши.

— Не бойся, мы тебя не бросим в беде, дорогой, — прошептала она.

На следующее утро она составила смету. Требо-

валось немногим больше тринадцати тысяч долларов.

Элистер и Алек грустно поглядели друг на друга, потом на собаку.

— Может, ты подскажешь нам, где достать столько денег? — спросила Элистер, будто надеялась, что Крошка вынет из кармана бумажник.

Крошка взвизгнул, лизнул руку Элистер, посмотрел на Алека и лег.

— Что же теперь? — размышлял вслух Алек.

— Теперь мы пойдем чего-нибудь перекусим, — сказала миссис Форсайт, направляясь к двери. Остальные собирались последовать за ней, но тут Крошка вскочил и преградил им дорогу. Он стоял в дверях и повизгивал. Когда они подошли ближе, он залаял.

— Ш-ш-ш. Что случилось, Крошка? Ты хочешь, чтобы мы задержались?

— Кто здесь хозяин? — пожелала узнать миссис Форсайт.

— Он хозяин, — ответил Алек за всех. Они снова сели. Миссис Форсайт на диван, Элистер за свой стол, Алек за чертежный стол. Но Крошке это расположение не понравилось. Он был очень взволнован, подбегал к Алеку, толкал его, бросался к Элистер, осторожно хватал зубами ее за кисть руки и тянул к Алеку.

— Что с тобой, старина?

— По-моему, он хочет вас поженить, — заметила миссис Форсайт.

— Чепуха, мама, — сказала Элистер, краснея. — Он хочет, чтобы мы с Алеком поменялись местами. Вот и все.

— Ага, — сказал Алек и сел рядом с миссис Форсайт. Элистер уселась за чертежную доску. Крошка положил лапу на край доски, указывая на стопку бумаги. Элистер с интересом посмотрела на дога и

взяла верхний лист. Крошка подвинул к ней носом карандаш.

Они ждали. Никому не хотелось говорить. Может быть, никто и не мог говорить, но они и не делали такой попытки. Постепенно напряжение сковало всех в комнате. Крошка замер посреди кабинета. Глаза его блестели, и когда у него, наконец, подкосились ноги, никто не подошел к нему.

Элистер медленно подняла карандаш. Движение ее руки напомнило Алеку слепого, ощупывающего стену. Карандаш медленно, толчками стал двигаться к верху листа и повис там. Лицо Элистер было совершенно бесстрастным.

Что произошло потом, никто из них не мог бы описать. С их глазами случилось то же, что раньше — с голосами. Они видели, но не понимали, что видят. И карандаш Элистер вновь начал двигаться. Что-то управляло ее мозгом — мозгом, а не рукой. Карандаш двигался все быстрее, и на листе появилось то, что впоследствии стали называть формулами Форсайт.

Тогда никто, разумеется, и не подозревал о фуре, который вызовут эти формулы, о миллионах слов, которые будут о них написаны, об удивлении, когда весь мир узнает, что у девушки, открывшей формулы, не было достаточных знаний в математике, чтобы их вывести. Вначале этих формул никто не понимал, да и позднее лишь несколько человек на Земле в них разобрались. А Элистер никогда не относилась к их числу.

В одном из популярных журналов была опубликована статья, автор которой до удивления близко подошел к раскрытию действительного смысла формул: «Формулы Форсайт, касающиеся, как пишут воскресные приложения к газетам, законов «соединения чего-то с ничем», и схемы, приложенные к ним, мало

что говорят широкому читателю. Можно быть лишь уверенным в том, что формулы раскрывают принципы действия некоего устройства. Назовем его источником энергии такого рода, что если нам удастся когда-нибудь им овладеть, то атомные станции можно будет списать, как устаревшие.

Источник энергии скрыт в оболочке, сделанной из материала, поглощающего нейтроны. Оболочка имеет внутренний и внешний «слой». В ней заключен стержень. Вероятнее всего, это устройство помещено во вращающееся магнитное поле. Источник энергии взаимодействует с магнитным полем. Вращаясь, «слой» оболочки приводят в движение стержень. Если не будет доказано, что формулы с математической точки зрения не выдерживают критики, — а нам представляется, что никому это пока еще не удалось сделать, несмотря на всю неортодоксальность математических методов, — возникающий эффект взаимодействия вращающегося поля и двух концентрических сфер, а также стержня не зависит от нагрузки. Другими словами, если магнитное поле вращается со скоростью 3000 оборотов в минуту, то и стержень будет вращаться с той же скоростью, даже если мощность, затрачиваемая на вращение магнитного поля, равна $\frac{1}{16}$ л. с., тогда как мощность, получаемая от устройства, равна 10 000 л. с.

Невероятно? Может быть. Хотя не более невероятно, чем истечение 15 ватт энергии в антенну радиостанции, тогда как взамен ничего не поступает. Ключ к проблеме таится в природе замкнутых сфер энергии внутри оболочки. Им присуща энергия, так же как пару — способность расширяться. Если же, как предположил Рейнхарт в своей работе «Использование символа в формулах Форсайт», эти сферы являют собой не что иное, как стабильную концентрацию чистой энергии, мы получаем в свое распоряжение источ-

ник энергии, о котором человечество и не могло мечтать. Создадим мы подобные двигатели или нет, но мы не можем отрицать, что, каковы бы ни были таинственные истоки формул Форсайт, они являются эпохальным даром нескольким наукам, включая, если уж на то пошло, и философию».

После того как все кончилось и формулы были записаны, страшное напряжение как рукой сняло. Три человека сидели в блаженном оцепенении, а собака лежала без чувств на ковре. Первой пришла в себя миссис Форсайт. Она неожиданно вскочила на ноги.

— Ну вот, — сказала она.

Казалось, эти слова разрушили колдовские чары. Все встало на свои места. Ни страха, ни неприятных ощущений. Они стояли, в изумлении глядя на испитый лист.

— Не понимаю, — пробормотала Элистер, как бы сразу отвечая на возможные вопросы. Затем: — Алек! Как же с отливкой? Мы должны ее сделать. Должны, чего бы это нам ни стоило.

— Я бы с удовольствием, — ответил Алек. — Но почему мы должны?

Она жестом указала на черную доску.

— Ведь он дал нам это.

— И не говори, — сказала миссис Форсайт. — А что это такое?

Элистер прижала ладонь к голове, и в ее глазах появилось странное, отсутствующее выражение. Этот взгляд, как и многое другое, беспокоил Алека. Она была сейчас не с ними, а в другом месте. И он понимал, что никогда, ни в коем случае ему не удастся побывать там вместе с нею.

Элистер сказала:

— Он... говорил со мной. Вы знаете об этом, да?

Мне это не кажется, Алек, мама?

— Я верю тебе, цыпленок, — мягко сказала миссис Форсайт. — Что ты хотела сказать?

— Я ухватила только самую суть. Всего мне не пересказать. Все дело в том, что он не может дать нам ничего материального. Его корабль полностью функционален, и ему нечего предложить нам в обмен за то, что он просит нас сделать. Но он дарит нам нечто весьма ценное... — Ее голос оборвался. Кажется, она прислушивается. — То, что мы можем использовать в нескольких аспектах. Это и новая наука, и новый путь к научным открытиям. Новые инструменты, новая математика.

— Но что же это, в конце концов? Зачем оно нужно? И как оно поможет нам наскрести денег на отливку?

— Ну, это произойдет не сразу, — решительно сказала Элистер. — Дар этот слишком велик. Сейчас мы даже не сможем понять его значения. И зачем спорить, мама? Неужели ты не понимаешь, что он не мог подарить нам никаких приборчиков? У нас же нет ни его техники, ни материалов, ни инструментов, и мы не сумеем построить ни одной из машин, которые он мог бы предложить нашему вниманию. Он сделал единственное, что было в его силах, — дал нам новую науку и способ понять ее.

— Правильно, — согласился Алек. — В самом деле, я ему верю... А вы, мэм?

— Ну, конечно же. Я думаю, что он — человечен. Я полагаю, у него есть чувство юмора и чувство справедливости, — твердо сказала миссис Форсайт. — Давайте подумаем. Мы должны собрать эти деньги. И почему бы нам их не собрать? По крайней мере у нас будет что вспоминать до конца жизни.

И они стали думать.

Вот какое письмо было получено через два месяца на острове Сан-Круа.

«Здравствуй, ягненочек!

Не падай в обморок. Все кончено.

Отливка прибыла. Мне тебя очень не хватало, но тебе ведь надо было уехать — и ты знаешь, как я рада, что ты уехала! Я сделала все, как ты велела, с помощью Крошки. Те люди, что дали мне лодку и согласились ею управлять, видно, решили, что я выжила из ума, и не скрывали этого. Представь себе, как только мы выплыли на середину реки и Крошка начал повизгивать и фырчать (это он подсказывал мне, что мы доплыли до нужного места), и я велела им выбросить отливку за борт, они начали настаивать, чтобы я открыла ящик. И привязались ко мне, хоть умри. Не хотели принимать участия ни в каких темных делишках. Обычно я в таких случаях становлюсь упрямой, но на этот раз, чтобы не тратить времени даром, я поддалась на их уговоры. Они были убеждены, что в ящике лежит труп! Когда же они увидели отливку, то так обалдели, что я отказалась от мысли обломать мой зонтик об их упрямые головы и просто расхохоталась. И тогда один из них заявил, что я спятила.

Долго ли коротко, но отливка ушла за борт. Только брызги полетели. А минуту спустя меня охватило приятное чувство — хотела бы я его тебе описать. Меня переполнило ощущение полного удовлетворения, благодарности и уж не знаю чего еще. Просто мне было хорошо, очень хорошо. Я взглянула на Крошку — он весь дрожал. Я думаю, он чувствовал то же, что и я. Я назвала бы это чувство физическим выражением глубокой благодарности. Я полагаю, что ты

можешь быть спокойна — чудовище Крошки получило то, что ему было нужно.

Но это еще не все. Я расплатилась с лодочниками и поднялась на берег. Что-то заставило меня остановиться, подождать и вернуться к самой кромке воды.

Был ранний вечер, вокруг — тишина. Казалось, я должна подчиниться какому-то приказу. Это не было неприятным, но нарушить приказ я бы не смогла. Я сидела на берегу и смотрела на воду. Вокруг ни души — лодка уплыла. Лишь шикарная прогулочная яхта была пришвартована в нескольких ярдах от меня. Я помню, какая царила тишина — на палубе яхты играла маленькая девочка, и я отчетливо слышала ее топоток.

Внезапно я увидела что-то в воде. Наверно, мне следовало бы испугаться, но почему-то я не испытывала никакого страха. Чем бы это ни было, я запомнила только, что оно было серым, большим, блестящим и совершенно бесформенным. И именно от него исходило ощущение благополучия и защищенности, охватившее меня. Оно смотрело на меня — я знаю, что смотрело, потому что у него был один глаз — большой глаз, внутри которого что-то крутилось. Нет, не могу описать. Как я хотела бы обладать писательским даром, чтобы донести до тебя мои ощущения! Я знаю, что, если исходить из человеческих представлений, чудовище было отвратительным. И если это и было чудовище Крошки, то я понимаю, как неприятно ему было сознавать, что оно может вызвать у людей отвращение. Но оно ошибалось — я чувствовала, что на самом деле оно очень хорошее.

И оно мне подмигнуло. Учти, не моргнуло, а подмигнуло. И затем все случилось сразу.

Существо исчезло, и тотчас же вода возле яхты взбурлила. Что-то серое и мокрое высунулось из во-

ды, и я поняла, что оно тянется к маленькой девочке. Совсем малышка, годика три. И такая же рыженькая, как ты. И чудовище шлепнуло девочку пониже спины так, что малышка свалилась в воду.

Можешь ты этому поверить? А я сидела там, смотрела и даже рта не раскрыла. Конечно, нет ничего хорошего, когда маленькие дети бухаются в глубокую воду. Но мне казалось, что В ЭТОМ НЕ БЫЛО НИЧЕГО ПЛОХОГО!

И вот, прежде чем я собралась с мыслями, Крошка рванулся, подобно мохнатой пуле, и бросился в воду. Меня всегда интересовало, зачем ему такие большие лапы? Теперь я это поняла. Это же не лапы, а лопасти весел! Раза два он гребанул лапами, схватил малышку за шиворот зубами и потащил ко мне. Элистер, ни одна живая душа не видела, как малышку столкнули в воду. Ни одна душа, кроме меня. Но на яхте был человек, который увидел, что девочка упала. Он тут же выскочил на палубу, принялся бегать и отдавать приказания. Но к тому времени, как они спустили на воду резиновую лодку, Крошка уже принес малышку ко мне. И она совсем не испугалась. Она решила, что все это — чудесная шутка! Очаровательная малышка!

Так вот, этот мужчина вышел на берег, весь в слезах, и, преисполненный благодарности, возжелал немедленно озолотить Крошку или сделать что-нибудь в этом роде. И тут он заметил меня. «Ваша собака?» — спросил он. Я ответила, что это собака моей дочери. А моя дочь уехала на остров Сан-Круа, потому что у нее медовый месяц. И прежде чем я успела его остановить, он вытащил чековую книжку и принялся в ней царапать. Он заявил, что знает таких, как я. Сказал, что я никогда не приму от него ничего для меня лично, но не смогу отказаться от подарка для моей дочери. В письмо я вкладываю чек.

Почему он написал 13 000 долларов, я не знаю. Во всяком случае, я полагаю, что деньги тебе пригодятся, а так как деньги эти тебе шлет в сущности чудовище Крошки, я думаю, ты сможешь их использовать. Теперь, я полагаю, мне пришло время кое в чем покаяться. Это была моя идея — предоставить Алеку раздобывать деньги на отливку, хотя ему и пришлось для этого истратить все свои сбережения и заложить дом, потому что, если он станет членом нашей семьи, ты ему сможешь заработать эти деньги. Правда, иногда, наблюдая за тобой, я сомневалась, стоило ли мне так отчаянно трудиться, чтобы вас поженить.

Итак, я полагаю, что на этом история с чудовищем Крошки завершилась. Конечно, осталось множество проблем, о которых мы, наверно, так никогда и не узнаем. Кое о чем я, правда, догадываюсь. Чудовище могло установить контакт с собакой, потому что контакт с человеком стоил бы ему слишком больших усилий. Очевидно, собаки обладают какими-то способностями к телепатии, хотя и не понимают многого из того, что им дает человек. Я не говорю по-французски, но, пожалуй, я смогу транскрибировать французскую фразу так, что любой француз ее прочтет. Примерно то же делал и Крошка. Чудовище передавало ему свои мысли и полностью контролировало его. Без сомнения, оно оказало воздействие на дога в тот день, когда старик Деббил взял щенка с собой на холм. А когда чудовище услышало, как доктор Швелленбах говорит о тебе, и смогло мысленно уловить твой образ, оно с помощью пса заставило тебя заняться его проблемой. Очевидно, чудовище пользовалось мысленными образами. Иначе как бы Крошка мог отличать одну книгу от другой, раз он не умеет читать? Ведь ты же представляешь себе все, о чем думаешь. Ты согласна со мной? Я полагаю, моя теория нисколько не хуже любой другой.

Тебе, наверно, будет любопытно узнать, что прошлой ночью все компасы в окрестностях в течение двух часов указывали на запад! Пока, несмышлениш. Продолжай пребывать в счастливом состоянии.

Любящая тебя (поцелуй Алека)

мама

P.S. А что, Сан-Круа — подходящее место для медового месяца? Джек (это тот человек, который написал чек) становится очень сентиментальным. И он ужасно похож на твоего отца. Он вдовец и... впрочем, я ничего не знаю. Он говорит, что нас свела судьба (или что-то вроде этого). Уверяет, что и не собирался подниматься на яхте по реке со своей внучкой, но что-то заставило его изменить планы. Он совершенно не представляет, почему пришвартовался именно в этом месте. Просто ему там понравилось. Может быть, это судьба. Он такой душка. Дай бог, чтобы я забыла, как чудовище подмигнуло мне из реки».

Когда фермер заметил его, расстояние было слишком велико. Кроме того, дневной свет уже тускнел, и видимость сохранялась только в открытом поле. Но все-таки Транк отложил в сторону мотыгу и не сводил взгляда с рощицы, где только что скрылось странное существо.

Жилище Транка стояло в стороне от остальных. Дорога в поселок не проходила через рощицу, в которой скрылся неизвестный. Но кем же он мог быть? Охотником? Немыслимо. Жителем поселка? Немыслимо. Кому из них придет в голову здесь бродить... да еще красоваться в таком чудном наряде? Может быть... может быть, это нездешний...

Нездешний. Это слово вертелось в голове у фермера, когда, взяв мотыгу, он пошел домой. Нездешний. Может быть, он заблудился в этой глуши. Но почему он прячется? А может, это беглец, из тех, кто скрывается от правосудия. Однако... это снаряжение... и лицо, такое странное даже издали...

Транк шагал между бороздами, а его собака бежала за ним следом. Животное тревожилось, и фермер, не останавливаясь, наклонился, чтобы погладить ее. Нездешний. Да, наверняка нездешний. Может быть, это кто-нибудь из городских чудаков, из тех, что любят сворачивать с дороги, чтобы на свежем воздухе провести минутку наедине со своей подружкой. Впрочем, будь это так, оттуда наверняка донесся бы шум мотора, а Транк ничего не слышал.

Транк отклонился было от своего маршрута, приблизился к опушке рощи, чтобы поискать, не осталось

ли каких следов. Но вдруг он передумал. В конце концов, какое ему до всего этого дело?

Он заторопился к своему жилищу. Солнце опускалось за горы. Подойдя с мотыгой на плече к двери, он понял, что всю дорогу, не переставая; думал о загадочном незнакомце. Он направился в кухню, чтобы плеснуть себе в лицо свежей водой из чана и утолить жажду. С мокрым лицом он вышел во двор, и на минуту его взгляд задержался на жене, выходящей из загона. Она буркнула приветствие, но Транк не слышал ее. Это снаряжение... и главное — лицо, странное даже издали...

Он решительно снял ружье, висевшее в углу на стене, но повесил обратно, даже не проверив заряда. Какую глупость он чуть было не совершил! Какое ему дело до того, кто скрывается в роще? У этого чудака есть на то свои причины, если только он не совсем сумасшедший. И потом, наверное, это так и есть: городской чудаки решил под вечер со своей девушкой совершить вылазку на лоно природы.

Ружье осталось висеть на стене, в темном углу. Но все же... мысль о любовной прогулке не вполне убедила Транка. Ему показалось, что он окончательно решил загадку, но где-то в глубине мозга у него вдруг снова возник образ, увиденный на одну-две секунды на опушке рощицы: странное снаряжение, а главное — странное лицо, такое странное даже издали...

Ужинали молча. Жена дважды упрекнула Транка в невнимании, так как он не ответил на ее вопросы. И вдруг фермер резко встал, еще не прожевав последний кусок: он решил немедленно пойти в рощицу.

Он снова снял со стены ружье. Проверил заряд и решительно направился к выходу. И тут он увидел чужаков. Их было двое. Один шагах в пятидесяти, другой, в таком же снаряжении — совсем возле двора.

Мрачное, свинцовое, почти ночное освещение

позволило Транку рассмотреть это ужасное существо во всех подробностях. По спине у него пробежали мурашки. Действительно, все было похоже: круглый подбородок, над ним сжатые губы, еще выше — почти треугольный выступ носа, лоб... Похоже все, кроме глаз. В сущности, даже глаза были похожие. Но... но на лице у этого кошмарного существа их было ТОЛЬКО ДВА!

— Называйте их как хотите, — сказал Текс Харриган. — Потерянные, заблудшие, чокнутые или, скажем, непризнанные гении, — я знаю их столько, что ими можно было бы заселить целую палату в сумасшедшем доме. Я много лет был репортером и нагляделся на таких.

— Назовите хоть одного, — попросил я, чувствуя, что Харриган как раз в подходящем настроении.

— Ну, хоть Тэдиес Макилвейн.

— Никогда про такого не слышал.

— Конечно, — сказал Харриган. — Но я его знал. Это был чудаковатый старик, денег у него едва хватало на три его страсти: он играл в карты и в шахматы в трактирчике Биксби на Северной улице; увлекался астрономией; и еще была у него навязчивая идея, что жизнь существует не только на нашей планете и с обитателями других планет можно как-то связаться. Правда, в отличие от прочих он не только об этом говорил, но даже придумывал какие-то причудливые механизмы.

Ну вот, у этого старика было трое дружков, с которыми он играл у Биксби. Им он и рассказывал, как у него подвигаются дела со звездами и общение с жителями других планет, а дружки, насколько я знаю, превесело над ним подшучивали. Он покорно сносил насмешки — наверно, потому, что больше ему не с кем было поделиться. Так вот, в первый раз я про него услышал однажды утром, когда меня вызвал к себе редактор отдела городской хроники — тогда это был старый Билл Хендерсон — и говорит: «Харриган, мы только что узнали о некоем Тэдиесе Макилвейне,

вроде бы он открыл новую звезду. Этот астроном-любитель живет на Северной улице. В общем, разыщите его и дайте очерк».

И я отправился в путь.

Настала великая минута в жизни Тэдиеса Макилвейна. Он с важным видом уселся, поправил очки и уставился на присутствующих, как всегда, поверх стекла — ни дать, ни взять разгневанный учитель или просто сварливый старикашка.

— Я своего добился, — объявил он негромко.

— Да? А чего именно? — брюзгливо спросил Александер.

— Я открыл новую звезду.

— Ах вот как, — равнодушно откликнулся Леопольд. — Просто тебе соринка в глаз попала.

— Она находится чуть правее Арктура, — продолжал Макилвейн, — и, похоже, приближается к Земле.

— Передай ей от меня привет, — криво улыбнулся Ричардсон. — Ты уже придумал ей имя? Или теперь открыватели новых звезд не дают им названий? Звезда Макилвейна — звучит недурно. Есть чем любоваться вечерами, когда больше нечего делать.

Макилвейн только усмехнулся.

— Это темная звезда, — сказал он, помолчав. — Она не светится. — Он говорил, точно извиняясь. — Хочу установить с нею связь.

— Вот это да! — сказал Александер.

— Сдавай! — сказал Леопольд.

Так приняли великую новость о звезде Макилвейна его друзья-приятели. И потом весь вечер Макилвейн покорно играл в юкр. А Ричардсону пришлось в голову, что надо сообщить об открытии в газету.

— Старик Макилвейн принимал все это всерьез, — продолжал Харриган, — и в то же время как-то очень стеснялся. Понимаете, создавалось впечатление, что он так долго старался открыть свою звезду, что теперь уж и сам с трудом в нее верил. Но звезда существовала. Он очень пространно и подробно рассказывал мне, как все произошло — случайно, как всегда бывает. Такие случаи — не редкость, и его рассказ звучал вполне убедительно. И все-таки в глубине души я ему не поверил. Я, конечно, все записал, как положено, и снимал старика, убежденный, что фотографии нам не понадобятся.

По правде говоря, я таскал свои заметки в кармане два дня, и только потом мне пришло на ум, что ведь можно позвонить в Обсерваторию в штате Висконсин. Позвонил, и они подтвердили, что такая звезда появилась. Газета напечатала очерк о Макилвейне и не пожалела красок.

Через две недели Макилвейн снова дал о себе знать...

В тот вечер старик казался еще более застенчивым, чем всегда. Он ничуть не походил на человека, который готовится объявить очень важную новость. Он бочком вошел к Биксби и нерешительно приблизился к столику, где сидели его друзья.

— Славный вечерок, прямо как летом, — негромко заметил он.

Ричардсон буркнул что-то себе под нос.

— Кстати, Мак, что случилось с твоей звездой? — спросил Леопольд. — Ну, с той самой, про которую писали в газете.

— Мне кажется... — осторожно начал Макилвейн. — Я даже уверен... Я установил с ними связь.

Только вот беда... — Он озабоченно наморщил лоб. — Я не понимаю их языка.

— А, ну тогда ты должен сказать им, что это твоя звезда и им теперь придется говорить по-английски, чтобы ты их понимал, — язвительно заметил Ричардсон. — Вот увидите, мы и опомниться не успеем, как ты обзаведешься ракетой или космическим кораблем, умчишься на эту свою звезду и станешь там у них королем или вроде того.

— Король Тэдиес Первый! — торжественно провозгласил Александер. — Эй вы, звездные жители, можете облобызать стопы вашего короля!

— Ну, это было бы довольно противно, — нахмурился Макилвейн.

Бедняга! Они битый час изводили его своими шуточками! Наконец он ушел домой, уселся перед телескопом и еще раз отыскал свою звезду — она стала такая большая, что могла бы затмить Арктур и не затмила лишь потому, что уже отошла в сторону от этой янтарной звезды.

Да, несомненно, звезда Макилвейна намного приблизилась к Земле.

Макилвейн снова попытался связаться с ней по самодельному радио и снова услышал ритмическую звуковую гамму — конечно, это была речь; хоть и необычная, но речь — какой-то скрип, скрежет, ничего общего с человеческой речью. Звуки то повышались, то понижались, в них звучало нетерпение, настойчивость, отчаяние — Макилвейн чувствовал это и изо всех сил старался понять.

Он просидел у радио часа два и вдруг совершенно ясно услышал, что кто-то говорит с ним на его родном языке. Но из приемника теперь не раздавалось ни звука. Макилвейн не сразу понял, что произошло: очевидно, обитателям его звезды удалось освоить

английский язык простейшим способом — они читают его мысли и могут теперь объясняться с ним.

«Какие существа населяют Землю?» — поинтересовались они.

Макилвейн рассказал. Он мысленно представил себе человека и попытался обрисовать его словами. Это было трудно — ведь он не мог избавиться от ощущения, что его собеседники нисколько не похожи на людей.

Оказалось, они понятия не имеют о человеке и очень сомневаются, что подобные существа могут обитать на какой-либо другой звезде. На Алголе живут разумные растения, на Денеболе — муравьи, на Бетельгейзе — шестиногие и четырехрукие существа, наполовину минералы, наполовину растения, и нигде нет ничего похожего на людей.

«Вы, верно, единственные в своем роде во всей Вселенной», — сказал его межзвездный собеседник.

— А какие же вы? — с необычным для него пылом воскликнул Макилвейн.

Ответом ему было молчание, но вскоре в сознании его возник на удивление яркий образ. Ничего подобного Макилвейн в жизни не видел: это были тысячи и тысячи крошечных существ, совершенно неведомых человечеству; они напоминали водоплавающих насекомых — чешуйчатые, четвероногие, с узкой удлинённой головой и большими глазами, с зачатками крыльев, похожих на крылья жука, и усиками, как у бабочки. Странно, но Макилвейн не мог отличить там детей от стариков; все они, казалось, были одного возраста.

— Это не так, но мы регулярно омолаживаемся, — сказал его собеседник в ответ на мысль Макилвейна.

«А есть ли у них имена?» — подумал Макилвейн.

— Меня зовут Гуру, — сказал обитатель звезды, — а тебя — Макилвейн.

«А какая у них цивилизация?»

И тотчас перед мысленным взором Макилвейна встали огромные города, что высились, как ему показалось, в пустыне, ибо человеческий глаз не мог различить здесь ни дерева, ни мха, ни травинки. Глыбы зданий без окон, лишь с крохотными входными отверстиями, через которые туда проникали их крохотные обитатели. Внутреннее убранство жилищ говорило о высокой и древней культуре.

— Понимаете, Макилвейн во все это искренне верил. Богатейшее у него было воображение! Ну, понятно, его друзья у Биксби вволю над ним потешались; уж не знаю, как, но он это терпел. И продолжал туда ходить. Ричардсон снова позвонил к нам в редакцию; он просто с наслаждением выставлял Макилвейна на посмешище. И меня опять послали поговорить со стариком.

— Он, несомненно, во все это верит, и, однако, не похоже, что он сумасшедший.

— Но ведь все эти насекомоподобные обитатели звезды прямо соскочили со страниц Уэллса, правда? — заметил я.

— И Уэллса, и многих других фантастов, — согласился Харриган. — Но Уэллс, кажется, первый предположил, что на Марсе живут насекомоподобные; правда, он считал, что они покрупнее.

— И что же дальше?

— Ну, я долго говорил с Макилвейном. Он рассказал мне о цивилизации на этой звезде и о своем друге Гуру. Можно было подумать, что он говорит о соседе, с которым я могу познакомиться в любую минуту.

Потом я заглянул к Биксби и потолковал там с его приятелями. Ричардсон открыл мне один секрет. Он

решил подсоединиться к аппарату Макилвейна и назвать себя Гуру. Он собирался еще злее обычного подшутить над стариком, а потом, когда тот поверит, что говорил со своей звездой, вечером у Биксби они потешатся на славу!

Но все вышло по-другому...

— Макилвейн, вы меня слышите? — спросил Ричардсон.

Макилвейн вздрогнул от изумления. Облик Гуру потускнел перед его мысленным взором, а голос, говоривший по-английски, звучал так ясно и громко, словно был где-то рядом.

— Да, слышу, — нерешительно ответил Макилвейн.

— Ну, тогда слушайте. Это я, Гуру. Вы дали нам достаточно сведений, теперь мы можем осуществить то, что задумали: в ближайшие двадцать четыре часа мы, обитатели Аали, начнем истребительную войну против Земли.

— Но почему?! — вскричал потрясенный Макилвейн.

Облик Гуру опять четко возник в сознании Макилвейна. Его холодные черты были явно искажены гневом.

— Нам мешают, — сказал Гуру. — Отойди от аппарата, а мы пустим в ход дезинтеграторы.

Макилвейн отошел, но успел заметить, что к передатчику на той далекой звезде подключили какой-то более мощный механизм.

— Макилвейн рассказывал нам, что через несколько мгновений за его окном вспыхнул ослепительный свет, — продолжал Харриган. — В тот же миг в

окошечке его аппарата тоже появилась яркая вспышка. Едва опомнившись, Макилвейн тотчас выбежал из дому поглядеть, что случилось. И увидел под окном всего лишь кучку серой пыли, точно кто-то чистил здесь пылесос. Он вернулся к себе и внимательно оглядел все пространство между окном и аппаратом. Там он обнаружил еще две еле различимые полоски пыли, которые протянулись от аппарата к окну.

Естественно было бы предположить, что там побывал Ричардсон, а полоски пыли — все, что осталось от проводов, которые он подсоединил к микрофону аппарата Макилвейна, пока звездочет беседовал у Биксби с двумя остальными приятелями. Но я не сочинитель, я только пересказываю факты, а вся соль в том, что с того вечера Ричардсон исчез.

— Вы, конечно, провели расследование? — спросил я.

Харриган кивнул.

— И не я один. Полиция, правда, не очень старалась. В Чикаго в то время передрались две шайки гангстеров, и у полиции хлопот хватало, тем более что Ричардсон был не бог весть какое важное лицо, да и влиятельных друзей у него не оказалось. Родственники заботились только о том, чтобы получить после него наследство, и, честно говоря, судьба Ричардсона волновала одних только его собутыльников, в том числе и Макилвейна.

А уж старику досталось! В доме у него все перевернули вверх дном. Перекопали двор и погреб и самого допросили с пристрастием, в полной уверенности, что он как нельзя лучше подходит им для роли обвиняемого в убийстве. Но найти ничего не удалось, никаких улик не оказалось — не фабриковать же их, если нельзя даже доказать, что Макилвейн знал, как Ричардсон собирался над ним подшутить.

Да и возле дома Макилвейна Ричардсона никто не видал. Один лишь Макилвейн утверждал, что он слышал то, что слышал, но его слова — еще не доказательство. Он мог бы этого и не говорить, но сказал. Полиция решила, что он просто безвредный чудака, и его отпустили. А вот что случилось с Ричардсоном — остается загадкой по сей день.

— Бывает, что люди просто уезжают и не возвращаются, — сказал я.

— Бывает. Но Ричардсон ничего подобного не сделал. Или уж он уехал в чем был, ровно ничего с собой не взяв? Все его пожитки остались у него дома.

— А что было дальше с Макилвейном?

Харриган усмехнулся.

— Он жил как прежде. Да никто и не ожидал перемен. Всю свою жизнь он мечтал вступить в контакт с другими мирами, и теперь, когда это ему удалось, он вовсе не собирался от этого отказываться, хотя исчезновение Ричардсона очень его огорчило. Сначала он верил, что Гуру действительно уничтожил беднягу, и даже пытался объяснить это другим, но к тому времени пыль под окном исчезла, и все только посмеялись над стариком. Так что он вновь занялся своим аппаратом и Гуру, а вечерами по-прежнему ходил к Биксби...

— Что нового на твоей звезде? — спросил Леопольд, когда Макилвейн вошел в трактир.

— Они собираются меня омолодить, — ответил Макилвейн и застенчиво улыбнулся, но видно было, что он доволен.

— То есть как? — кисло переспросил Александер.

— Они говорят, что могут сделать меня опять молодым. Как они сами там, на звезде. Они не умн-

рают. Живут долго, потом омолаживаются и начинают все сначала. Так уж они устроены.

— Так что же, они намерены спуститься сюда, забрать тебя и там у себя обработать? — спросил Александер.

— Нет, Гуру говорит, в этом нет нужды. Можно обойтись при помощи аппарата. Он может им служить и дезинтегратором, и чем угодно. И они сделают меня двадцатилетним или тридцатилетним, как я захочу.

— Что ж, я и сам бы не прочь снова стать двадцатилетним, — признался Леопольд.

— Вот что, Мак, — сказал Александер. — Давай-ка попробуй. Потом придешь и расскажешь нам, что из этого вышло. Если получится, мы все тоже пробуем.

— На всякий случай, составь сначала завещание.

— Я уже составил. Только что.

Леопольд с трудом удержался от смеха.

— Не принимай все это уж очень всерьез. В конце концов, одного мы уже потеряли. Жаль будет лишиться и тебя.

Макилвейн был тронут.

— Ничего со мной не случится, я только помолодею, — поспешно заверил он друзей. — Они все делают при помощи аппарата, и кутру я стану молодым.

— Наверно, тебе пересадят обезьяньи железки, — усмехнулся Александер.

— Эти жучки на твоей звезде, видно, мастаки по части науки, — сказал Леопольд.

— Они вовсе не жучки, — не без досады возразил Макилвейн. — Они люди, может и не такие, как мы с вами, а все равно люди.

В тот вечер он отправился домой, полный надежд. Он сделал все, к чему стремился, и теперь готов был

снова стать молодым. Гуру очень удивился, узнавши, что земляне просто умирают, когда этого можно было бы избежать, и сам предложил омолодить Макилвейна.

Макилвейн уселся перед своим аппаратом и поворачивал всевозможные рычажки и нажимал кнопки до тех пор, пока не установил связь со своей темной звездой. Ждал он, как ему показалось, очень долго; наконец перед его умственным взором появился Гуру.

— Ты готов? — беззвучно спросил он.

— Да. Вполне готов, — отвечал Макилвейн, дрожа от нетерпения.

— Не волнуйся, — сказал Гуру. — Это займет несколько часов.

— Я не волнуюсь, — ответил Макилвейн.

Он и правда не волновался. Восторженно, как верующий чуда ждал он того, что, конечно же, станет величайшим событием в его скучной жизни.

— Исчезновение Макилвейна вслед за исчезновением Ричардсона было отличной темой для газетчиков, — сказал Харриган. — Одно плохо: когда об этом узнали в «Глобе», все это уже не было новостью. Прежде нам обо всем сообщал Ричардсон, но мы его лишились; а Леопольду или Александеру и в голову не пришло позвонить нам или кому-либо еще и сказать, что Макилвейн почему-то не появляется больше у Биксби. В конце концов Леопольд отправился к Макилвейну домой узнать, не заболел ли старик.

Дверь открыл молодой человек.

— Где Макилвейн? — спросил Леопольд.

— Это я, — ответил тот.

— Мне нужен Тэдиес Макилвейн, — пояснил Леопольд.

— Это я и есть, — был ответ.

— Мне нужен Тэдиес Макилвейн, который играл с нами в карты у Биксби, — сказал Леопольд.

Молодой человек покачал головой.

— Простите, тогда вам нужен кто-то другой.

— А что вы здесь делаете? — спросил Леопольд.

— Этот дом достался мне в наследство от дяди, — сказал молодой Макилвейн.

И верно, так оно и было. Леопольд рассказал мне все это, уговорил пойти с ним к адвокату Макилвейна, — и там выяснилось, что старик написал завещание и оставил все имущество своему племяннику и тезке. Все пункты завещания были предельно ясны, и среди условий было четко выраженное распоряжение, что если с ним, Тэдиесом Макилвейном старшим, что-нибудь случится, что бы это ни было, а в особенности если смерть его останется недоказанной, племянник должен немедленно вступить во владение всем имуществом дяди.

— Ну ясно, вы наткнулись на племянника, — сказал я.

Харриган кивнул.

— Конечно. Видимо, так и было задумано. Это предназначалось для прессы и для полиции. Рассказ племянника не вызывал ни малейших подозрений. Все было ясно и понятно, кроме разве двух-трех мелких подробностей. Макилвейн младший не сказал, откуда он приехал, только вскользь упомянул Детройт. Я позвонил туда приятелю, который работал в одной детройтской газете, и попросил разузнать там, на месте, о Тэдиесе Макилвейне; он отыскал его следы, но тот оказался не племянником, а дядей Макилвейна, хотя описание в точности подходило и к племяннику.

— Значит, он был похож на старика?

— Да, очень. Легко себе представить, что старый Макилвейн в молодости был именно таким. Только

вы не верьте в эту чепуху насчет омоложения. Когда племянник вступил в права наследства, он первым делом сломал дядюшкин аппарат. Можете ли вы хоть на секунду допустить, чтобы старик Макилвейн сделал нечто подобное?

Я покачал головой, но поневоле подумал: а что если в этом рассказе есть хоть зерно истины, только старика не просто омолодили, а послали назад во времени? Тогда он ничего не может знать об аппарате и о том, зачем он нужен — вот ведь какая насмешка судьбы! И насмешка не только над Макилвейном, но и над обитателями его звезды: ведь они, конечно, надеялись и впредь общаться с Землей и не поняли, что аппарат, построенный Макилвейном, очень мало похож на их машины.

Племянник разбил эту машинку вдребезги. Сказал, что понятия не имеет, для чего она нужна и что с ней делать.

— А телескоп?

— Нет, телескоп он не тронул. Сказал, что немножко интересуется астрономией и займется ею, если будет время.

— Значит, это у них семейное увлечение.

— Да. И мало того: старик Макилвейн всегда казался застенчивым и робким. И таков же племянник. Уж не знаю, откуда он взялся, но, видно, родня у него не из тех, кем можно гордиться. Похоже, что он их стыдится. Возможно, он родом из горных районов Кентукки. Современные понятия, видно, не для него, он застрял где-то в начале века.

Мне пришлось видеться с ним не один раз. Полиция, конечно, потормошила его, но не слишком: он явно ни в чем не был замешан, и от него скоро отстали. Да и старика искали не очень долго: с того последнего вечера у Биксби никто его не видел, а так как все давно уже считали его немного не в своем

уме, то и решили — наверно, он совсем потерял память, вот и забрел куда-нибудь, а как вернуться домой — не знает. Адвокат Барневол, составивший его завещание, сказал, что старик, видимо, предвидел такую возможность и потому вдруг поспешил привести в порядок бумаги.

— Я его от души пожалел.

— Кого?

— Племянника. Он казался каким-то растерянным... ну, как человек, который силится что-то вспомнить и никак не может. Я это замечал всякий раз, как пытался с ним поговорить; все время было такое ощущение, будто он отчаянно старается собраться с мыслями, но не может найти связи и не находит слов. Он очень старался, но ничего не получалось.

— Ну и что с ним теперь?

— Все еще живет тут. Кажется, нашел себе какую-то работу. Да я видел его только вчера. Он, видимо, шел с работы и остановился перед трактирчиком Биксби, прижался лицом к витрине и глядит. Я подошел, постоял рядом. За столиком сидели Леопольд и Александер — два одиноких старика — и смотрели на улицу. А одинокий молодой человек смотрел на них с улицы. В лице у него было что-то... я уже не раз видел это выражение... будто ему непременно надо что-то узнать, вспомнить, сделать или сказать, но он никак не может сообразить, что же именно с ним произошло.

— Или произойдет, — невесело усмехнулся я.

— Как угодно, — ответил Харриган. — Налейте-ка мне еще. — Я налил, и он выпил. — Бедняга! — пробормотал он. — Ему было бы гораздо лучше там, откуда он явился.

— Это можно сказать и о любом из нас, — сказал я. — Но никто никогда не возвращается. А Макилвейну, может быть, и вовсе некуда идти.

— Вы бы так и решили, если бы только видели его лицо, когда он смотрел на Леопольда и Александра. Впрочем, может, это мне просто почудилось — ведь свет уличных фонарей обманчив. Но я никак не могу забыть это лицо и все думаю — до чего же они похожи; старик Макилвейн, когда он так отчаянно старался найти хоть одного человека, кто бы ему поверил, и его племянник, который так же отчаянно ищет кого-нибудь, кто бы его принял, или жаждет отыскать хоть какой-нибудь уголок, где он почувствовал бы себя как дома.

Межзвездный корабль пробил облака и, готовясь к приземлению, начал описывать круги над пустынным плоскогорьем.

Иклес, пилот корабля, имел вполне конкретное задание: получить для своей базы на планете Уплон информацию об умственном развитии землян. Для этого он согласно инструкции должен был вступить в общение с двумя людьми, находящимися на двух полюсах человеческого общества: с пастухом Мартином Ромеро, жившим близ испанского города Сория, на равнине, по которой течет река Дуэро, и с Германом Руффом, всемирно известным финансистом, владельцем заводов и трестов, президентом могущественных компаний и главным вкладчиком многих банков.

Иклес быстро установил, где находится пастбище, на котором пас овец Мартин. А пастух между тем уже добрых десять минут наблюдал за движением летающего блюдца. Овцы испуганно сбились вокруг Мартина, а собака надрывно лаяла.

— Да замолчи ты, Султан, чепуха все это, — успокоил Мартин собаку.

Корабль мягко приземлился. Иклес увидел Мартина — накинув на плечи рваный плащ, пастух сидел перед своим убогим шалашом и раздувал жар полупогасшего костра.

Пришелец из космоса был удивлен спокойствием пастуха — он ожидал встретить страх или восхищение, а Мартин спокойно придерживал яростно лаявшего Султана.

— Добрый вечер, — приветствовал пастуха Иклес.

— Вечер добрый, — отозвался Мартин. — Присаживайтесь к огоньку — сейчас не жарко.

Ошеломленный пилот последовал его совету. «Да он дурак, наверное», — подумал Иклес и громко спросил Мартина:

— Ты знаешь, откуда я?

— Я так думаю, что издалека, — ответил пастух.

— Видишь вон ту звезду? А я прилетел со звезды, которая еще дальше.

Мартин почесал небритый подбородок и ответил гостю:

— Я всегда думал, что там, наверху, живут люди.

— Как получилось, что ты стал об этом думать?

— У пастуха много свободного времени, думай, сколько хочешь.

— И часто ты думаешь? — спросил Иклес тоном, в котором явно звучала ирония.

— Частенько. Время тянется медленно, а занять его чем-то надо...

— Можешь мне рассказать, о чем ты думаешь?

— Почему не могу? Вот игры придумываю разные.

И он стал выкладывать камешками на земле квадрат, который разделил потом на два равных треугольника. Иклес с любопытством следил за его движениями. Когда он увидел, как Мартин делит прямые углы диагоналями, брови пилота от изумления поползли вверх: пастух доказывал теорему, которую земляне называют теоремой Пифагора!

Наконец Мартин взглянул на Иклеса и, улыбнувшись, сказал:

— Ведь как интересно получается: сложить эти два квадрата, что поменьше, и выйдет один большой.

И он показал на квадрат, построенный на гипотенузе треугольника.

— Ты изучал когда-нибудь геометрию? — воскликнул Иклес.

Мартин снова почесал подбородок.

— Геометрию? А что это? Нет, не слыхал про такое. В школу ходил мальчишкой, читать и писать умею и считаю немножко.

Иклес не верил своим глазам: этот мудрый невежда самостоятельно, без чьей-либо помощи доказал теорему, увековечившую имя великого ученого!

Пастух протянул пилоту кусок хлеба и сыр. Иклес, взяв их, спросил:

— Какими же еще играми ты развлекаешься в одиночестве?

Мартин снова начал раскладывать камешки, но теперь — на большом расстоянии один от другого. Просто, но умно он изложил своими словами суть теории относительности и закончил так:

— Длина, ширина и высота — это далеко не все. Есть еще одна мера, а может, и много других...

Иклес был потрясен.

— Ты слышал когда-нибудь об Эйнштейне?

— Не слыхал, сеньор. А кто это такой?

У пилота не оставалось больше сомнений: этот землянин с его интуитивным знанием высшей математики был гением.

Из задумчивости его вывел голос пастуха:

— В первый раз сюда спускаетесь?

— Я в первый, но другие спускались и раньше.

— А что ж мы их не видели?

— Они прилетали на Землю больше тридцати миллионов лет назад, и следы их пребывания не исчезли по сей день. На плоскогорье в Андах, на границе между Перу и Боливией, они воздвигли огромные сооружения. В долине реки Наска остался гигантский космодром, где приземлялись и взлетали их корабли. Эти существа, мои предки, построили город, куда

можно было пройти через глубокое ущелье только по мосту из света, точнее — из ионизированного вещества, появлявшегося по их желанию. В конце концов они вернулись на мою планету, Уплон, оставив на Земле множество следов своего пребывания. Оплавленный песок, который можно видеть в некоторых местах вашей пустыни Гоби, — память об их атомных взрывах. До вас дошли остатки их календарей, географических карт, мер, которыми они пользовались, а вы и не подозреваете даже, каково их происхождение.

— Ну, а вы зачем к нам прилетели? — спросил Мартин.

— Познакомиться с вами, узнать вас. Я должен побывать еще у одного жителя Земли — Германа Руффа.

Герман Руфф, Герман Руфф... Пастух наморщил лоб. Имя было знакомое... и он вспомнил:

— А, знаю. Читал про него в газете. Большой человек.

— Умный?

— Еще бы!

— Умнее тебя?

— Сравнили тоже! Я — бедный пастух, без образования...

Иклес ничего не сказал. Он уже принял решение немедленно отправиться в обратный путь. Если у этого землянина, прозябающего в неизвестности и нищете, столь могучий мозг, то каковы же должны быть способности Германа Руффа!

Попрощавшись с пастухом, он вернулся на корабль, который двумя минутами позже поглотило ночное небо.

А в это самое время знаменитый Герман Руфф пил виски в своем фешенебельном клубе. За весь этот день его мозг не родил ни одной мысли — по той

простой причине, что был к этому совершенно не способен. День он начал с посещения финской бани и парикмахерской. Позавтракал, потом сел в машину, затем последовали аперитив и второй завтрак в модном ресторане. Во второй половине дня — скачки, а потом спектакль, показавшийся ему смертельно скучным, и в заключение — приятное общество, которое он осчастливил набором банальностей и общих мест, а также несколькими фразами о международных делах, вычитанных им из какого-то журнала.

Герман Руфф был глуп как пробка. Инженеры, техники, специалисты в самых различных областях вели его дела и управляли его заводами, обеспечивая их почти автоматическое функционирование. Своим влиянием, престижем, славой он был обязан исключительно деньгам, приобретенным когда-то его прадедом не слишком честными путями.

Пришелец из космоса вынес, таким образом, совершенно ложное представление о жителях Земли. Он не знал простой истины: «Я — это я и мои обстоятельства».

Мартин Ромеро был гений, которого страшные, роковые, беспощадные обстоятельства (его происхождение) сделали пастухом и обрекли на жизнь среди овец и овчарок. Что же касается Германа Руффа, то его жизнь предопределили другие обстоятельства, которым — и ничему другому — был он обязан своим сказочным богатством и славой.

Вернувшись на свою базу, Иклес доложил: «Земля населена существами с колоссальными способностями, способностями, настолько выдающимися, что тех, кто достигает всего лишь уровня гения, отправляют пасти овец».

Владо и Том тупо озирались по сторонам. На Оранжевой поляне, в десятке метров от бывшего склада, среди груд растерзанных консервных банок и распотрошенной аппаратуры валялась, сыто позевывая, целая шайка этих существ. Они похлопывали себя по вздувшимся животам и, поглядывая на космонавтов, дружелюбно скалились.

— Ну, как вы могли это сделать, как? — простонал Владо.

— Кхак! К-к-кха-ак! — попытались они повторить незнакомое сочетание звуков. Потом раздалось клотанье-хохот.

— Еще и веселятся! — прорычал Том.

Эти слова были встречены новым взрывом хохота. Космонавтам только и оставалось что молчать — величественно и глупо. Последний удар. Экспедиция завершалась фарсом.

Совсем недавно Владо и Том были в теплой компании — среди своих товарищей по межгалактической экспедиции, направлявшейся к созвездию Саламандры. Пассажиры в огромной ракете находились в условиях полного космического комфорта. И, быть может, Том и Владо тайком от командира продолжали бы играть в своей каюте в шестьдесят шесть, как их научил археолог Бак, если бы ракета не прошла в нескольких миллионах парсек от этой проклятой планеты.

В тот роковой день приборы установили поразительное сходство тамошних условий с земными. Ура,

тут есть жизнь! Абсорбционно-гравитационный спектр недвусмысленно говорил об этом. Может быть, здесь, наконец, мы встретим братьев по разуму? Совет экспедиции решил послать Влаго и Тома в транспортно-реверсивной субракете на новооткрытое небесное тело: пусть они исследуют его. На обратном пути за ними заедут.

Оба очень волновались. Представляли себе встречу с колоссальной неведомой цивилизацией и умирали от нетерпения. Пока шла подготовка к отлету, они пытались представить себе, как выглядят эти разумные существа. Обоим снились странные, фантастические сны. Влаго прогуливался по террасе наклонной башни в сто этажей с очаровательной восьмиугой дамой, а Том вел философские диспуты с бородавчатым, пучеглазым кактусом.

Разумеется, оба лихорадочно рылись в богатой стереофонобиблиотеке ракеты, чтобы вспомнить основные виды космической флоры и фауны. Эти сведения несколько охлаждали их пыл.

— Вспомни, что сказал Старик, — говорил Том. — Нам придется собирать травку для Межгалактического гербария и проводить дегустацию кулинарных блюд с местными лакомками.

Они настраивали себя так, чтобы потом не разочароваться. Но и Влаго, и его друг надеялись, что планета не обманет их. Они даже дали ей ласковое имя Лиляна в честь приятельницы Влаго — космического метеоролога, отправленной на далекий астероид АБВГДЖ.

И все же они были застигнуты врасплох. Ракета опустилась (прилилянилась?) на маленькой, уютной полянке. Том и Влаго чувствовали себя совсем как на загородной прогулке, если бы не оранжевый цвет травы. Не прошло и часа, как они разбили постоян-

ный лагерь: собрали домик, склад для провизии, склад для аппаратуры.

— Пошли? — спросил Владо, сгорая от нетерпения.

— Как хочешь, — ответил Том. — Можем и остаться немного, позагорать под тремя ультразелеными солнцами.

Но видно было, что ему тоже не хочется отдыхать, просто неудобно проявлять чрезмерное любопытство.

— Позагораем в пути, — отрезал Владо.

Они пошли на восток. Четверо суток они не видели ничего особенного, если не считать двух летающих кротов и еще чего-то, похожего не то на растение, не то на животное.

Наконец, когда они уже отчаялись найти какое-нибудь разумное существо, в кустах рядом с ними что-то зашуршало, и оттуда высунулась голова с открытым ртом.

— Обезьяна! — радостно воскликнул Том.

Ветки затрещали, и на поляну вылезло крупное, косматое существо. Оно неуклюже стояло на задних лапах, а в передних держало толстый обломанный сук. Опершись на свою палицу, оно вытянуло трубочкой губы и дунуло на пришельцев.

— Очень приятно, — сказал ошеломленный Владо.

— Как поживаете? — любезно осведомился Том.

Лилянец запыхтел и замигал. Вид у него был странный, словно его собрали из отдельных запчастей для обезьяны и человека.

— Да-а! Официальная встреча состоялась. Духовой оркестр придется разогнать за отсутствием дирижера. Он родится через несколько миллионов лет, — печально констатировал Том.

— Мы немного поторопились, — мрачно согласился Владо. — Здесь еще обезьяны.

— Это уже не обезьяна, но еще и не человек, — уточнил Том.

— Лучше бы была просто обезьяна.

— Почему?

— Потому, что если бы обезьяна рассердилась и напала на нас, можно было бы защищаться; а с этими нельзя воевать, верно?

— Что же нам делать, пока не вернутся наши?

— Том! — перебил его Владо. — А как же наш лагерь?

Том понял все. Что, если первобытные лилянцы учуяли, где склад? Он быстро направил в ту сторону рефлектор видеографа. Экран засветился, на нем появилась Оранжевая поляна. Но она уже не была пустой. У транспортно-реверсивной субракеты и складов резвилось и скакало с дюжину обезьяноподобных обитателей планеты. Они перебрасывались каким-то предметом и весело покрикивали гортанными голосами. Играли во что-то среднее между баскетболом и травяным хоккеем.

— Что они делают? — спросил Том, не отрывая взгляда от экрана.

— Не могу понять, — ответил Владо. — Усиль звук!

Том завертел верньеры, и к нечленораздельным крикам лилянцев добавились явственно слышимые земные ругательства.

— Электронный мозг! — в ужасе вскричал Владо.

Обладающий интеллектом восемнадцати оксфордских профессоров вкупе с тремя членами-корреспондентами Академии наук, электронный мозг был в руках у дикарей! Он не мог стерпеть такого унижения. Он и не стерпел: что-то в нем щелкнуло, и он понес какую-то чушь. Потом он словно очнулся, с присущим ему механическим хладнокровием произнес несколько ла-

тинских сентенций о бренности земной (то есть лилянской) жизни — и умолк навсегда.

— Скорей назад! — крикнул Том, и оба на предельной скорости помчались обратно. Во время коротких передышек они включали видеограф. Так они стали бессильными свидетелями гибели аппаратуры для подбора и анализа космической информации, потом универсальной походной машины для чистки обуви УПМЧО-2 и пылесоса для космической пыли.

И вот, добежав до поляны, Том и Владо, как уже было сказано выше, наткнулись на пустые консервные банки со сгущенным молоком, на раздавленные тюбики с питательной пастой и самое страшное — на покореженную последнюю модель завода по выпуску кибернетических кулинарных агрегатов «Здоровая пища».

— Теперь нам придется стряпать самим, пока не прилетят наши, — сказал Владо.

— У тебя есть хоть какое-нибудь понятие о том, как это делается? — спросил Том.

— Никогда не задумывался. Наверно, это не так уж сложно.

— Ошибаешься. Мой дядя был известным конструктором кулинарных машин. Он говорил, что для этого нужны врожденные способности.

Владо взглянул на него с надеждой:

— А ты не чувствуешь наследственного предрасположения?

— Я не чувствую ничего, кроме голода, — честно признался Том.

— В ракете есть ящик с концентратами, — заметил Владо.

Б-р-р-р! — красноречиво отозвался Том.

Бр-р-р-р! Бр-р-р-р! — повторили лилянцы и залились глупым смехом.

Чаша терпения у Тома переполнилась.

— Хорошо! — решительно проговорил Том. — Очень хорошо! Вы мне за все заплатите!

— Что ты задумал? — встревожился Владо.

Том обернулся к нему. В глазах у него пылал мрачный огонь.

— Не мешай! — отрезал он. — Они разбудили во мне зверя.

— Ясно, ясно. Зов предков, голос джунглей, древние инстинкты и все такое, — любезно согласился Владо. — Не понимаю только, что ты придумал. Перекусать их?

Том, не отвечая, быстро укреплял у себя на спине портативный ракетный ранец. Лилянцы и Владо с любопытством следили за ним.

— Вернусь через два дня! — крикнул Том и улетел в неизвестном направлении.

Том вернулся, когда Владо еще дремал. Не снимая гермоскафандра, он рухнул на койку и лишь тогда посмотрел на Владо.

— Спи спокойно. Мы отомщены!

— Что ты натворил? — сонно спросил Владо.

— О! Ничего особенного, — многозначительно ответил Том и засмеялся.

— Говори сейчас же, что ты наделал?

— Я уже сказал. Отомстил за все! Пусть я несколько месяцев посижу на этих противных пилюлях, но и они меня запомнят!

— Кто, пилюли?

— Не говори глупостей! Ты отлично понимаешь, что я имею в виду этих наших приятелей.

Владо вскочил.

— Что ты сделал?

— Кое-что ужасное, страшное, отчего кровь застывает в жилах! Гениальная месть! Сам Люцифер локти

себе кусать будет! Они меня вспомнят через несколько миллионов лет!

Том снова попробовал зловеще засмеяться. Получилось недурно.

— Да расскажешь ли ты, наконец? — взревел Владо.

— Расскажу, — спокойно ответил Том. — Ты помнишь большую пещеру на восточном берегу? Хорошо помнишь? Ну, так вот. Там я нарисовал множество наскальных картинок в стиле Уолта Диснея. Вырезал их ультразвуковым пистолетом. А на большом плоском камне, где мы с тобой загорали, я универсальными несмываемыми красками нарисовал сцену охоты: десятки лилянцев окружили огромный чайник. А в радиусе сотни метров зарыл вещицы из фарфора.

— Откуда они у тебя?

— Разве ты забыл, что я никогда не расставался с коллекцией древних фарфоровых пепельниц середины XX века?

— Мамочка! — только и мог сказать Владо.

— Потом я тщательно выбрал подходящие местечки и вырезал на камне надписи. Постарался припомнить все виды письменности. Там есть и клинопись, и иероглифы, а под конец я даже расписался «чертами и резами», как говорится в ваших древних летописях.

Владо молчал.

— Вот и все! — с удовлетворением заметил Том. — Теперь у них никогда не будет правильного представления о своем прошлом. Подумай только: десятки тысяч палеонтологов, археологов, искусствоведов, историков и всех прочих будут ломать себе головы при виде этих «древних памятников»! И это всего через каких-нибудь несколько миллионов лет! — Он снова засмеялся.

Снаружи, на поляне, резвились беспечные лиянцы. В открытый люк доносился веселый гомон. Лиянцы еще ничего не подозревали.

— Я вам покажу, как пожирать чужую провизию, — пригрозил им Том. — Вот увидите!

И, немного помолчав, добавил:

— Только через несколько миллионов лет.

(исключительно для землян)

Я прибыл на Землю со специальным заданием с одной из планет далекой-далекой звездной системы. Была весна, воздух пьянил и... Нет, об этом лучше потом.

Род мой — один из древнейших в моем мире. Границы нашего имения протянулись на миллиард километров... Уф, наконец-то я расстался с ней — с родимой планетой Г!

Когда я родился, мой отец, высокочтимый Грфхв... Ладно, не будем его тревожить. Так вот: мой отец не придумал ничего лучше, как назвать меня Гр. Ну и имечко — почище вашего Кохонсио! У нас в семье все оригиналы, начиная с моего прадедушки Г-1, который во время еды становится игуанодоном высотой в пятнадцать метров и длиной в тридцать (чтобы он уместился в доме, приходится приподнимать свод), и кончая моим серьезным и бородатым родителем, который в противоположность ему в часы еды превращается в грибок дидиниум, такой маленький, что увидеть его можно только под микроскопом. И такие чудные у нас все!

Мы, гратсы, по достижении определенного возраста получаем право принимать любой облик, какой только захотим. До этого мы все одинаковые, и если бы кому-нибудь из вас довелось увидеть нашего ребенка, то позже, уже отбежав на приличное расстояние и отдышавшись, он наверняка подумал бы: «Ну и страсть!» — потому что детей наших, с их мешками и складками и торчащими во все стороны волосами, можно представить себе разве только в страшном сне.

Развлечений на Г нет, потому что в них там никто

не нуждается: веселье, смех, изобретательность, фантазия так же чужды характеру гратса, как чужды они земной кошке, попавшей в ледяную воду. Это мир тоскливых, планета смертельной скуки, без театров, без футбольных матчей, без ипподромов — в общем, без ничего! У нас нет даже времен года: на нашей планете всегда одна и та же температура, и так как в кислороде мы не нуждаемся, мы обходимся без цветов, рек и солнца. Хотя нет: солнце есть, только искусственное, и оно светит нам тусклым светом.

На Землю я прибыл в обличье землянина — точная копия, хотя и из резины. Но где же тогда был я сам, наверняка спросите вы. Там и был, смешанный с резиной. Не только психически, но и физически, я был во всех ее атомах. Вас интересует, в чем состояло мое специальное задание? Да всего-навсего в том, чтобы подготовить почву для предстоящего вторжения гратсов (на Г нам уже становилось тесновато). Соответствующее решение было, по предложению его гратского величества Высочайшего главара всей системы, подвергнуто краткому обсуждению на заседании Совета главарей, где мой отец, дедушка и прадедушка имеют немалый вес. Предлагались проекты один гнуснее другого. Был здесь и я, Гр, которому благодаря его выдающимся способностям выпала честь сделать первый шаг. Как это должно было произойти? Да очень просто: здесь — ампула с бактериями, там — неожиданная война... Короче, сущие пустяки. Помню речь, которую прадедушка-игуанодон произнес перед самым моим отбытием, и помню одобрителное похрюкивание моего семейства и всех Высоких главарей. Можно было считать, что Земля уже у нас в кармане.

Я приступил к обстоятельному изучению жизни землян — явно более обстоятельному, нежели этого требовала моя миссия. Я побывал во множестве го-

родов и насмотрелся там разного, и это меня погубило! Поэтому оставил я свой народ, Высочайшего, бороду отца, чешую прадеда, свою женушку, нашего с ней сына, такого же толстого и безобразного, как сго мать, и пр. и пр. Одним словом, все и вся. Сам того не сознавая, я начал преобразаться внутренне, стал все более и более уподобляться землянам. Впервые я поймал себя на этом в Париже, когда загляделся на женские ножки и понял: мне это нравится! Потом в Севилье, когда впервые попробовал напиток богов — херес; и на солнечных Гавайях, и в Италии, когда расплакался как дурак во время фильма, в котором дети коллекционируют кресты... Я пришел в ужас, когда осознал происшедшую во мне перемену!

Не помню, говорил ли я вам, что дурное настроение — обычное состояние гратса? Увы, это так. Гратсы всегда раздражены и недовольны, всегда хмурят лоб и смотрят искоса. Все гратсы, независимо от возраста, неприятны в обращении. Даже собаки у них — существа с отвратительным характером.

Так вот я и болтался, не зная, что делать дальше. Разумеется, я регулярно передавал сообщения (свой корабль я оставил на невидимой стороне Луны и для связи пользовался карманным передатчиком). Все сообщения были одинаковые: **СОБИРАЮ ИНФОРМАЦИЮ ТЧК ЖДИТЕ НОВЫХ СВЕДЕНИЙ**. Первые два слова — сущая правда, остальное — только чтобы выиграть время.

Питание не составляло для меня никакой проблемы: ел я в основном мокрую землю. Однако с течением времени я приохотился к пище людей, она нравилась мне больше и больше, изменила постепенно весь мой обмен веществ — и я почувствовал немалое облегчение. Деньги меня не интересовали: все, что мне было нужно, я доставал даром (не спрашивайте

как, все равно не скажу). Появилась у меня и невеста, чарующая и пылкая, но потом она меня бросила. Несмотря на все мои старания, проклятый характер гратса проявлялся в самые неподходящие моменты — как тогда, на пляже, но это уже из другой оперы.

Что делать? Покинуть Землю, оставив ее агонизирующей, готовой принять безжалостных гратсов, или... Передо мной стояла дилемма, и откладывать решение было нельзя: на Г начнут удивляться моей бездеятельности, пошлют на Землю Хмурого инспектора, и тогда уж конец всему...

Найти решение мне помогли маленькая девочка и веселое плутовство землян (я обратил на него внимание сразу по прибытии на Землю). Это произошло в Мадриде, в вагоне метро. Вагон был полон, маленькая девочка стояла прямо передо мной, и я ее хорошенько рассмотрел. Любуясь ее нежным личиком и золотистыми волосами, я почувствовал, как меня вновь захлестывает волна отвращения к насупленным и волосатым детям гратсов. В руках у девочки было несколько книжек, и когда она выходила из вагона, то выронила их в толкотне, и они попадали на пол. По ним прошли те, кто выходил, потом те, кто входил, и девочка не успела их подобрать. Я решил, что найду ее и возвращу их — для гратса это проще простого. Я поднял книжки, стал их перелистывать — и вдруг наткнулся на решение! Это были дешевые научно-фантастические издания для детей, где герои-земляне, не знающие поражений, совершают в космосе невероятные подвиги. Если бы стало известно, что земляне в своей эволюции достигли таких высот, на Г началась бы паника. Нужно было хотя бы одно доказательство этому, одно подтверждение, одно свидетельство... Они его получили. Сообщение, полученное его гратским и пр., выглядело примерно так:

ВТОРЖЕНИЕ НЕВОЗМОЖНО ТЧК ЗЕМЛЯНЕ
МОГУЩЕСТВЕННЫЕ СВЕРХЦИВИЛИЗОВАННЫЕ
ТЧК СОСТОЯНИИ УНИЧТОЖИТЬ НАС МОМЕН-
ТАЛЬНО ТЧК ОБНАРУЖЕННЫЙ ЛУНЕ КОРАБЛЬ
ЗАХВАЧЕН ТЧК ЗАДЕРЖАН ЗПТ БУДУ СУДИМ
ШПИОНАЖ ЗПТ КАЗНЕН ТЧК ПЕРЕДОВЫЕ
ОТРЯДЫ ЗЕМЛЯН ДОСТИГЛИ АНДРОМЕДЫ
ТЧК ПРЕКРАТИТЕ ПОЛЕТЫ ТЧК ПАТРУЛИ ЗЕМ-
ЛЯН ПОСТОЯННО НАБЛЮДАЮТ КОСМОС ЗПТ
ВООРУЖЕНИЕ ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ТЧК КОМАН-
ДУЕТ СУПЕРМЕН МЕЖПЛАНЕТНЫХ ВООРУ-
ЖЕННЫХ СИЛ МЕКСИКИ ЗПТ ДИЕГО ВАЛОР
ДЕ ЛАС РЕАЛЕС МЕЖПЛАНЕТНЫХ ВООРУ-
ЖЕННЫХ СИЛ ИСПАНИИ ЗПТ ДРУГИЕ ТЧК РА-
ДОСТЬЮ ЖЕРТВУЮ ЖИЗНЬЮ ВО СЛАВУ Г ТЧК

Вот и все. Я уничтожил свой корабль — и они по-
верили. Для сверхразумных гратсы чуточку простова-
таты. Я остался на Земле и живу как король (зем-
ной). Мучает меня только одно: я никак не могу
совсем избавиться от проклятого дурного настрое-
ния — наследия гратсов. Я много думал, как этому
помочь. Я изменюсь, изменюсь совсем (вот для чего
написана эта «Исповедь») и сделаю это, придя в са-
мое лучшее настроение, какое только бывает. Сделаю
я это с мыслью о детях — о детях, которые, сами того
не зная, спасли свою любимую, любящую и прекрас-
ную Землю. Ради них я изменюсь — навсегда.

Чуть не забыл: зовите меня впредь Дональдом
Даком*.

---

* Утенок Дональд Дак — один из главных героев мультипли-
кационных фильмов Уолта Диснея. — *Прим. перев.*

— Добро пожаловать на Проклятую, лейтенант! — капитан-администратор Лайонел Преллен протянул руку новоприбывшему.

Лейтенант-космотехник Синклер сделал вид, что не замечает протянутой руки, и сухо поздоровался.

— Насколько я понимаю, Администрация космических территорий на Проклятой попросила Флот помочь им в монтаже посадочной сети и субкосмического маяка, чтобы дать возможность лайнеру ФТЛ совершить посадку?

— Верно, — согласился Преллен. — Мы хотим высадить Весьма Важную Персону, находящуюся сейчас на этом лайнере. А вы, кажется, обладатели единственной сети, которую можно здесь смонтировать в сроки, приемлемые для того, чтобы остановить этот лайнер и благополучно посадить его.

Лейтенант в раздумье взглянул на капитана:

— В соответствии с этой просьбой адмирал Мэлк откомандировал космический корабль «Джемми» с тем, чтобы он вышел на орбиту вокруг Проклятой и переправил сюда конструкционные элементы сети, генераторы и оборудование маяка для сборки на поверхности планеты. Договорились о том, что вы будете обеспечивать необходимые условия и рабочую силу, а я — руководить сборкой и оказывать техническую помощь.

— Отлично! — воскликнул Преллен. — О лучшем договоре мы не могли и мечтать. Но, кажется, вы, лейтенант, не очень довольны этим?

— Раз уж вы спросили, капитан, ответу — радости тут действительно мало. Сейчас наш Флот занят

одним неотложным делом, и отрывать от него «Джемини» на целых двадцать дней — пока не смонтируют вашу посадочную сеть, — на мой взгляд, никак не вяжется с идеей максимального использования ресурсов.

Преллен пожал плечами:

— Но в таком случае Флот должен был сразу же отказаться. Ведь в конце-то концов это была лишь просьба о межведомственной помощи.

— Адмирал полагал, что эта просьба законна — в том случае, если важность операции оправдывает расходы и убытки. Но у него не было возможности судить о деле по существу. Я хотел бы задать вопрос вам, капитан; оправданна ли эта просьба?

— Я думаю, да! — спокойно ответил Преллен. — К счастью, я не обязан отчитываться в этом ни перед вами, ни перед адмиралом Мэлком. Я ответствен лишь перед Управлением космических территорий, находящимся на Земле. Но раз уж вы коснулись этой темы, скажу вам, что Весьма Важная Персона, в высадке которой мы заинтересованы, — это первый посол Земли на Проклятой.

— Посол? — Синклер постарался превозмочь чувство недоверия. — Капитан, поправьте меня, если я ошибаюсь, но ведь в «Космическом справочнике» Проклятая отнесена к планетам, где нет достаточно разумных форм жизни, с которыми можно было бы установить какие-то социологические контакты или хоть какое-то понимание.

— И вы, и «Космический справочник» ошибаетесь, — сказал Преллен. Он вернулся к своему столу и устало сел за него. — Страшно ошибаетесь. На Проклятой существует в высшей степени разумная форма жизни — мы даже еще не знаем, насколько разумная, но она вполне может оказаться несравненно разумнее нас с вами. Вся беда в том, что первоначальные оценки выводились по шкале Маннешена,

основанной на земных критериях разумности. А здешняя форма жизни никак не соотносима с земными. В сущности, с земной точки зрения она полностью неразумна.

— Однако вы считаете ее разумной?

— Безусловно, если рассматривать разум в более широком аспекте — как способность сознательно управлять окружающей средой, то эти Незнакомцы, как мы их называем, по меньшей мере равны нам. Как или почему они управляют окружающей их средой, пока что вне нашего разума, но отрицать, что они могут и делают это, мы не можем. Вот почему Проклятая заслуживает посла. Итак, лейтенант, теперь я жду от вас однозначного ответа: получу ли я посадочную сеть и маяк?

— Вы их получите, — коротко ответил Синклер. — Это дело решенное. Но пришлось всесторонне изучить вашу просьбу. Если бы она оказалась не вполне оправданной, адмирал Мэлк переправил бы все это на Землю для рассмотрения.

— Вы хотите сказать, что адмирал использовал бы эту ситуацию для своих межведомственных интриг? — зло спросил Преллен.

Синклер пропустил это мимо ушей:

— Утром прибудет первый транспорт с запасными деталями, и сразу можно будет начинать работы. А пока я хотел бы обследовать участок строительства.

— Я свяжу вас с нашим начальником инженерно-строительной службы, — сказал Преллен. — Он поможет вам буквально во всем. Но как быть с вами? Вы обоснуетесь на «Джемини»?

— К сожалению, нет. Мне придется постоянно находиться здесь — пока задание не будет выполнено.

— В таком случае я предложу вам каюту на борту «С. В. Максвелла» — скромного корабля нашей

базы. Конечно, это не совсем то, что принято у вас на Флоте, но удобнее, чем сборный барак.

— На Флоте... — начал было Синклер, но передумал.

— Я знаю, как это принято на Флоте, — сказал Преллен, — но хочу довести до вашего сведения, что на Проклятой долгими шумными ночами вы будете рады тому, что вас отделяет от внешнего мира оболочка космического корабля.

— С удовольствием воспользуюсь вашим гостеприимством, — без энтузиазма ответил Синклер. — Не сомневаюсь, что Проклятая принесет мне гораздо больше неожиданностей, чем отмечено в «Космическом справочнике».

— Вы могли бы смело сказать «в сто раз больше», — заметил Преллен, — и лишь чуть-чуть приблизились бы к истине.

Если у Синклера в глубине души и были какие-то сомнения насчет прибежища на «Максвелле», то уже вечером, в десять минут одиннадцатого по проклятскому времени, от них ничего не осталось. Презрев офицерскую кают-компанию, Синклер присмотрел себе радиорубку и провел там весь вечер, корпя над составлением и зашифровкой сообщения адмиралу Мэлку и над подготовкой графика работ для «Джемини». Покончив с делами, он вернулся в отведенную ему каюту и стал готовиться ко сну. Внезапно он услышал скрежет, будто что-то скользнуло вниз по наружной оболочке корабля, затем послышалось тяжелое «клоп-клоп», — по-видимому, это «что-то», топоча и громяхая, опять взбиралось вверх. Поразмыслив, Синклер в недоумении пожал плечами, решил, что с инцидентом покончено, и почти совсем уже лег, как вдруг все опять повторилось. На сей раз

протопали вниз, а проскрежетали вверх. Затем последовали звуки вовсе необъяснимые, а ощущение было такое, будто корабль мягко покачивали, слегка приподнимая и опуская его на амортизаторы.

Хотя, судя по всему, команде угрожало страшное бедствие, Синклер не заметил и намек на панику или чрезвычайное положение, так что он решил разузнать, в чем дело. Распахивая дверь, он столкнулся с Энтоном Уолдом, космопсихологом, с которым его познакомил за обедом.

— Ага, — воскликнул Уолд. — А я как раз шел сказать вам, чтобы вы не волновались.

— Что же происходит?

— Это всего лишь Незнакомцы, — произнес Уолд.

— А что они, нападают?

— Не думаю. Откровенно говоря, я не знаю, что они делают. Они время от времени занимаются этим — и неизвестно, зачем. Наверное, это доставляет им какое-то удовольствие, а нам это не вредит, так что пусть их!

Синклер был ошарашен:

— Вы хотите сказать, что даже не выставяете караульных, чтобы их отгонять?

— Мы и не собираемся их отгонять. Мы здесь для того, чтобы их изучать.

— Но ведь они разнесут корабль на куски!

— Нет, — ответил Уолд. — Как ни странно, но они действительно ничего не портят, нисколько! Даже следов не оставляют.

— Да, но шум...

— Ну и что? — Уолд пожал плечами. — Что же нам, по-вашему, делать? Выйти и перестрелять с дюжину? Конечно, они — чужаки, но с таким уровнем интеллекта, что если мы на них нападём, это ничем не оправдаешь. Во всяком случае, мне кажется, если бы они захотели на нас напасть, то сделали бы это

так, что мы и защищаться бы не смогли. Лично я бы не стал затевать перестрелку с этими Незнакомцами.

— Ясно, — ответил Синклер. Но по его голосу чувствовалось, что ему ничегошеньки не ясно. Он вернулся в каюту, запер дверь и примирился с мыслью о бессонной ночи. Какой бы таинственный ритуал ни совершали Незнакомцы на фюзеляже корабля, производимые ими при этом звуки, несомненно, были неотъемлемой частью этого ритуала. Ничего подобного Синклеру еще не доводилось слышать.

Поутру Синклер первым делом тщательно осмотрел поверхность корабля. В глубине души он был убежден, что действия, сопровождавшие ночной шум, просто не могли не вызвать серьезных повреждений оболочки. К его изумлению, на слое окисла, покрывавшем внешнюю оболочку, не было ни единой царапинки. Да и на песке возле ракеты не оказалось ни следов, ни каких-либо других отпечатков.

Несмотря на свой скептицизм, а может быть, как раз благодаря ему Синклер заинтересовался этим делом, особенно когда вспомнил о колебательных движениях, воспринятых кораблем, весившим более ста тысяч земных тонн. Трудно было представить себе, каким образом потребная для этого силища могла воздействовать на корабль, не оставив на нем и следа. Еще труднее было представить, для чего все это делалось.

Сам корабль с тремя дополнительными грузовыми отсеками стоял на расчищенном участке площадью около четырех квадратных километров, за пределами которого во все стороны раскинулись однообразные узоры диких зарослей Проклятой. Этот участок был создан искусственно и включал в себя площадку со сборно-щитовыми бараками и зону, в которой предпо-

лагалось монтировать посадочную сеть. С инженерной точки зрения это было отлично продумано. Все наличные запасы были сконцентрированы рядом с зоной сети.

Первый транспорт прибыл точно по расписанию, и Синклер с головой ушел в дела по разгрузке доставленных на нем конструкций и по организации взаимодействия между начальниками рабочих групп. Но время от времени он отрывался от работы и всматривался в дразнящие воображение края близлежащих зарослей; ему очень хотелось бы знать, там ли сейчас Незнакомцы, а если там — то что они думают о происходящем (если они вообще способны думать).

Изредка в зарослях что-то вроде бы колыхалось, но либо это продолжалось слишком недолго, либо было слишком уж неудобозримо, так что Синклер улавливал движение лишь краем глаза. Постепенно он все же пришел к убеждению, что Незнакомцы из зарослей наблюдали за работами и время от времени совершали вылазки на открытое место — по-видимому, чтобы лучше разглядеть какие-то подробности.

Уже близился конец рабочей смены, когда Синклер все-таки ухитрился освободиться и разыскать Уолда. Уолд был в своем кабинете, в сборном бараке, и угрюмо смотрел на причудливо обработанный прозрачный кристалл, который сверкал, когда его поворачивали. Как только Синклер вошел, Уолд осторожно передал ему этот загадочный предмет.

— Что это такое? — спросил наконец Синклер.

— Черт меня побери, если я знаю! — воскликнул Уолд. — Это оставили здесь Незнакомцы, но что с ним делать: съесть его, посмотреть на него, сесть на него, прислушиваться к нему или еще что-нибудь — я не знаю. И я порой ловлю себя на мысли, что никогда и не узнаю. Ведь это может оказаться всем, чем угодно — от кристаллического компьютера до абстрактной

скульптуры... а возможно, чем-то, настолько превосходящим наше понимание, что человечество никогда не сможет ни понять его, ни воспользоваться им.

— Кстати, о Незнакомцах, — перебил его Синклер, — они как-нибудь проявляли свою враждебность к нам?

— Да в сущности нет. Думаю, что они так же, как и мы, стремятся установить контакт. Но именно в этом-то и кроется опасность.

— Я что-то не понимаю, — признался Синклер.

— Ну, я и не предполагал, что вы сразу поймете. Призадумайтесь-ка над понятием «чужак». Незнакомцы настолько чужды нам, что почти все, касающееся их, не имеет ничего общего с тем, что мы способны постичь. Они так далеки от всех наших концепций, связанных с формами жизни, что их не только познать, а и вообразить себе абсолютно невозможно. А можете вы понять нечто, лежащее вне сферы вашего воображения? Ответ прост: не можете.

— Но это наверняка зависит лишь от широты мышления того или иного человека...

— Отнюдь нет! Жизненный опыт человечества ограничивает воображение индивидуума некими стандартными рамками, вне которых очень трудно строить какие-либо концепции, потому что нет ни аналогий, ни исходных понятий, с помощью которых можно было бы сформулировать или подтвердить ту или иную мысль. Любая концепция вне этих рамок не имеет смысла.

— И все же я не понимаю, в чем тут опасность, — сказал Синклер.

Психолог с глубокомысленным видом посмотрел вверх:

— Чтобы признать Незнакомцев как реальность, необходимо отречься от всего, чему вас учили, и от вашего жизненного опыта. Они не являются суще-

ствами в том смысле, как мы привыкли это понимать, так что приходится принимать их такими, какие они есть — как бы с их точки зрения. Это кончается стрессом и дезориентацией. Человеческий мозг не очень-то хорошо реагирует на такую перегрузку. В лучшем случае у человека голова кругом идет, а в худшем — он полностью капитулирует перед этим конфликтом, у него наступает каталептический шок. Вот почему я предлагаю вам проверить себя, прежде чем вы попытаетесь вступить в какой бы то ни было контакт с Незнакомцами. Мы не можем позволить себе потерять вас. По крайней мере, пока не смонтируют сеть.

— То-то и оно, — сказал Синклер. — Принявши все это во внимание, я тем более не понимаю, зачем на Проклятой нужен посол, пока вам не удастся хоть в какой-то мере понять Незнакомцев.

— И вас это возмущает, не так ли?

— А вы как думаете! — Синклер резко повернулся к нему. — Да, черт возьми, вы правы, я возмущен! Я возмущен тем, что меня заслали в это богом забытое место, чтобы монтировать посадочную сеть и маяк во имя бюрократических хитростей! Хитростей, при помощи которых ввели в заблуждение Администрацию космических территорий, заставив поверить, что на этой планете нужен посол для общения с такой формой жизни, с которой он никогда и не сможет вступить в контакт.

— Вы кончили, мистер Синклер? — слышался вдруг голос Преллена.

Синклер, не заметивший, как тот вошел, в раздражении повернулся к нему:

— Нет, я еще не кончил! Если хотите знать мое мнение...

— Я не хочу знать ваше мнение, — решительно заявил Преллен. — Я не хочу от вас ничего, кроме

действующей посадочной сети и точно установленного маяка. Вам, наверное, интересно будет узнать, что именно работы доктора Уолда по психологии Незнакомцев побудили Администрацию космических территорий командировать посла на Проклятую, а выбор времени и способ доставки сюда того, кто получил это назначение, определены мною.

— Вами?

— Да. Простите, что разочаровал вас, Синклер, но мы, руководители, должны иногда и руководить. Так что поймите: никаких подкупов руководства, никаких бюрократических ухищрений, никаких синекур. Просто технический доклад, согласование и расписание действий.

На лице Синклера отразилось явное недоверие:

— Я не верю вам и не думаю, что адмирал Мэлк поверит. Откровенно говоря, в конце своего рапорта я порекомендую ему передать всю эту историю на расследование.

— Учитывая все то, что вы мне говорили о ваших неотложных делах, — сдержанно заметил Преллен, — мне трудно поверить, чтобы адмирал не нашел ничего лучшего, как заняться политическими махинациями.

— Преллен, я не обязан выслушивать подобные замечания!

— А я не потерплю такой дерзости, — произнес Преллен с угрозой в голосе. — Хотел бы напомнить вам, что пока эти обязанности не взял на себя посол, руководство всеми делами Земли на этой планете целиком лежит на мне, и я пока что олицетворяю здесь законную власть. Разве вы не знаете, что такое власть на этом, еще не вошедшем в Федерацию, клочке «земли»?

— Я скажу ему, — с мрачным удовлетворением произнес Уолд, — поскольку вижу, что в Космической академии его многому не научили: например, умению вести себя и тонкому искусству вовремя остановиться.

Во всем, что касается Земли, власть капитана безраздельна. Он же властвует здесь над жизнью и смертью. Так что, если позволите дать вам совет, Синклер, я порекомендовал бы вам захлопнуть пасть, прежде чем туда влетит что-нибудь непотребное, хотя бы мой ботинок!

— Не надо было этого говорить, Энтон, — сказал Преллен, когда Синклер ушел. — Мэлк и так уже настроен против нас; не хватало только угрожать насильем его офицерам.

Уолд ухмыльнулся:

— Да вы бы сами это сказали, если бы не были связаны требованиями протокола.

— Самое плохое, — ответил Преллен, — что из всех возможных кандидатур нам прислали любимчика адмирала Мэлка. Тут хлопот не оберешься, стоит адмиралу лишь пальцем пошевелиться. Но хотелось бы надеяться, что мы провернем это дело до того, как разразится гроза. Если только нам удастся продержаться, мы выйдем сухими из воды; если же Синклер сейчас поднимет шум, от нас только перья полетят.

Посадочная сеть постепенно обретала очертания. Сборные секции монтировались вовсю. Затем прибыли генераторы, и их тяжеловесные приземистые корпуса были скомпонованы в основании всей структуры, и их предстояло соединить цепочками проводников, которые создавали из перемычек сети сложнейшую паутину. Огромный блестящий шпиль подпространственного маяка был доставлен на Проклятую в собранном виде и установлен рядом с сетью. Здесь же, невдалеке, соорудили здание из сборных деталей; в нем-то Синклер и разместил передатчик со шпилем маяка в качестве антенны, который должен был извлечь лайнер ФТЛ из подпространства и посадить его на мягкое переливающееся поле сети.

На Преллена произвела немалое впечатление та безукоризненная слаженность и точность, с которой экипаж космического транспорта Флота обеспечивал доставку нужного узла в нужное место и в то самое время, когда это требовалось; не менее безупречной была и деятельность Синклера по организации доставки и монтажа. Но то, что Синклер совмещал это с посылкой подробных шифровок адмиралу Мэлку о целях и действиях сотрудников Администрации космических территорий, внушало некоторую тревогу. Ситуация на Проклятой была достаточно необычной и требовала совершенно нового подхода к проблеме установления контактов с ее обитателями. Поэтому Преллен испытывал тягостное чувство оттого, что интриги на Земле запросто могут нарушить неустойчивое равновесие в затеянном им экстрасоциологическом эксперименте.

Однажды вечером Преллен с Уолдом как раз говорили на эту тему, как вдруг вошел Синклер. Он весь излучал ликование, а в руке сжимал космограмму, очевидно, и послужившую причиной его радости. Поймав взгляд Уолда, он удовлетворенно кивнул головой:

— Я рад, что застал вас обоих. Давайте же продолжим разговор о после.

— Валяйте! — сказал Преллен, быстро взглянув на Уолда. — Надо полагать, у вас появилась некая добавочная информация — несомненно, от адмирала Мэлка?

— Вот именно, капитан Преллен. Адмирал уже приступил к расследованию всего этого дела и для начала сообщил мне фамилии посла и сопровождавших его лиц, которые находятся на борту космического лайнера ФГЛ.

— Зря он беспокоился, — устало сказал Преллен. — Я мог бы дать вам все эти сведения, если бы вы были достаточно вежливы и попросили об этом.

— И даже имя посла? Ведь вам оно известно, не так ли?

— Да, — неторопливо ответил Преллен. — Его фамилия Преллен. Так получилось, что это мой сын.

— И вы признаете это!

— Я взял за правило никогда не отречься от своих детей, рожденных в браке.

Такая невозмутимость вывела Синклера из себя:

— Вы отлично понимаете, что я имею в виду! Хотите, чтобы я публично разоблачил подоплеку всего этого?

Преллен оглядел Синклера:

— Да, нам небезынтересно знать, насколько вы в курсе дела, — сдержанно сказал он.

— Так я и думал. Нужно ли мне останавливаться на некоторых деталях, вроде того, например, что штат посольства состоит из пяти женщин — и там нет ни одного мужчины? Своеобразно подобран персонал! Ну как, продолжать?

Преллен сделал движение рукой.

— Нет, пока хватит. Я не знаю, какими путями адмирал раздобыл эти сведения, но они верны. А вот скажите-ка мне, Синклер, чего именно вы-то рассчитываете добиться своими сверхурочными стараниями?

— Вы что, думаете откупиться от меня?

— Я вам ничего не предлагал, но уверен, чтокупить вас можно.

— Откуда такая уверенность, капитан?

— Это самоочевидно, — ответил Преллен. — Вас можно подкупить деньгами или повышением, ибо вы наверняка никогда не слышали о том, что называется принципами,

— И вы смеете говорить *мне* о принципах?

— Да, — сказал Преллен. — И в один прекрасный день вы поймете, каковы мои принципы. А пока мне остается лишь надеяться, что в области техники вы проявите себя лучше, чем в злоязычии, поскольку в противном случае здесь будет адское месиво, когда лайнер ФТЛ упадет на планету.

Что-то темное и бесформенное с глухим стуком бухнулось на полупрозрачный купол здания маяка, яростно цепляясь за него, скользнуло вниз по искривленному скату со скрежетом, напоминающим скрежет когтей, и спрыгнуло с нижней части купола в спасительные заросли. У Синклера от этого шума мороз пробежал по коже. Он свирепо взглянул наверх, так как то же самое случилось со вторым телом, а потом и с третьим. С четвертым вышло по-другому: ударившись о самый низ купола, оно добилось явно невозможного, скользнув по куполу вверх, достигло вершины его и скрылось с глаз долой.

Синклер был уже на полпути к двери, когда вспомнил предписания Уолда и повернулся к переговорному устройству:

— Доктор Уолд, на крыше маяка кто-то резвится. Должно быть, это Незнакомцы.

— Весьма возможно, — сказал Уолд. — Сейчас вас, пожалуй, погонят через лабиринт.

— Лабиринт?

— Крысиный лабиринт — устройство для проверки простейших реакций экспериментальных животных. Они дают им материал об основных возбудителях и о реакциях на них. Незнакомцы уже успели оценить таким путем большинство из нас, и мы им надоели. А вы — другой, вы — человек техники, и я думаю, что сейчас они пытаются получить такие же данные о вас.

— Разыгрывая черт-те что на крыше? — Синклер все еще не верил. — Что же они надеются узнать таким путем?

— Если бы я хоть что-нибудь понимал! — отозвался Уолд. — Я же предупреждал вас, что они — вне сферы нашего понимания. Но совершенно ясно одно: шансов понять нас у них не больше, чем у нас — понять их. И мы, и они пытаемся оценивать друг друга исходя из своих концепций, и я сомневаюсь, чтобы сведения о наших реакцияхгодились им больше, чем нам — данные об их реакциях. Это — классическая алогичная неразрешимая ситуация.

— Только бы мне зацапать одного из Незнакомцев, я бы вам показал, как ее разрешить, — заметил Синклер.

— Интересно бы посмотреть, — сказал Уолд. — Но не советую предпринимать подобные попытки. Откуда вы знаете, что одна из этих тварей не задумала сделать с вами то же самое, что вы с ней?

— Эта дурацкая обезьяна?

— Ага! Ну вот, вы попались в ловушку! — воскликнул Уолд. — Ведь вы ни разу не смогли разглядеть как следует хоть одно из них, а уже решили, что они похожи на обезьян — вот вам ограниченность земных представлений! На самом деле у них несравненно меньше общего с обезьянами, чем у нас. Так что больше всего опасайтесь собственных ложных предубеждений...

Даже через переговорное устройство Уолд услышал, как пятый Незнакомец начал свой странный «танец» на пластиковом куполе; речь Синклера закончилась криком ярости — и связь прервалась. Еще секунду-другую, словно чего-то ожидая, Уолд продолжал держать в руках трубку, а затем кивнул, как бы отвечая на свои же мысли:

— Клянусь брюшком адмирала Мэлка, — непочтительно произнес он, ни к кому не обращаясь, — есть же люди, которые никогда ничего не принимают на веру!

Открыв дверь здания маяка, Синклер выглянул наружу. Здание стояло у края площадки, и только широкая тропа отделяла его от колеблющихся зарослей. Скрежет, донесшийся с крыши, предупредил его о появлении еще одного Незнакомца и позволил судить о направлении, в котором тот скрылся, так как Синклер успел увидеть, как что-то бесформенное ухнуло вниз и бросилось под защиту листвы. Синклер так и не уловил ни высоты, ни очертаний Незнакомца, но понял, что масса Незнакомца куда меньше его собственной, а скорость и проворство просто феноменальны.

Синклер повернул назад, к двери, и схватил метровый кусок титанового прутка, от которого он отрезал пластины для коммутационного устройства маяка. Он задумчиво взвесил в руках этот пруток, не представляя себе, с помощью чего можно одолеть Незнакомцев, не убивая их. Затем он покрепче сжал пруток и вышел наружу.

Долгое время ничего не происходило. Лишь какие-то дрожание, прерывистые звуки, издаваемые малыми живыми существами, доносились до него из зарослей с поразительной ясностью, да прохладное, влажное дыхание растений окутывало его шею, подобно шарфу, с которого еще не снят хлорвиниловый чехол. Наконец Синклер услышал скрежет на крыше и, прикинув в уме, где и когда Незнакомец может спуститься, прикинул к стене, держа пруток наготове. Именно там, где он стоял, с крыши что-то свалилось словно камень — и Синклер нанес удар.

Позднее он так и не смог ни разобраться, ни описать, что же произошло. Впечатление было такое, будто он неожиданно ударил не по мягкому податливому телу, а по каменной глыбе. Удар отозвался в пальцах, державших пруток, неожиданной болью, и от этой боли Синклер выронил пруток. Что-то фыркнуло, или блеснуло, или сделало еще что-то отталкивающее и непонятное, и волна тошноты подбросила и скрутила его тело.

И тут Незнакомец замер перед ним. Синклер хотел было преодолеть состояние прострации, но сразу же впал в него опять, как только попытался соотнести то, что он видел, с тем, что считал хоть скольконибудь возможным. Потрясающая нелепость того, что запечатлелось перед его умственным взором, ничем не напоминала ни одну из множества картин, которые он был готов увидеть. А к тому времени, как Синклер выбрался из хаоса невозможности, его противник-чужак исчез.

Какое-то время Синклер стоял, собираясь с мыслями, затем огляделся. Ни одного Незнакомца не было видно, но бесформенные тени, мелькавшие в глубине зарослей, говорили о том, что Незнакомцы были недалеко. Вдруг Синклер услышал знакомый скрежет и повернулся, ища свой пруток.

Лишь теперь, потрясенный, он осознал, в какой катавасии он побывал. Титановый пруток оказался сплюснутым и согнутым, образовав какую-то непостижимо чуждую и сложную композицию. У Синклера задрожали руки, когда он поднял пруток и увидел сложнейшие замкнутые петли безукоризненной формы, которые потребовали бы многих часов терпеливой работы земного умельца, да и то лишь с помощью сварки электронным пучком. Однако это диво было изготовлено в долю секунды, пока пруток падал из рук Синклера. И оно было совершенно холодное на ощупь.

Это необыкновенное явление с инженерной точки зрения было совершенно бессмысленным. Это было невозможно и в то же время существовало. И именно этот пруток больше, чем что бы то ни было другое на Проклятой, заставил Синклера покрыться холодным потом, недоумевать и внезапно испугаться. Продолжая держать пруток в руке, Синклер повернулся и не спеша последовал за Незнакомцами в заросли.

— Синклер ушел, — объявил Уолд, обнаружив Преллена в штурманской рубке «Максвелла».

— Куда? — сразу насторожился Преллен.

— Не знаю. Думаю — туда, в заросли.

— Черт возьми! — вскричал Преллен. — Значит, он скорее всего поперся туда, чтобы самому взглянуть на Незнакомцев. Как ни опротивел мне Флот, но все же вряд ли стоит возвращать ему его же технический персонал в состоянии шока — а ведь, принимая во внимание косность Синклера, только этим дело и кончится. Так или иначе, Энтон, а лайнер ФТЛ всего в шестнадцать световых часах от нас, и мы обязаны вызволить этого идиота, пока он не свихнулся.

— Нет! — твердо сказал Уолд. — Я понимаю, что должен вызволить этого идиота. Но если он ушел давно — а я думаю, что так оно и было, — то сейчас успел уйти слишком далеко. Слишком далеко даже для вас. Я прихвачу с собой парочку психиатров и тройную дозу мескалина. Если мы не вернемся, не выходите наружу, но постарайтесь разыскать нас.

— А что, действительно в глубинных районах так опасно?

— Хуже некуда, — ответил Уолд. — У вас есть статистика нервных расстройств членов исследовательских групп. Попробуйте соотнести ее с процентом расстройств среди всего персонала.

Преллен криво улыбнулся.

— Я уже сделал это, — сказал он. — Ну что ж, вы ведь доктор. Что еще вам пригодится в дороге?

— Только молитвы да бездна воображения, — невозмутимо заявил Уолд. — Кажется, только на это там и можно опереться.

— Тогда желаю удачи, — сказал Преллен. — О, Энтон...

— Ну?

— Я не знаю, почему Синклер пошел туда в одиночку, но если в результате ваших психологических упражнений ему будет причинен вред, вы знаете, как я буду вынужден поступить с вами!

— Ничего другого я и не жду, — ответил Уолд. — Но, капитан, вам бы пришлось проделать адскую работу, чтобы найти улики.

В зарослях не было заметно тропинок, но пружинящие пальчатые стебли позволяли Синклеру почти без отклонений двигаться в любом направлении. Пускаясь в путь, Синклер мысленно отметил положение Солнца, решив следовать к дальнему, низко расположенному участку листвы, в котором ощущалось какое-то движение. Этот участок явно чувствовал приближение Синклера и двигался впереди него, иногда очень быстро, но ни разу не удаляясь настолько, чтобы исчезнуть из поля зрения Синклера.

Синклер не мог узнать, был ли там один Незнакомец или целая группа, но вот почему чужаки проявляют себя только таким образом, Синклер не умел объяснить, хоть и был физиком.

Понять всю эту ситуацию можно было, лишь сочтя действия Незнакомцев приманкой либо приглашением следовать дальше. Поскольку Уолд заверял его, что Незнакомцы не опасны человеку, Синклер не испыты-

вал особой тревоги, следуя за ними, куда бы они его ни привели.

Но, честно говоря, в глубине души он вовсе не был так уж спокоен. Короткая стычка с Незнакомцем серьезно поколебала его веру в широту собственного воображения, и он вспомнил наставления Уолда об опасности контактов с чужаками. Но сама по себе возможность разузнать хоть что-то о способе, при помощи которого титановый стержень за несколько миллисекунд без нагрева преобразуется в сложнейшую форму, была неодолимо притягательна для Синклера.

Синклер шел уже час, но внезапно остановился — у него начались галлюцинации. Появилось странное ощущение: будто перед ним и вокруг него на мгновение выросли громадные башни — башни, которые возникли и пропали настолько быстро, что он воспринял их скорее подсознательно. Однако четкость изображения была такова, что оно запечатлелось в сознании как несомненная реальность. Все еще в оцепенении Синклер осматривался вокруг, пытаясь понять, что же могло так подстегнуть его фантазию. Но заросли по-прежнему спокойно шевелились.

Внезапно Синклера поглотил ад. Он провалился в центр какой-то темной вращающейся громадины, которая вполне могла бы оказаться одной из машин в оружейных мастерских преисподней. Или частью грохочущего, ошеломляющего сверхгигантского города, настолько же превышающего понимание и выносливость Синклера, насколько наши города были бы непонятны и невыносимы для кроманьонца или неандертальца. Мозг Синклера буквально разрывало от нестерпимой дикости впечатлений, полных грохота, гряды, буйства и непреодолимой силы.

И это видение исчезло так же быстро, как и появилось. Лишь ощущение беспокойства, оставшееся в разгоряченном мозгу Синклера, да грохот, все еще

звучавший в его ушах, продолжали напоминать о перенесенном шоке. Чувство ужаса росло, росло, и Синклер, словно зачарованный, со страхом ожидал того, что еще предстояло ему.

По-прежнему ничего не понимая, Синклер пытался уследить за вереницей миражей — за различными сценами и символами, проплывавшими перед ним. Он не мог отличить иллюзии от реальных фактов, и ему приходилось не истолковывать, а лишь фиксировать то, что он видел. Но даже это вызывало спазмы в его желудке и головокружение. Тем временем в окружающей обстановке произошли ошеломляющие, явно неправдоподобные изменения. Мрачные тени чудовищного сатанинского комплекса уступили место добела раскаленному кусочку пустыни, затем — ледяной тьме, которая местами расцветивалась беспорядочными мерцаниями, столь невообразимо далекими, что глазам было больно. Вновь и вновь изображения незаметно переходили из одного в другое, и затуманивались, и снова прояснялись; становясь реальностью и приобретая чужой, непостижимый смысл, они воздействовали на неизвестные, не свойственные человеку семантические переключатели и изнуряли Синклера; на такие эмоции не был рассчитан его организм.

Первым впечатлением, потрясшим Синклера, было ощущение движения — будто он неким безынерционным способом брошен в мир бредовых видений. Позже более рациональная часть его сознания произвела переоценку этих ощущений, и он начал смутно понимать, что на самом-то деле он был неподвижен, а все эти фантастические видения создавались вокруг него и затем уничтожались.

Синклер вспомнил, что Преллен определял разум как способность сознательно управлять окружающей

средой. Он начал исподволь постигать смысл давно известной истины, гласящей, что в течение определенного времени любая среда должна изменяться — то ли естественным путем, то ли посредством неких манипуляций; он начал также осознавать, что невообразимые изменения и превращения, происходившие вокруг него, отличались от любой знакомой человеку ситуации главным образом своими темпами.

В один из приступов умопомрачения Синклер даже почувствовал, что мыслит так же, как Незнакомцы, но когда он в виде опыта дал волю своему воображению и пытался продолжать в том же духе, незримая связь оборвалась, и он оказался в пустыне жестокого безумия.

Все его чувства стонали под бременем неожиданных ощущений, он страшно устал и был на грани полного изнеможения. Ноги его словно налились свинцом, а вся система рациональных концепций и аналогий, которую он возвел в качестве защиты, начинала распадаться. Синклер знал, что, если он сейчас позволит этой безумной беспорядочности хлынуть в его мозг, он тотчас потеряет всякую связь с реальностью и будет вынужден отступать туда, откуда, быть может, нет возврата.

Синклер не видел, как к нему приближаются Уолд и два психиатра, ступая по движущимся, как в кошмаре, пустыням, словно по дну морскому. И лишь когда они коснулись его, он, наконец, оторвался от сумасшедшей панорамы, к которой был прикован, и попытался восстановить контакт с реальностью. Но это ему не удалось, и он покорно стоял, пока ему делали укол. Чуть погодя Незнакомцы стали для него более реальными и менее угнетающими; псевдоокружение — более понятным и начиненным невероятными истинами, которые он так и не смог ухватить и воспроизвести.

Его увели из этого царства сумасшествия в медленно успокаивающиеся заросли, которые расцвелились узорами и контрастами теней и красок, намекавших на доступ к широчайшим сферам сознания и к существам, пребывавшим по ту его сторону. Но этот доступ так и не был осуществлен.

Оставалось всего два часа до посадки лайнера, когда Синклера наконец вывели из прострации, и хотя его все еще била дрожь, ему предстояло окончательно отрегулировать аппаратуру и подготовить посадочную сеть. Уолд стоял рядом с ним, помогая выполнять простейшие операции и ощущая болезненную жалость. Наконец Синклер махнул рукой в знак того, что работа кончена, и повернулся к доктору с бледной улыбкой:

— Я должен поблагодарить вас за то, что вы притащили меня оттуда. Нельзя сказать, что вы не предостерегали меня...

Уолд пожал плечами:

— Как вы сейчас себя чувствуете?

— Да у меня все перепуталось... я сбит с толку... Думаю, что после всего этого я никогда не буду прежним.

Уолд кивнул:

— Не правда ли, это похоже на ад: полно идей — и ни одного способа сообщить о них кому-либо? Вы зашли слишком далеко и без подготовки. Обычно мы пользуемся медикаментами, которые помогают сохранить достаточную объективность и в то же время сводят напряжение до минимума. Здесь это единственный способ уцелеть.

— Но как же может существовать что-то, настолько невозможное?

— Я не сомневаюсь, — отозвался Уолд, — что они задают такой же вопрос по нашему поводу и у них столько же надежды найти на него ответ. А истина в том, что ни мы, ни они не представляем собой что-то невозможное; мы только превышаем соответствующие ограничения в мышлении друг друга. Мы сами или мы вместе с ними как виды должны нащупать пути приспособления друг к другу, если мы вообще когда-нибудь пойдем друг друга.

Уолд и Синклер стояли у здания маяка, наблюдая за сетью, которая была обманчиво спокойна, несмотря на мощь сфокусированных потоков силового поля, которые, извиваясь спиралью, уходили от сети вверх, в экзосферу. На уровне тропосферы собирались необычные облака Проклятой в ответ на яркий след пробоя, образованного в ионизированной зоне верхних слоев атмосферы концентрированным силовым полем, и незнакомый здесь гром перекатывался на большой высоте. А на поверхности планеты атмосфера оставалась спокойной, и даже голубой коронный разряд на игле маяка казался немым и покорным.

— Думаю, теперь-то вы поняли, как мы не можем вырваться из плена знакомых нам явлений, — сказал Уолд. — Мы ограничиваем свое воображение, огораживая его рамками стандартных вероятностей и возможностей. Мы не можем понять Незнакомцев или общаться с ними, потому что их поведение противоречит всей структуре усвоенной нами логики. Единственным мыслимым мостом между двумя нашими цивилизациями мог бы оказаться человеческий ум, не слишком жестко запрограммированный нашими сегодняшними логическими концепциями; если его поместить между обеими цивилизациями, можно было бы надеяться, что он научится если не примирять, то хотя бы признавать эти два взаимопротиворечащих набора ценностей.

— Если бы нашелся человек с таким образом мыслей...

— Полагаю, что такие люди существуют, — ответил Уолд. — Как раз одним из них и является наш посол.

Колокол начал звонить через строго определенные промежутки времени. Синклер взглянул на свой хронометр:

— Двадцать секунд до контакта, — произнес он.

Все внимательно следили за пучком энергии, идущим от сети в небо. И сколько бы раз ни приходилось человеку видеть это зрелище, оно не теряло для него своего очарования. В какой-то миг огромный лайнер ФТЛ пробил себе дорогу через подпространство на скорости, близкой к бесконечности, а в следующий миг он возник в нормальных пространственно-временных условиях, весь как-то напрягся, завис в воздухе и наконец замер на посылаемой сетью силовом пучке, как стрелка компаса на своей оси. Это было чудо, к которому никто и никогда не мог привыкнуть.

Синклер сказал: «Идет!» — и тут же колокол разразился непрерывным звоном. В этот же момент появился корабль, гораздо ниже, чем ожидалось, но все же в пределах безопасности. Сверхзвуковой удар хлопнул по поверхности планеты с потрясающей силой, а вслед за кораблем гремела и сверкала короткая гроза, сопровождавшаяся, как всегда, мощными осадками. Зрители стоически восприняли все это как часть церемонии прибытия.

Медленно, как бы подвешенный на невидимой нити, корабль послушно снизился и совершил мягчайшую посадку в верхней части сети. Секунду все ка-

залось неподвижным, затем открылись нижние люки и появился лифт. Когда клетка лифта коснулась грунта, все ожидавшие двинулись к ней.

Уолд посмотрел на Синклера:

— Все кончено? Тогда пойдемте вниз — я представлю вас послу.

Синклер взглянул на свой комбинезон:

— Да я одет неподходяще...

— Неважно. В Администрации космических территорий работают не такие уж поборники формальностей.

Они спустились туда, где группа людей начинала раздаваться в стороны по мере приближения посла с его святой.

Когда ряд опять сомкнулся, Синклер остановился как бы в замешательстве, затем опять ускорил шаг и схватил доктора за руку:

— Вы это серьезно?

— Насчет чего? — в голосе Уолда звучала сама невинность.

— Насчет посла... Ведь это какой-то розыгрыш...

— Если вы думаете, что это розыгрыш, то у вас сверхъестественное чувство юмора.

— Но ребенок... Не удивительно, что вам потребовалась сеть для мягкой посадки!

— Уильям Артур Преллен, — сказал Уолд. — Посол, аккредитованный на космические территории Проклятой. Возраст... двадцать семь дней или что-то в этом роде. Он уже становится чуть староват для этой работы, но все равно, он — наилучший наш шанс для установления контакта с Незнакомцами. Мы все устроим так, чтобы он достаточно часто вступал в контакт с ними и на достаточные периоды времени, чтобы его формирующееся сознание воспринимало их одинаково с нами. В чем дело? Кажется, вы немного помрачнели? Признайтесь, вы только теперь уяснили,

что Администрация космических территорий — вовсе не такое тепленькое местечко, как кажется?

Вспомнив собственный опыт контакта с Незнакомцами, Синклер ощутил досаду.

— И вы действительно думаете, что чего-то добьетесь таким путем?

— У нас только один шанс, — ответил Уолд, — да к тому же это опасно. Опасно для юного Преллена и для тех, кто решился на такой шаг. А какую блестящую победу одержал бы адмирал Мэлк!

— Он никогда не узнает об этом, — произнес Синклер. — Во всяком случае не от меня. Я и представить себе не мог, что вы будете так рисковать!

— И Незнакомцы тоже, — сказал Уолд. — Помните тот кристалл в моем кабинете... я не говорил вам, что каждый день он понемногу увеличивается? Я подозреваю, что это эмбрион Незнакомца. Так сказать, их посол к нам. Не исключено, что мы уже достигли этого первого порога взаимопонимания.

Если пройти по главной улице сучавского * Кымпу-лунга от вокзала к новому кинематографу, то справа будет холм Рунк, а слева, по другую сторону Молдовы, останется холм Дея. Несколько лет назад на Рунке еще паслись овцы и коровы. Теперь на его склонах выстроились в ряд дома почти до самой вершины.

Идя по узким и крутым тропинкам, оставив позади сады с желтыми, лиловыми и вишневыми георгинами и поднявшись затем по дорожке, вытоптанной среди сочной травы, выходишь к бревенчатому, окрашенному черной краской домику с зелеными ставнями и красной черепичной крышей, где живет учитель Фиру.

Дом был на отшибе, да и трудный подъем удерживал посетителей; даже почтальон имел обыкновение оставлять письма в канцелярии школы, что стояла у подножия холма.

Итак, гости редко посещали учителя. Поэтому стук в ворота, да еще в одиннадцать часов ночи, озадачил хозяина. Он еще не ложился — читая, задремал в кресле — и поспешил к воротам, как был, в халате и домашних туфлях, хотя поздняя осень уже покрыла листья ржавчиной и осыпала серебром.

— Кто там?

— Я хотел бы поговорить с господином Фиру!

— Я Фиру! Что вам угодно?

— Я от газеты «Рарэул», — ответил самоуверенный юношеский голос. — Вы должны уделить мне несколько минут.

---

* Сучава — уезд в северной части Румынии. — *Прим. перев.*

— Должен? В такой час? Уже почти полночь.

Репортер толкнул дверь, не спрашивая на то разрешения. При свете электрической лампочки Фиру его оглядел. Это был парень лет двадцати с небольшим, невысокий, в очках, с давно не стриженными волосами и бакенбардами чуть ли не до самого подбородка. Он бодро представился:

— Меня зовут Стэнкуцэ.

Учитель явно не замечал протянутой руки.

— Господин Фиру, я хотел бы узнать от вас, насколько можно верить слухам, которые ходят по городу?

— Ах, слухи?! Но почему вы пришли именно ко мне и в такое позднее время?

— Потому, что вы — человек, пользующийся авторитетом в городе, и потому, что заявление, сделанное вами, заслуживает всяческого доверия. А поздно я пришел потому, что был занят, но если я успею в редакцию до двенадцати или до половины первого, материал еще попадет в субботний номер.

— Мне неизвестно, о каких слухах идет речь! — с раздражением проговорил учитель. — Сделайте одолжение, оставьте меня в покое. Я хочу спать.

— Господин Фиру! Здешние жители, ваши соседи, утверждают, что вы наблюдаете за всей этой историей с самого начала и что вы составили себе определенное суждение о ней. Господин Фиру, вы не имеете права скрывать такие события от общественного мнения.

Разговор в саду разбудил Лизу, которая сонно спросила из спальни:

— Джордже, приехал Албу? А я-то его ждала только завтра...

— Не беспокойся! Это кто-то другой... и он собирается уходить.

Господин Фиру, я...

— Немедленно уходите! Если я смогу что-нибудь сообщить прессе, то обращусь к главному редактору.

Но репортер не сдался так легко. Он начал было приводить новые доводы, как вдруг внизу, на тропинке, раздались чьи-то нестройные голоса. Стэнкуцэ и Фиру с любопытством обернулись. В этот вечер учителя ждал еще один сюрприз. Он узнал своего старого друга, доктора Албу, психолога, который, с трудом переводя дыхание, поднимался по тропинке. За ним шел его сын Тител.

— Чтобы... добраться до тебя... нужно быть... по меньшей мере... альпинистом, — гулко раскатывался над долиной бас ученого. — А тут еще эта мерзкая темень, немудрено и в яму угодить в буквальном, а не в переносном смысле.

— Добро пожаловать, Албуле, — смеясь, приветствовал его Фиру. — Если бы на тебя снизошло вдохновение и ты бы приехал в день, указанный в твоей же собственной телеграмме, я встретил бы вас на вокзале.

— Папа не помнил точно, что написал в телеграмме, — пояснил Тител. — Поэтому он сказал, что лучше приехать раньше, чем позже.

— Вот именно! А теперь объясни, Фируле, зачем ты заставил меня совершить это путешествие? Твое загадочное письмо, откровенно говоря, пробудило во мне любопытство. Что у тебя здесь происходит?

Бросив на журналиста тревожный взгляд, учитель перебил приятеля:

— погоди! Поговорим дома. Вы еще здесь, господин Стэнкуцэ!

— Прошу прощения! Не буду больше беспокоить вас. Впрочем, и приезд в Кымпулунг знаменитого психолога Николае Албу может стать сенсационной новостью. Честь имею, господа.

— Кто это? — спросил Албу, утирая платком лоб.

— Репортер! И надо же было ему свалиться мне на голову в самый неподходящий момент! Но пожалуйте в дом! Лиза! Лиза!

Госпожа Фиру проснулась во второй раз и оторопело крикнула:

— Что случилось? Приехал доктор Албу?

— На этот раз приехал!

Послышалось отчаянное «господи помилуй». Лиза верила в предчувствия, и вот одно из них опять сбылось. Она начала торопливо одеваться, размышляя о неблагоприятной участи хозяек.

Надев халат и прикрывши бигуди платком, она спустилась в столовую, где застала мужа и обоих гостей уже за столом. Каждый из них держал в одереvenевших пальцах по стаканчику с цуйкой*

— Добро пожаловать, доктор! Так вы сыграли со мной шутку? В наказание вам придется удовольствоваться холодной закуской. Тител, ну и вырос же ты! В каком классе учишься?

— На первом курсе политехнического.

— Да... Если бы не дети, мы и не замечали бы, как сами стареем.

— Как твои карапузы, Лиза? — спросил Албу. — Здоровы?

— Слава богу! Проказничают кто во что горазд. Во всем Кымпулунге нет более неугомонных детей. Хорошо, что мы живем на окраине, где они могут бить стекла только у нас, благо нет соседей. Завтра вы их увидите. Пойду приготовлю вам что-нибудь поесть.

Госпожа Фиру ушла на кухню. Албу отхлебнул цуйки и причмокнул.

---

* Сливовая настойка. — *Прим. перев.*

— Вот это да! Чувствуется, что слива из твоего сада. Итак, Фируле, насколько я понял из твоего письма, речь идет о... чем-то наподобие фосфоресцирующего облака?

Учитель в замешательстве потер небритый подбородок.

— Можем назвать его и так, если хочешь. Только ведет оно себя несколько странно.

— То есть?

— Каждый день, вернее, каждую ночь, ровно в ноль часов тридцать три минуты оно очень медленно проходит над садом позади моего дома.

— Когда оно появилось впервые?

— Во вторник 26 октября. Ночь была ясная, не очень холодная. Я засиделся допоздна — проверял классные работы — и сел за фортепьяно, чтобы немного отдохнуть. Ровно в ноль часов тридцать три минуты погас свет. Меня это не встревожило, у нас время от времени случаются небольшие перебои. Я встал и подошел к окну. И тут я увидел «это». Оно было похоже на ком из плотного тумана восьмидесяти метров в диаметре. Этот ком излучал довольно яркий зеленовато-голубой свет и перемещался очень медленно, немногим быстрее прогуливающегося человека.

Тител поинтересовался, на какой высоте летел этот ком.

— На небольшой, — ответил учитель. — Не больше... пятнадцати метров над землей. Но полночь уже пробило. Надо торопиться. Наденьте пальто.

После четверти часа ожидания под величественной елью, покрытой изморозью, они совсем окоченели. От холода захватывало дух. Они дули на пальцы и притопывали, как в морозную крещенскую ночь.

Албу не хотелось доставать часы из кармана, и он в третий раз осведомился, который час.

— Ноль часов двадцать восемь минут, — ответил, словно извиняясь, учитель. — Уже недолго осталось.

У забора что-то задвигалось. Какая-то тень молниеносно оторвалась от него и слилась с кустарником. Фиру заметил ее, но решил, что это тень от облака.

Тут увядшие листья кустарника зашевелились.

— Там кто-то прячется!

Доктор Албу ничего не видел, он, как и Тител, не отрывал глаз от неба. Чтобы сделать приятное хозяину, они заявили, что готовы немедленно прочесать весь сад.

Их отделяло от кустарника не более трех-четыре метров, когда оттуда выскочила невысокая фигура и бросилась к воротам.

— Эй, вы! — крикнул Тител. — Стойте! Остановитесь!

Тител сделал робкую попытку преследовать неизвестного, но тотчас вернулся к остальным.

— Он так быстро удрал, что...

Фиру снисходительно махнул рукой.

— Ничего! Это наверняка был репортеришка.

Он набрал воздуха в легкие, чтобы его было хорошо слышно.

— Стэнкуцэ, я же просил оставить меня в покое! Не удивляйтесь, если на вас поступит жалоба!

Репортер успел отбежать на весьма почтительное расстояние, поэтому они с трудом разобрали, что он крикнул:

— Из-за вас я погубил свой фотоаппарат. Он стукнулся о дерево и разбился. Вы отсталый человек, господин Фиру, у вас нет ни малейшего понятия о предназначении прессы!

Психолог дрожал от холода, и трудно было понять, согласен ли он со своим другом. Наконец Албу сказал:

— Очень хорошо, что ты его прогнал! Он бы мог все испортить!

— Почему, отец? Не понимаю! — сказал Тител.

— Я бы очень удивился, если бы оказался неправ, — ответил Албу.

Воздух начал вибрировать. Послышалось еле различимое жужжание, оно постепенно усиливалось и наконец превратилось в грохот, который, подобно грому, прокатился над лесистыми хребтами и фруктовыми садами.

— Что это? — спросил студент. — Ваше облако производит столько шума, как турбореактивный самолет?

— Нет, оно движется в полной тишине. Должно быть, мимо случайно пролетел самолет. Сейчас тридцать одна минута первого. Смотрите...

Гул самолета постепенно затихал. Все трое напряженно всматривались в сторону, откуда, согласно утверждению учителя, обычно появлялось фосфоресцирующее облако. Зоркие глаза Титела первыми обнаружили его.

— Вот оно! Точь-в-точь такое, как вы говорили! Ком, излучающий зеленовато-голубой свет. Он приближается. Нет! Вдруг изменил направление, повернул почти на девяносто градусов.

— Облако уходит! — с сожалением воскликнул доктор. — Оно исчезает вон за теми елями. Жаль! Но так и должно было случиться.

— Почему, отец?

— Из-за самолета!

— Из-за самолета?

— Пойдем в дом, Фируле, — сказал Албу. — Согреемся и поговорим.

Лиза ждала их в столовой. Халат она сменила на платье цвета спелой сливы и сняла бигуди, щеголяя прической, достойной самого искусного парикмахера.

Из-под крышки пузатого чайника, стоявшего на столе, вырывался тонкий пар.

— Ну что, стоило там торчать? Джордже, если у тебя будет жар, знай, я не подам тебе даже стакана воды. Принести вам аспирина?

Албу попросил ее не беспокоиться. Он сам наполнил свою чашку, положил четыре куска сахара и выжал туда половину лимона. С явным удовольствием отхлебнув горячего напитка, он пригласил Титела последовать своему примеру.

— Послушаем твое мнение, Албуле! — сказал учитель.

— Собственно говоря, пока у меня нет никакого мнения! Чего ты от меня хочешь? Могу ли я утверждать, что предмет, за которым мы наблюдали, не что иное, как космическая ракета с другой планеты?

— Конечно, это мог быть и корабль-разведчик межпланетной ракеты, достигшей верхнего слоя земной атмосферы. Телеуправляемый зонд, предназначенный для исследований.

— Он не очень-то похож на корабль, — признался учитель. — Но если проанализировать его реакции и особенно то, что он исчез в момент появления самолета, поневоле приходишь к выводу, что он повинуется воле мыслящих существ.

— Чего же они боятся? — с досадой спросил юноша. — Разве мы такие страшные?

Доктор Албу поставил чашку на стол и откашлялся.

— Допустим, что увиденное нами — действительно посланец какой-то далекой цивилизации. Ты спрашиваешь, почему они боятся нас, Тител? Представь, что ты находишься над неизвестной планетой, с поверхности которой время от времени поднимаются черные грибы ядерных взрывов, что ты видишь кроваво-красные отблески от взрывов бомб и артиллерийских снарядов, города и поля, превращенные в море пламени!

Разве ты осмелился бы вступить в контакт с жителями такого небесного тела?

Фиру промолчал, но в глубине души признал правоту друга.

— В таком случае чем же мы-то можем им помочь? — почти радостно спросила Лиза.

Психолог допил свою чашку и вытер губы ладонью.

— Нет, все-таки нужно что-то предпринять.

— Что же, Албуле?

Доктор не ответил.

Жена учителя взглянула на настенные часы. Было половина второго.

— Довольно! Всем спать!

Албу поднялся и положил руки на плечи учителя.

— Дорогой Фиру, дай мне подумать. Быть может, ночью меня и осенит.

Близнецы ворвались в комнату с оглушительными воплями. Им исполнилось по пять лет. Они были белокурые, взъерошенные и загорелые, в ночных рубашечках из цветной хлопчатобумажной материи, босиком. Вцепившись в докторский пиджак, близнецы исполнили вокруг него что-то наподобие пляски краснокожих.

— Приехал дядя Албу! Приехал дядя Албу!

Ученый попытался их утихомирить, опустившись на корточки и поцеловав в пухлые щечки.

— Как поживаете, дети? Расскажи-ка ты, Петре.

— Я веду себя хорошо и ем все, что дает маменька!

— А ты, Марта?

— А я веду себя лучше и ем все, все, все, что дает маменька! Дядя-я-я... ты привез мне шоколаду?

Албу раскрыл дорожную сумку.

— Как же я мог забыть такую важную вещь? Держи, одна коробка для тебя, а другая — для Петре.

Все внимание детей было теперь целиком поглощено целлофановой оберткой, которая оказывала упорное сопротивление пальчикам с коротко обрезанными ногтями.

Вбежала Лиза, словно предчувствуя, что установленные в доме порядки нарушены. Она пожурила Албу:

— Можно ли давать им сладости натошак? Они даже не почистили зубы.

Несмотря на слезы и возражения, шоколад был конфискован, и детей потащили в ванную комнату.

Появился Фиру, свежесбривший и пахнущий лавандой.

— Доброе утро, Албуле.

— Доброе утро.

— Знаешь, — сказал ученый после небольшой паузы, — я читаю на твоем лице то же нетерпение, что и у Петре и Марты, когда они спросили о шоколаде. Мне пришла в голову одна мысль...

— Bravo! Говори...

— Как ты считаешь, мы найдем в Кымпулунге люминесцентную краску?

— Люминесцентную краску? Вероятно! Объясни мне все же, что ты задумал?

— Пошлем Титела в город купить пару бидонов краски. А до его возвращения позанимаемся физкультурой.

— Может быть, ты перестанешь играть со мной в прятки?

— Мы пойдем в сад и очистим участок земли в несколько десятков квадратных метров. Затем нарисуем люминесцентной краской большой круг.

— Уже не собираешься ли ты оборудовать... посадочную площадку?

— Именно так, Фируле, именно об этом я и думаю! — с явной иронией ответил Албу.

Часа через полтора Тител принес краску, и в соответствии с указаниями психолога к обеду работа была закончена. Время после полудня тянулось мучительно долго. Все беспрестанно смотрели на часы, обменивались мнениями, соглашались друг с другом и возражали, но без раздражения; из организатора же всей затеи нельзя было вытянуть ни слова. Ко вкусным кушаньям, приготовленным Лизой, они почти не прикоснулись, и хозяйка почувствовала еще большую антипатию ко всему загадочному и плавающему в воздухе.

Около полуночи напряженность достигла предела. Они отправились в сад и расположились возле светящегося круга.

— Вы считаете, оно прилетит? — в десятый раз спросил Тител, хотя заранее знал, что ответа не последует. Фиру, разгорячившись, расстегнул пальто и зашунул в карман шарф, которым его укутала Лиза.

— Осталось пять минут! — промолвил учитель, пощипывая нижнюю губу — по мнению его учеников, этот жест предвещал грозу.

— Только бы прилетело! — вздохнул Тител. — Если опять появится вчерашний самолет...

Где-то поблизости затрещали ветки.

— Что это такое? — подскочил Фиру.

Надломился сук, и тяжелое тело шлепнулось на землю.

— Ох-ох-ох, нога! — охал кто-то. — Я сломал ногу!

— Стэнкуцэ! — хлопнул себя по ноге Фиру. — Репортер, черт бы его побрал! Зачем ты залез на дерево, парень? — И он направился было к пострадавшему.

— Внимание, вот оно! — объявил Албу.

На светло-сером небе, усеянном побледневшими от лунного света звездами, показалось голубоватое сияние — облако. Несколько мгновений спустя оно достигло люминесцентного круга, остановилось и замерло, словно паук, висящий на шелковой паутинке.

Торжественную, величественную тишину нарушили возгласы журналиста:

— Я вижу его! Вижу! Где мой аппарат? Помогите мне найти мой аппарат, умоляю! Господи, какое невезенье!

— Десять секунд, — определил Албу, глядя на часы. — Сейчас оно отчалит! Внимание!

Туманный ком неожиданно устремился вверх, как и накануне, повернул к востоку и пропал.

Стэнкуцэ продолжал сокрушаться и разыскивать свой киноаппарат, взятый взаймы у коллеги-оператора. Но Фиру по-прежнему злился на него и испытывал горячее желание схватить его за горло.

— В последний раз говорю: если я еще раз поймаю вас здесь... А теперь обопритесь на меня. Тител, поддержи с другой стороны... вот так. Пойдемте в дом и посмотрим, что у него с ногой.

У репортера было небольшое растяжение связок. После того как ногу забинтовали, он, прихрамывая, отправился восвояси.

Мужчины, измученные и усталые, обменивались за столом впечатлениями.

— Ну, теперь ты можешь сказать нам, какое значение имел светящийся круг? — спросил Фиру психолога. — Таким путем ты хотел известить их о наших мирных намерениях?

— Я и не думал об этом! Круг сыграл просто-напросто роль посадочного знака для фосфоресцирующего облака, если оно обладает разумом.

— И ты хотел дать им понять, что это — место для связи! — с гордостью дополнил Тител.

Его отец неодобрительно покачал головой, возражая скорее против категоричности тона, нежели против существа дела.

— Значит, все еще впереди! — произнес учитель.

— Фируле, как ты полагаешь, что могло бы послужить символом наших миролюбивых намерений, символом, понятным любому разумному существу? — спросил психолог.

— Белый флаг! — воскликнул Тител.

— Нет, белый цвет, как символ мира, даже на нашей планете воспринимают по-разному. У некоторых народов белое означает траур.

— Может быть, голубь или оливковая ветвь?

— Это тоже чисто земные символы!

— Что бы такое... — начал учитель, но внезапно остановился. — Да, да, нашел. Ребенок! Продолжим ход твоей мысли, Албуле... Если, находясь над неизвестным небесным телом, точнее, над одной его точкой, там, где находился посадочный знак, я бы увидел играющего ребенка, что бы я сказал себе? Что существа, населяющие эту планету, подвергли ребенка опасности? Нет, они доверяют мне! Значит, и я в свою очередь могу доверять им.

От громогласного баса Албу задрожали стены.

— Правильно! Вот оно, решение! Однако постой, какой же отец пойдет на такой риск? Какой родитель согласился бы...

— Трудно, очень трудно! Тут нужно много мужества. — Он замолчал, а затем продолжал. — Если бы Лиза согласилась...

— Фируле!

— ...я взял бы Петре или Марту.

— Джордже... это невозможно!

— Почему? Не следует переоценивать опасность. Летающие предметы, замеченные до сих пор, еще никому не причиняли вреда, разве что когда они сами

подвергались нападению. Конечно, без согласия Лизы... Пойду поговорю с ней.

Лиза, которая стояла на лестнице и давно прислушивалась к разговору, спустилась вниз.

— Не нужно, Джордже, я все слышала!

— И... что же ты думаешь?

— Мы не имеем права оказывать предпочтение ни одному из детей. Так что... представим нашим «гостям» обоих. Может, таким образом мы избавимся от смятения, от бессонных ночей и от всей этой истории с фосфоресцирующим облаком.

Следующая ночь была морозной. Тонкий беловатый пар плыл над садом с поблекшими осенними цветами. Лиза одела детей потеплее и повела на место «эксперимента» вместе с мужем и гостями.

Петре, сонный из-за позднего часа, повторял:

— Что мы должны делать, папа? Что мы должны делать, мама?

— Ничего! Играть!

— Я взяла и Эми! — сказала девочка, показывая доктору куклу.

Тител и Фиру шли впереди.

— А если снова явится тот свихнувшийся журналист?

— Обойди сад, Тител! И если найдешь его, выгони вон или хотя бы не пускай сюда.

Студент удалился. Лиза воспользовалась случаем и подошла к мужу. Щеки у нее горели, но Фиру приписал это холоду.

— Джордже... не совершаем ли мы ошибки?

— С ними ничего не случится!

— Взгляни, как послушно играют они внутри круга. словно приманка, которая должна завлечь в западню хищного зверя.

— Замолчи, Лиза! Не говори так! Если это разум человекообразного вида — а у меня есть все причины

так думать, — его поведение может быть лишь одно-значным.

— И все же я боюсь!

— А думаешь, мне не страшно?

Он взял ее за руку.

— Может быть, отложим опыт? Подумаем еще...

— Слишком поздно, Лиза!

Облако уже появилось над деревьями. Стояла мертвая тишина. Ветер, недавно еще сильный, утих. Облако, подрагивая, приближалось очень медленно к люминесцентному кругу. Петре и Марта препирались из-за Эми. Они даже не посмотрели вверх.

Психолог схватился за ствол дерева обеими руками. Тител разыскивал репортера среди увядших хризантем. Супруги Фиру держались за руки, ища поддержки друг у друга.

Туманное облако очутилось над кругом и неподвижно застыло. Секунда... две... пять...

Не в силах совладать с собою, Лиза хотела вырваться, броситься к своим детям. Фиру удержал ее.

— Оставь меня, Джордже! Я не могу больше! Заберем их оттуда!

— Нет! — ответил учитель с упорством, которого он не подозревал у себя до сих пор. — Будем ждать до конца!

В тот же миг от фосфоресцирующего облака, находившегося на высоте всего лишь десяти-двенадцати метров, что-то отделилось и упало внутрь круга.

Фиру бросился к детям, увлекая за собой Лизу.

С противоположной стороны приближался доктор. Он кричал:

— Не волнуйтесь! Все в порядке!

Они не слышали его. Вбежав в круг, они схватили детей на руки. Лиза рыдала.

Фосфоресцирующее облако поднялось, горделиво проплыло над садом, затем исчезло.

Албу тоже ступил в круг и нагнулся над предметом, сброшенным к ногам детей. То был легкий блестящий шар величиной с футбольный мяч, внутри которого находился великолепный серебристый цветок. Он поднял шар и с торжеством показал остальным.

— Смотрите! Что может лучше символизировать добрые, дружественные мысли? Они поняли наше послание и ответили нам.

Со стороны дома показался Тител.

— Я поймал газетчика! Он прятался за забором. Я запер его в чулане. Но что здесь происходит? Неужели «гости» уже были?!

Ответ он прочел на их лицах.

Утром, за кофе и куличом с орехами, споры возобновились. Фиру успокоился и был готов принять любое предложение своего приятеля. Тот с увлечением ратовал за продолжение опыта.

— Нужно положить в круг книгу!

— Какую книгу?

— Азбуку! После того как мы убедились в мирных намерениях друг друга, наступило время научить их нашему языку. Они быстро поймут нас и сообщат о своей системе обучения.

Учитель одобрил это предложение и отправился за азбукой.

Между тем подошла Лиза с детьми.

— Посмотрите, что они нашли сейчас в саду!

Она положила на стол серый куб, казавшийся издали металлическим.

— Железная игральная кость!

— Нет, Тител, не железная. Она очень легкая, как пластмассовая.

Албу спросил, где ее нашли.

— В центре круга! Сегодня утром, как только я их одела, они сразу побежали в сад. Им понравилась вчерашняя игра, и они говорили, что «ждут еще по-

дарков от дяди с неба». Как видишь, дети не ошиблись.

Фиру, который только что вернулся, слушал, разинув рот.

— Значит, они еще раз прошли над садом в другое время, — наконец выговорил он. — И значит, ход рассуждений у них был тот же, что и у тебя, только они оказались проворнее.

— А если это так, — заключил психолог, — то перед нами способ их изъяснения. Их азбука!

— Возможно, ее не так легко расшифровать, как нашу. Но все же попробуем!

Серый куб оказался неподатливым. Он не открывался, самой твердой стали не удавалось оставить на нем царапины, и на него не действовали даже химические вещества. Фиру испробовал все, что у него было под рукой, и в конце концов убедился, что имеет дело с монолитом, не очень плотным, но необыкновенно прочным.

На следующий день Фиру решил отнести его в род и сделать рентгеновский снимок, хотя доктор сомневался в том, что это поможет.

— Вряд ли мы что-нибудь узнаем. Эту проблему следует решать с помощью логических построений. Разумные создания не направили бы к нам послания, которого мы не можем легко расшифровать.

Учителю пришлось с этим согласиться.

— Правда! Зачем им присылать нам для разгадки шараду?

— А это значит, нужно воспользоваться чем-то, связанным с нашей средой, которую они могли исследовать, чем-то, являющимся составной частью нашей жизни.

— Как вода или огонь? — спросил Тител.

— Да, как вода или огонь! Решение должно быть простым, удивительно простым.

Учитель положил куб на подоконник и собрался было пойти на кухню, чтобы принести кружку воды, но застыл в изумлении.

Солнце, до сих пор прятавшееся за свинцовыми тучами, отыскало среди них брешь и послало золотистые, блестящие копыя сквозь белые с цветами занавеси.

Лучи коснулись куба и окутали его. Раздалась странная небесная музыка, невыразимо трогательная и успокаивающая. Она напоминала то колыбельную, которую мать поет младенцу, то шепот ветра, то журчанье ручья, то плеск воды.

— Солнечный свет! — прохрипел Албу сдавленным от волнения голосом. — Он — часть нашей жизни, он управляет ею. Разумеется, следовало ожидать, что рано или поздно солнечные лучи обласкают куб и послание будет передано.

Фиру пришел в себя. Он взял куб в ладони с нежностью, словно поднял птенчика-воробушка, свалившегося с дерева. Голос его звучал торжественно и даже пророчески:

— Музыка сфер! Музыка другого мира! Знаете, что говорит она нам? «Мы люди, такие же люди, как и вы, мы ваши братья с далекой звезды. Протянем же друг другу руку, узнаем и полюбим друг друга!» Это говорят нам они, а мы, мы должны им ответить.

День проходил медленно, может, он был еще томительнее, чем предыдущий. Все приготовления были сделаны. По предложению психолога вокруг люминесцентного круга установили несколько громкоговорителей, тщательно проверили магнитофон, стоявший в столовой, и после долгих споров подготовили пленку. В пять часов после полудня все было готово, и они бесцельно слонялись по комнатам и по саду.

Фиру вспомнил о Стэнкуэ.

— А где же репортер, Тител? Уж не забыл ли ты, что он в чулане?

— Он неплохой парень! — заметил студент. — Я его выпустил сегодня утром. Он обещал больше здесь не показываться.

Учителю хотелось поделиться и с другими переполнявшим его счастьем.

— Жаль! Он такой настойчивый, что заслуживает вознаграждения. Если бы я знал, где его найти, то разрешил бы ему после полуночи прийти в сад.

Тител просиял.

— Да он перед уходом оставил мне номер телефона. Пойду позвоню ему и скажу, чтобы не забыл киносъёмочную камеру. Он будет вне себя от радости.

Тител вышел, а Фиру присоединился к Албу, проверявшему громкоговорители.

— Все в порядке?

— В полном порядке! Как ты думаешь, Фируле, почему они выбрали именно тебя и твой сад? Почему они возвращаются сюда каждую ночь, в один и тот же час?

Учитель пожал плечами. У него не было ни малейшего представления, почему это произошло.

— Позволь мне высказать свое предположение. Теперь нам известно, что они общаются с помощью музыки. Чем ты занимался во вторник ночью, 26 октября, в тридцать три минуты первого, когда фосфоресцирующее облако появилось в первый раз? Играл на фортепьяно, не так ли? Ну, вот тебе и ключ к загадке!

— А знаешь, ты прав! Они услышали музыку и предположили, что здесь их смогут понять. И они не ошиблись! Однако... будет ли для них убедительным ответ, который мы дадим им сегодня ночью?

— Конечно! — твердо сказала Лиза. — Иначе и быть не может! Ведь идея оды «К радости» — все люди братья.

Оставалась еще минута. Из всех трех громкоговорителей дилась величественная музыка Бетховена. Туманный ком в голубоватом ореоле приближался. Они стояли молча, а сердца у них были готовы взлететь.

Лишь Стэнкуцэ тихо бормотал, нажимая пальцем на автоспуск камеры:

— Если мне повезет, я буду самым счастливым журналистом на всем земном шаре.

Албу откашлялся.

— Первая встреча! Так вот как она выглядит!

Облако спускалось медленно, в полной тишине, в центр светящегося круга. Оно опустилось на траву, и зеленовато-голубое сияние погасло...

ИСТОЧНИКИ

- J. Wyndham. Chocky. Lnd., 1968.
- A. Porges. «The Ruum» из сб. «Best Science Fiction», ed. by E. Crispin.
- R. Sawwa. «Lot dalekosiężny» из сб. «Młody technik», 1967 № 5.
- Th. Sturgeon. «Tiny and the Monster» из сб. Th. Sturgeon «A way home».
- A. Morales. «Estraño en la jania» из «Antología española de la ficción científica».
- August Derleth. «Mcilvaine's Star» из сб. Derleth «Worlds of Tomorrow».
- M. R. Cuevillas. «El pastor y el hombre del espacio» из «Antología española de ciencia—ficción.» 1967.
- Э. Шварц «Отъмшението» из «Наука и техника за младежта», 1965 № 2.
- C. Buiza. «Confesión de un grats» из «Antologia de novelas de anticipación», 1967.
- C. Carr. «Ambassador to Verdamm't» из сб. «World's Best Science Fiction 1968», ed. by A. Wollheim and Terry Carr.
- R. Nor. «Mizica sferelor» из сб. R. Nor. «Mister în zece ipostaze», 1971.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Дж. Уиндем. Чокки. <i>Перевод с английского Н. Трауберг</i> . . .	13
А. Порджес. Погоня. <i>Перевод с английского Р. Рыбкина</i> . . .	134
Р. Савва. Дальний полет. <i>Перевод с польского М. Еленской</i>	152
Т. Старджон. Крошка и чудовище. <i>Перевод с английского</i> К. Булычева	168
А. Г. Моралес. Взгляд издали. <i>Перевод с испанского Э. Бобрь</i>	218
О. Дерлет. Звезда Макилвейна. <i>Перевод с английского Э. Кабалевской</i>	221
М. Р. Куэвильяс. Пастух и пришелец из космоса. <i>Перевод с испанского Р. Рыбкина</i>	236
Э. Шварц. Страшная месть. <i>Перевод с болгарского Э. Бобрь</i>	241
К. Бунса. Исповедь Гратса. <i>Перевод с испанского Р. Рыбкина</i>	249
К. Кэпп. Посол на Проклятую. <i>Перевод с английского Н. Устинова</i>	254
Р. Нор. Музыка сфер. <i>Перевод с румынского Т. Хаис</i> . . .	281
Источники	301

ДАЛЬНИЙ ПОЛЕТ

*(сборник научно-фантастических
произведений о контактах)*

Редактор *Е. Г. Ванслова*

Художник *И. Урманча*

Художественный редактор *Ю. Максимов*

Технический редактор *Т. Максимова*

Корректор *Н. И. Баранова*

Сдано в набор 3/IV 1972 г.

Подписано к печати 4/VIII 1972 г.

Бумага № 1 70×108¹/₃₂—4,75 бум. л. 13,30 усл. печ. л.

Уч.-изд. л. 12,56 Изд. № 12/6618

Цена 67 коп. Зак. 116

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»

Москва, 1-й Рижский пер., 2

Ордена Трудового Красного Знамени

Ленинградская типография № 2

имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома

Комитета по печати при Совете Министров СССР,

Измайловский проспект, 29

В 1972 году в серии „Зарубежная фантастика“ вышли следующие книги:

К. Саймак

„Заповедник гоблинов“, *перев. с англ., 15 л.*

Х. Клемент

«Экспедиция „Тяготение“», *перев. с англ., 15 л.*

Д. Финней

„Меж двух времен“, *перев. с англ., 19 л.*

„Космический госпиталь“, *17 л.*

„Двое на озере Кумран“, *перев. с итал., 10 л.*

67 коп.

ДАЛЬНИЙ ПОЛЕТ

